

**БЕЛГОРОДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА**

**ЦЕННОСТИ В ПРАВЕ
В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**

**Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции
31 октября 2025 г.**

Выпуск 2

**Белгород
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
2026**

УДК 342
ББК 67.400
Ц 37

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Бел ЮИ МВД России
имени И.Д. Путилина

Ц 37 **Ценности в праве в условиях модернизации общества** : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 31 октября 2025 г. – Белгород : Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2026. – 262 с.
ISBN 978-5-91776-682-9

Редколлегия:

Александров А.Н., начальник института, кандидат юридических наук, доцент (председатель);

Дизер О.А., заместитель начальника института по научной работе, доктор юридических наук, профессор (заместитель председателя);

Лысенко В.А., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент (ответственный секретарь);

Шаповал Н.А., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент;

Римский А.В., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, доктор философских наук.

В сборнике материалов Всероссийской научно-практической конференции представлены статьи, раскрывающие исторические и теоретические аспекты становления и развития советского государства и права, современное состояние российской правовой системы.

Предназначен для курсантов, слушателей, адъюнктов, профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 342
ББК 67.400

ISBN 978-5-91776-682-9

© Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина, 2026

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Алексеева Л.А.,

кандидат юридических наук, доцент;

Лысак М.В.

(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)

Аннотация: правосознание на сегодняшний день выступает одним из основополагающих аспектов жизни современного человека. В статье сформулировано определение центральной правовой категории исследования, поскольку понятие правосознания не является нормативным, а научная литература не имеет однозначного понимания данного термина. Освещаются изменения в правосознании, вызванные пандемией коронавируса, трансформацией пирамиды потребности и переходом социальных контактов в онлайн-формате. Также отмечаются влияние средств массовой информации и цифровых платформ на правовое сознание граждан. Особое внимание уделено различиям в восприятии права в России и странах с англосаксонской традицией.

Ключевые слова: правосознание; деформация правосознания; инфантилизм; правовой инфантилизм; правовой нигилизм

TRANSFORMATION OF THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF SOCIETY IN MODERN CONDITIONS

Alekseeva L.A.,

Candidate of Law, Associate Professor;

Lysak M.V.

(Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: legal consciousness today is one of the fundamental aspects of the life of a modern person. The article formulated a definition of the central legal category of research, since the concept of legal awareness is not normative, and the scientific literature does not have an unambiguous understanding of this term. Changes in legal awareness caused by the coronavirus pandemic, the transformation of the pyramid of need and the transition of social contacts in an online format are highlighted. The influence of the media and digital platforms on the legal consciousness of citizens is also noted. Particular attention is paid to differences in the perception of law in Russia and countries with the Ang-salmon tradition.

Keywords: legal awareness, deformation of legal awareness, infantilism, legal infantilism, legal nihilism

Правосознание не может быть нейтральным. Положительность или же напротив отрицательность правосознания определяет его суть. Варианту со знаком «плюс» соответствует ситуация подверженности лица высокому уровню правового воспитания, развития его внутренней правовой культуры. При отрицательном варианте правосознания речь идет о том уровне, который можно ошибочно принять за нейтральный, уровне развития правовой культуры, которым наделен любой член общества, имеющий посредственное воспитание в правовой среде.

Юридическая наука выделяет в качестве составляющих правосознание элементов правовую идеологию и правовую психологию. Если психология в данном случае формирует основную базу для повседневного восприятия права в своей жизни, то идеология, в свою очередь, является основой для формулировки идей, положений, установок, правовых целей и программ. Последние используются в дальнейшем для совершенствования коллективного уровня правового сознания.

Наиболее лаконичное и точное разграничение понятий правосознания и правовой культуры дает А.А. Мусурманкулова, которая утверждает, что правовая культура включает в себя так называемые «материальные придатки права» — юридические учреждения, отношения между ними, а правосознание, в свою очередь, отражает именно духовную, идеальную жизнь общества [2, с. 120].

Уровень правосознания в значительной мере подвержен влиянию социальных условий. Динамика общественных процессов вызывает закономерные изменения в правовом сознании как общества в целом, так и отдельно взятого гражданина. Достаточно сильное влияние на правосознание оказала пандемия коронавируса. Пагубным, но не до конца осознаваемым последствием нового вируса стало изменение правосознания общества.

В целях сдерживания распространения инфекции правительство предпринимало множество мер, самыми заметными из которых стали самоизоляция и цифровизация общественных отношений. Данные ограничения, повлекшие резкую смену привычного уклада жизни, стали причиной изменения в сознании человека и, закономерно, в его правосознании.

Во-первых, в условиях пандемии произошла неизбежная трансформация пирамиды потребностей человека. Долгое время теория потребностей Маслоу утверждала тезис о необходимости первоочередного удовлетворения человеком своих базовых потребностей. Однако условия карантина показали, что для нормальной жизнедеятельности члена современного общества наряду с физиологическими имеют огромное значение его социальные и духовные потребности. Для человека в условиях стресса важным стал фактор обеспечения собственного комфорта. Для одних важным является иметь возможность закупить впрок продукты питания и всегда иметь их дома под рукой, а для других — возможность быстрой доставки блюд из любимых ресторанов.

Реалии самоизоляции вынуждали человека к сокращению своих социальных контактов и переводу их в online формат. Тем не менее, перенесение своей жизни в цифровую реальность не смогло заменить живого общения с настоящими людьми. Особенно остро данное нововведение сказалось на людях взрослого поколения, не привыкших к постоянной работе в интернет-пространстве. Но даже те, кто ранее имел частые онлайн-контакты, не смогли достичь полно-

ценного удовлетворения своих потребностей в дистанционном формате. Поскольку живое общение в первую очередь сообщает человеку не информацию, а именно эмоции других людей, исследователи данного вопроса отмечают высокий риск развития у людей психических расстройств при его отсутствии [3].

Деформация традиционной пирамиды потребностей вызвала кризис сознания. Его результатом для многих стали депрессия, неудовлетворенность жизнью, панические настроения, страх перед будущим. Часть граждан перестала видеть смысл в соблюдении общественных норм, если они ограничивают личность и не дают возможность удовлетворять свои потребности [4, с. 104]. Если учитывать тот факт, что правовые нормы формируются на основании устоявшихся в обществе правил, налицо кризис правосознания в обществе.

Вместе с тем вынужденная изоляция наглядно продемонстрировала широкие возможности глобальной компьютерной сети. Стремительное развитие получили онлайн-банки, онлайн-магазины и иные сервисы. Онлайн-коммерция получила мощный толчок развития одновременно с государственными услугами, которые также во многом были перенесены в цифровой формат. В этот же период произошло существенное увеличение кибер-преступности, которая на сегодняшний день является таким же массовым явлением как преступность бытовая.

С началом специальной военной операции стало очевидно, что колоссальное влияние на правовое сознание граждан оказывают средства массовой информации и различные цифровые платформы. В целях предотвращения их негативного влияния органы государственной власти были вынуждены осуществлять более жесткий контроль за ними.

В рамках осмысления ряда факторов, оказывающих влияние на деформацию правосознания, необходимо отметить также этикоцентризм, присущий российским реалиям. К примеру, для России свойственно подчинения права различным этическим нормам – высоким нравственным и религиозным ценностям. В странах же англосаксонской традиции упор делается на личность, на преобладание культа «прав человека», а не традиций. Для россиян привычно восприятие права как аппарата агрессии, принуждения, средства ограничения свободы, а не как целесообразного принципа общественного устройства. В такой общественной позиции строгие ограничения, вносимые в жизнь обывателя государством, пусть даже и в целях общественного блага, становятся катализатором негативных настроений в развитии правового сознания личности.

В научной литературе принято выделять 5 основных форм, которые принимают проявления правовой деформации сознания личности:

1. Правовой инфантилизм.
2. Перерождение правосознания.
3. Правовой дилентализм.
4. Правовой нигилизм.
5. Правовой негативизм [7, с. 51].

На наш взгляд, принципиально новая среда для человека, выразившаяся в его фактической оторванности от общества и притеснении его основных прав на свободу передвижения, на получение и распространение информации, в первую очередь формирует в человеке проявления правового негативизма. Отри-

цание социальной значимости новых законодательных норм и приверженность устоям, нормам морали и обычаям выступают результатом таковой деформации. При этом нельзя исключать вероятной опасности перерождения правосознания, поскольку апогей искаженности правового сознания личности может повлечь за собой в том числе и преступный умысел.

Важнейшую роль в препятствовании процессу деформации и недопущении нигилистских настроений играет уровень правовой информированности общества. Данный аспект отмечается и на законодательном уровне. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан содержат положения о необходимости обеспечения стремительного развития системы правового просвещения в стране на всех уровнях, в том числе на уровне улучшения качества работы государственных информационно-справочных систем. [6, с. 47]. Лишь в том случае, когда человеку полномерно доступна вся законодательная база и она доступно толкуется, а также теоретически и практически обосновывается как самими законодателями, так и правоприменителями, возможно не допустить разночтения и, как следствие, непонимания обществом самих норм права и причин их обуславливающих.

Таким образом, проанализировав практические аспекты жизни граждан в современных условиях, можно прийти к выводу, что события последних пяти лет оказали существенное влияние на изменение правовой реальности в стране, а также снизили уровень доверия граждан к государству и праву в целом. Прслеживается стойкая тенденция к трансформации правосознания личности и общества, которую необходимо взять под контроль в целях недопущения отрицательных общественных последствий. Наиболее действенным путем сдерживания негативной деформации данного института представляется проработка механизмов правового просвещения граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Осипов Р.А. Правовая информированность и правосознание граждан (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2018. – 215 с.
2. Мусурманкулова А.В. Взаимодействие правосознания и правовой культуры // Наука, новые технологии и инновации. – 2015. – № 6. – С. 120–122.
3. Виловатых А. Вероятные последствия пандемии нового коронавируса [Электронный ресурс]. – URL: <https://riss.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).
4. Багреева Е.Г., Вахтуров Е.В. Изменение правосознания в условиях пандемии // Евразийская адвокатура. – 2020. – № 5 (48).
5. Астафурова Е. Уровень доверия к государству у россиян упал до 61 % во время кризиса из-за пандемии [Электронный ресурс]. – URL: <https://openmedia.io/news/n1/> (дата обращения: 15.04.2022).
6. Осипов Р.А. Деформация правосознания личности в современном российском обществе // Вестник СГЮА. – 2020. – № 3 (134).
7. Правовое воспитание сотрудников органов внутренних дел / А.Н. Александров, К.В. Буняева, В.В. Васильев [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. – 165 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСЬЮМЕРИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Апальков А.В.,

кандидат педагогических наук, доцент;

Козырева М.К.,

кандидат филологических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в данной статье анализируется понятие «общество потребления», его ключевые особенности и теоретические концепции, связанные с ним. Методологической основой служит знаково-символическая концепция Жана Бодрийяра. В работе подчеркивается необходимость всестороннего изучения этого явления на теоретическом и практическом уровнях. Авторы предлагают разработать комплексные подходы для формирования ценностей, ориентированных на качество жизни, межличностные отношения и самореализацию, а также новые методы мониторинга изменений, связанных с консьюмеризмом.

Ключевые слова: общество потребления; консьюмеризм; социальное давление; Жан Бодрийяр; потребительская культура; ценности

THE TRANSFORMATION OF CONSUMERISM IN MODERN CONSUMER SOCIETY

Apalkov A.V.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Kozyreva M.K.,

Candidate of Philological Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article analyzes the concept of “consumer society”, its key characteristics, and related theoretical concepts. Jean Baudrillard’s semiotic-symbolic concept serves as the methodological basis. The paper emphasizes the need for a comprehensive study of this phenomenon at both theoretical and practical levels. The author proposes developing integrated approaches to shaping values focused on quality of life, interpersonal relationships, and self-realization, as well as new methods for monitoring changes associated with consumerism.

Keywords: consumer society; consumerism; social pressure; Jean Baudrillard; consumer culture; values

В 1970 году французский философ Жан Бодрийяр (1929–2007) опубликовал монографию «Общество потребления: его мифы и структуры» [1], где он глубоко проанализировал и систематизировал концепцию «общества потребления». Хотя идеи о потреблении уже использовались в научных исследованиях

ранее, Бодрийяр предложил более структурированный и комплексный подход к их анализу и интерпретации. По мнению Бодрийяра, современное общество достигло состояния, в котором жизнь человека представляет собой непрерывный и регламентированный поток товаров, аналогичный структуре торгового центра.

Проблема консьюмеризма становится все более глобальной из-за усиливающегося и повсеместного влияния рекламы и социального давления. Эти силы манипулируют сознанием людей и заставляют их следовать устоявшимся социальным нормам. Это требует всестороннего изучения данного явления как на теоретическом, так и на практическом уровне.

По мнению Жана Бодрийяра, успех потребительской культуры определяется двумя основными факторами. Во-первых, потребление обещает полное удовлетворение потребностей человека. Во-вторых, потребительская культура становится новым, подлинным языком социального взаимодействия. Кроме того, потребление рассматривается как эффективный способ самовыражения индивида в обществе. Бодрийяр подчеркивает, что потребительское поведение имеет значение, сопоставимое с другими формами человеческого общения [1]. Взаимосвязь между потребительской культурой и образом жизни выходит за рамки маркетинга товаров, затрагивая глубокие социальные и психологические аспекты. Потребительская культура формирует идентичность через акты потребления, создавая не только конкурентную среду для промышленного производства, но и стиль жизни для значительной части населения. В рамках этой культуры люди осознанно или неосознанно определяют себя через выбранные бренды, автомобили и гаджеты.

Культура потребления унифицирует социальные практики через массовое потребление однотипных товаров и стандартизацию досуга. Медиамаркетинг создает искусственные потребности, навязывая ложные стандарты успеха через рекламу и социальные сети. Бренды формируют систему ценностей, в которой самооценка зависит от наличия статусных вещей, а не от личных достижений. Культура потребления разрушает глубокие межличностные связи, заменяя их поверхностными отношениями. Происходит стандартизация поведения и следование модным тенденциям. В современном обществе человека оценивают по его способности соответствовать потребительским стандартам, а не по внутренним качествам [2]. Необходимо пересмотреть потребительское поведение, чтобы сохранить истинные человеческие ценности.

Проблема консьюмеризма приобретает глобальный масштаб из-за растущего влияния рекламы и социального давления. Эти факторы манипулируют сознанием людей и заставляют их следовать общепринятым социальным нормам. Поэтому необходимо всестороннее изучение этого явления как на теоретическом, так и на практическом уровне [3].

Одним из сложных аспектов изучения общества потребления является оценка нематериальных аспектов благополучия. Традиционные экономические показатели не всегда точно отражают реальное качество жизни и уровень счастья людей. Для более полного понимания благополучия необходимо учитывать дополнительные факторы, такие как социальные связи, межличностные

отношения и возможность самореализации. Культура потребления способствует унификации культурных практик. Однотипные товары и массовые культурные явления становятся преобладающими, что ограничивает разнообразие и индивидуальность. Это может привести к утрате уникальности и самобытности культур [4].

Манипуляции в цифровом пространстве, осуществляемые через рекламу и социальные сети, становятся все более распространенными. Важно создать эффективные механизмы для противодействия этим манипуляциям и защиты общественного сознания от навязанных стандартов и искусственных потребностей.

Существует противоречие между экономическим ростом и показателями качества жизни. С одной стороны, экономический рост может способствовать повышению уровня жизни и снижению бедности. С другой стороны, он может привести к усилению консьюмеризма и потере истинных человеческих ценностей.

В результате люди становятся продуктами массового производства, лишёнными уникальных предпочтений и полностью соответствующими требованиям конвейерного процесса. Социологическая теория утверждает, что жизнь в потребительском обществе не приносит счастья, несмотря на материальное изобилие. С экономической точки зрения, постоянный рост не может быть устойчивым, что приводит к периодическим экономическим кризисам [3].

Основным недостатком общества потребления является то, что чрезмерное внимание к потреблению изменяет человеческую природу, лишая ее духовной основы и сводя существование к материально-потребительским аспектам. Потребительская логика проникает в традиционные социальные взаимодействия, формируя коммуникации на основе выгоды и полезности. Это приводит к постепенной утрате фундаментальных понятий, таких как дружба, взаимопомощь и поддержка, которые ранее были основой межличностных отношений.

В потребительском обществе счастье и самореализация рассматриваются как приобретаемые категории, а самооценка все чаще связывается с владением материальными благами. Это постоянное стремление к «большему» стимулируется рекламой, влиянием социальных сетей и общественным давлением. Потребительская культура формирует восприятие жизни, в котором приоритет отдается товарам и услугам. Однако истинная человеческая природа не ограничивается накоплением материальных объектов; она выражается в осознанном стремлении к благополучию, отдавая предпочтение впечатлениям и межличностным отношениям.

Чтобы преодолеть негативные последствия общества потребления, нужно создать эффективные инструменты для формирования новых моделей поведения. Это могут быть образовательные программы, информационные кампании и социальные инициативы, которые помогут изменить ценности и приоритеты людей.

Отсутствие методологий для альтернативных ценностей затрудняет разработку и реализацию эффективных стратегий противодействия консьюмеризму. Необходимо разработать комплексные подходы, основанные на научных исследованиях и практическом опыте, для формирования ценностей, ориентированных на качество жизни, межличностные отношения и самореализацию.

В условиях гиперреальности возникает серьезная проблема: подмена истинных ценностей материальными показателями успеха. Духовные и нравственные ориентиры теряют свою значимость, уступая место стандартам потребления. Эти результаты подчеркивают необходимость критического пересмотра потребительских моделей поведения. Для сохранения подлинной человечности в условиях гиперреальности крайне важно найти гармонию между материальными и духовными аспектами. Это требует не только личного осмысления, но и системных изменений в общественном сознании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. – Москва: Республика: Культурная революция, 2022. – 268 с.
2. Игаева К.В., Мордвинов А.А. Социальная история консьюмеризма в работах П. Стернса // Диалог со временем. – 2022. – Вып. 80. – С. 425–429.
3. Степаньян С.А. Социальная обусловленность формирования ценностей консьюмеризма в обществе массового типа // Молодой ученый. – 2016. – № 9 (113). – С. 1008–1011.
4. Про общество потребления или о коммунизме и «айфонах»... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://anlazz.livejournal.com/95571.html> (дата обращения: 18.03.2026).

НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ ВНУТРЕННЕЙ РУСОФОБИИ КАК ДЕМОНТАЖ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ РУССКОЙ ИДЕИ

Бобков А.И.,

кандидат философских наук, доцент
(Восточно-Сибирский институт МВД России)

Аннотация: в статье предпринята попытка философского осмысления концепта «русская идея» как мощнейшего фундамента для создания консолидирующей идеологии российского общества. Обозначена проблема непонимания того, что преемственность русской идеи в истории этнокультурной субъектности является основой для предотвращения демонтажа этнокультурной субъектности русского народа.

Ключевые слова: русская идея; консолидирующая идеология; русофобия; неолиберализм; ноосферное мировоззрение

THE NEOLIBERAL IDEOLOGY OF INTERNAL RUSSOPHOBIA AS A DISMANTLE OF THE CONTINUITY OF THE RUSSIAN IDEA

Bobkov A.I.,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
(East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: The article attempted a philosophical understanding of the concept of “Russian idea”, as a powerful foundation for creating a consolidating ideology of Russian society. The problem of misunderstanding that the continuity of the Russian idea in the history of ethnocultural subjectivity is the basis for preventing the dismantling of the ethnocultural subjectivity of the Russian people is indicated.

Keywords: Russian idea; consolidating ideology; russophobia; neoliberalism; noospheric worldview

Сегодняшнее осознание необходимости разработки консолидирующей идеологии властью в российском обществе в условиях информационной войны можно обозначить как желательно, но не обязательно. Желательно, потому что консолидирующая идеология, как выяснилось, есть даже у тех, кто декларирует идеологический плюрализм, а не обязательно, потому что идеологи могут полностью перекроить список экзистенциальных, стратегических задач, стоящих перед Россией и перед Русским миром сегодня.

Такое перекраивание высветит невысокий уровень философской культуры не только в политическом сообществе России, отвечающем за целеориентацию российского общества, как системы, но и позволит выявить давно присутствующий идеологический раскол в сообществе социально-гуманитарных экспертов. Более того, многим из них придется признаться в том, что они вообще бояться возникновения консолидирующей идеологии в силу их русофобских ценностных ориентаций. Русофобия – это их базовая философская методология и их исследовательская цель в силу того, что их верования и убеждения построены на идеализации того, что доказывает постоянное отставание России и отсутствие шанса уйти вообще от такого отставания. Здесь интересы политиков, зарабатывающих очки на отставании, и экспертов-русофобов сходятся в том, что их обреченность на подражание и само подражание являются той самой болезнью русской жизни, о которой писал еще Н.Я. Данилевский, обозначающий ее как «*европейничанье*» [4].

Не звучат ли сегодня актуально вопросы этого автора, заданные им более полутора века назад? Стоит только вдуматься в то, что совпадение вопросов тогдашнего времени с сегодняшней ситуацией не случайно. Разве сегодняшний исследователь проблемы русской идеи и внутренней русофобии не подпишется под следующими вопросами Н.Я. Данилевского: «К чему ставить иностранные формы жизни на первое, почетное, место и тем накладывать на все русское печать низкого и подлого, как говорилось в то время? Неужели это могло укрепить народное сознание?» [4, с. 266].

Нам могут возразить, сказав о том, что недавнее советское прошлое с его наличием консолидирующей идеологии опровергает ее позитивное значение для жизнедеятельности общества. Более того, идеологический аппарат принуждения вел к власти в идеологической сфере все тех же обладателей низкого уровня философской культуры, также далекой от русской идеи и русофобской, как и сейчас.

Возражение отчасти справедливое, но лишь отчасти. Справедливость его состоит в том, что советский коммунизм в его примитивном, номенклатурно-идеологическом исполнении был такой же внутренней русофобией, как и современный неолиберализм русофобствующих «европейцев» с российским и не только гражданством. Номенклатурный коммунизм постоянно убеждал массы в том, что путь русской идеи прерван, и коммунизм с ней не имеет ничего общего. Слова К. Маркса о том, что у пролетариата нет Отечества, повторялись как мантра. Однако концепт важнейшего события русской истории XX века «Великая Отечественная война» противоречил этому.

Кроме того, в лоне советского коммунизма постоянно высвечивалась парадоксальная идея о том, что русская философия не могла опередить западную философию, и тут же утверждалось наличие в ней передовой философской практики в лице ленинского учения. Опять же инаковость русской философской культуры и ее неевропейский характер утверждались именно через уход от линейного пути западной цивилизации. Самодостаточность самобытного развития русской философской культуры выявила тот факт, что в условиях ухода от дифференциации социальных субъектов в сторону их консолидации позволяет говорить о том, что консолидирующая идеология все-таки присутствовала как выражение доминанты русской культуры. Именно она смогла обеспечить преемственность русской идеи как культурной доминанты, но только не в форме русофобского коммунизма В.И. Ленина, а в форме русского коммунизма А.А. Зиновьева. Разрывы в истории бытия русской идеи были преодолены выявлением этой доминанты русской культуры в советский период через предложение концептов «русского коммунизма» А.А. Зиновьева и «советской цивилизации» С.Г. Кара-Мурзы.

При этом отказ в поиске социального врага в рамках основной задачи идеологии был предложен этими мыслителями, полагавшими, что их концепты обозначают уход и от «восстания масс» (Х. Ортега-и-Гассет) и от «восстания меньшинств» (Л.Г. Ионин). Так, С.Г. Кара-Мурза полагает, что смысл «советской цивилизации» заключается в том, что «Уже в первой своей, ранней реализации в виде СССР, в ходе трудных проб и ошибок он показал, что жизнь общества без разделения на избранных и отверженных возможна. Возможно и человечество, устроенное как семья, «симфония» народов – а не как мировой апартеид, вариант неязыческого рабовладения» [6, с. 6].

Методологически важно упомянуть также в контексте обсуждаемой нами проблемы, еще один концепт, являющийся базовым для разработки консолидирующей идеологии в современной России, а именно концепт, предложенный А.С. Панариным, обозначенный им как «православная цивилизация» [7].

Все эти концепты важны тем, что они выступают консолидирующими понятиями, позволяющими сказать о том, что русская идея не прерывалась и не преры-

вается до сих пор. Путь продолжался и продолжается. Русская история будет восприниматься как непрерывный процесс развития русской идеи тогда, когда ее наличие в качестве доминирующей идеи культуры будет показано и доказано.

Для того чтобы показать феномен отсутствия прерывания русской идеи, нам следует обратиться к памятной работе В.Н. Сагатовского «Русская идея: почему ее не принимает наше общество?» [9]. Именно в ней один из глубоких советских и российских философов задался вопросом о том, почему миф о прерывистости русской идеи способствует отрицанию ее консолидирующего смысла как единственной основы для создания консолидирующей идеологии? Скорее всего отрицание русской идеи с обозначением ее, как истока русского рабства является мифом удобным для ряда сообществ, отличающихся низким уровнем осмысления русской философской культуры не только досоветского, но и советского периода. Пребывая в убежденности, что ярлыки, навешанные на русскую идею, выступают доказательством ее несостоятельной сущности, современные русофобствующие интеллектуалы-эксперты утверждают безыдейное и безыдеологическое состояние русского общества в качестве нормы.

Причина их отрицания строится на утверждении того, что русское Просвещение как зрелое пользование собственным умом является до сих пор отсутствующим фактом нашего социокультурного развития. Мы до сих пор не можем выработать императивы русской идеи в силу того, что мы все еще пребываем в варварстве нового средневековья, так и не оконченного для нас.

Мы до сих пор не выработали идеологии в силу того, что все наши творения не содержат тех императивов, указывающих на успешное знание здесь и сейчас. В.Н. Сагатовский выдвинул четыре причины такого игнорирования русской идеи.

Первая им обозначена, как неудовлетворительное состояние методологической культуры носителей критического дискурса русской идеи. Происхождение данной причины, по мнению В.Н. Сагатовского, связано с двумя аспектами мышления спекулирующих на нигилистическом смысле русской идеи. Первый аспект может быть обозначен как уход от вопроса: «Что такое идея культуры?». Второй аспект связан с тем, что «идея, формулируемая в качестве доминанты культуры определенного типа, кажется «слишком абстрактной» [9].

Вторая причина заключается в том, что русская идея отождествляется с понятием «национальная идея». При этом данное отождествление происходит не в пользу русской идеи, а в пользу заимствованной национальной идеи прагматического толка. Ее хотят либо заимствовать, либо смодифицировать так, чтобы это заимствование было явно скрыто. Здесь иллюзия разрыва настолько сильна, что, скажем, такая новая формулировка русской идеи, как «русский мир», признается рядом идеологов неолиберализма аналогом «*Rex Americana*».

Однако в рамках русской идеи национальная идея носит подчиненное положение и не может быть национальной. Она скорее всего сверх национальна, как об этом писал в свое время Н.А. Бердяев: «Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, склонности насильственной русификации» [2, с. 26].

Более того, сближение русской идеи с национальной ведет к тому, что ее синергия и ее консолидирующий потенциал будут не раскрыты до конца. Как не будет раскрыт до конца ее потенциал противодействия исключительной правоте меньшинства, фундаментальной составляющей неолиберализма. Картина русской идеи меняет картину неолиберальной избранности лишь тогда, когда русское государство замечает, что бедное большинство не нуждается в изобилии, но и в нищете оно долго оставаться не может. Цивилизация меньшинства нацелена на наукоемкое ограбление будущего, а цель русской идеи – не допустить этого ограбления на уровне предотвращения поглощения культурой цивилизации. Не случайно А.С. Панарин в свое время утверждал, что выталкивание общества в цивилизацию происходит в условиях отказа от идеи Просвещения. Он в частности отмечал: «В этом смысле СССР или Советская Россия были молодым миром. Нынешняя Россия, выталкиваемая из Просвещения, снова становится старым миром, в котором различия в происхождении и другие компоненты социальной наследственности вновь приобретают утраченное было значение. Модерн – это не просто замена старого новым, это система перманентной модернизации всех практик и расширения социальных возможностей посредством овладения знаниями» [7, с. 1163].

Поэтому следует предположить, что русская идея должна выступать синтезом религии, философии и науки, а не их противопоставлением, как это происходит в интересах неолиберальной текущей современности с ее желанием уничтожить любые идеологии кроме неолиберализма с помощью них самих. Государство российское должно воплощать в своей деятельности русскую идею, иначе оно будет обречено на десуверенизацию, как происходит со многими государствами постмодерна.

Поэтому необходима модернизация русской идеи с учетом опыта русского коммунизма и советской цивилизации, как цивилизации просвещения. Цивилизации, сумевшей идею культуры поставить выше идеи цивилизации неолиберального толка. Как справедливо отметил А.А. Зиновьев: «Объективно русские были единственным народом, который оказался способен на эволюцию в направлении, принципиально отличном от западного. Открытие это эволюционное сделали мы. Неважно то, что идеи были занесены откуда-то, но русский коммунизм не по марксистскому проекту построен. Он строился в силу необходимости» [5, с. 70].

Таким образом, на сегодняшний день мы имеем идеологические угрозы по отношению к консолидирующим традиционным ценностям русской цивилизации (культуры), исходящие из того, что ценность государственности, как культуросозидающего начала, в них прописана красной нитью. Без культуросозидающего начала консолидация русского общества государством невозможна, а кроме него эту задачу выполнить не сможет никто, даже церковь в силу того, что православие симфонично во властных идеях. Идеологию «последнего Рима» воплощает русская государственность, а утопию «Святой Руси» – церковь, иначе в данном контексте быть не может.

Третьей причиной восстания против русской идеи и потребности в консолидирующей идеологии в контексте идеологии неолиберализма выступает нежелание различать интеллектуалов как творцов русской идеи и квазиинтеллектуалов-интеллигентов русофобского характера. Их разница состоит в том, что квазиинтеллектуалы, составляя плоть неолиберальной диктатуры циников нетократического характера, полагают, что интеллектуалы обречены вечно изучать идеи чужого типа. Ксенократическая нетократия русофобского толка сегодня имеет большую способность к дискредитации консолидирующих начал русского общества, чем когда-либо. И здесь русская идея важна тем, что она уходит от революционного общества к «задам славянофильства», в то время как русофобствующие интеллектуалы постоянно повторяют «зады западников». Предостережение С.Н. Булгакова о том, что это повторение не дает силы к созданию консолидирующей идеологии верно лишь в части западнической русофобии, иначе обстоит дело тогда, когда основы славянофильства повторяются с целью утверждения этнокультурной субъектности против революционной тотальной объективации большинства [3, с. 23–24].

Непрерывность для русофобов страшнее всего, а еще страшнее то, что русская идея рушит их картину мира, где «Себя они, естественно, почитают «элитой», «продвинутой» на пути к «общечеловеческим ценностям», и критиковать любые проявления нашей «отсталости» считают хорошим тоном. Они проживают, функционируют в России, но не служат ей. Не повезло нам с такой «интеллигенцией» ... По сути дела – это «пятая колонна» в продолжающейся против нас информационно-психологической войне, призванной превратить некогда великий народ в функционеров глобальной рыночной демократии эпохи «конца истории» [9].

Поэтому для создания консолидирующей идеологии нам необходимо признать внутренний русофобский неолиберализм экстремистской идеологией, отличающейся особой технологической изощренностью по дискредитации русской идеи как концептуальной основы консолидации русского общества и государства. Русская идея в данном случае в русофобии неолиберализма не признается единственной исторической практикой воплощения сочетания утопии «Святой Руси» с идеологией «Третьего Рима». Именно это воплощенность пугает тех, кто хочет идеологии самоубийства России в интересах прогрессивного человечества глобалистского толка [10, с. 6].

Идея непрерывности русской идеи в данном случае лишает определение русской этнокультурной субъектности, как реального ее исторического в рамках культуры, превосходящей цивилизацию, что усиливает позиции Н.Я. Данилевского, но ослабляет позиции О. Шпенглера. Более того, непрерывность проявляет внутреннюю русофобию, как экстремизм тем, что для них «Цикличность и антиисторизм «русской матрицы», взбадриваемой периодическими расколами в циклическом культурно-цивилизационном и политическом развитии России: при этом маленькие циклы «либерализации» всегда сменяются «большими периодами» авторитаризма, деспотизма и тоталитаризма, в данный момент – «путинского деспотического режима»» [1, с. 16].

Для реализации создания консолидирующей идеологии необходимо понять то, что такие концепты, как «православная цивилизация», «русский коммунизм» или «советская цивилизация» стремятся к тому, чтобы показать реализацию русской идеи в различных контекстах. Ее же следует вслед за В.Н. Сагатовским определять как «Ноосферное мировоззрение», исходящее из того, что «в нынешней точке бифуркации люди способны сделать прямо противоположный выбор: не максимум, но оптимум в отношениях человека к природе, к самому себе и между людьми. В самом общем плане оптимум осуществляется прохождением «по лезвию бритвы» между минимумом (отказом от творческого развития) и максимумом (развитием без всяких ограничений). Приближение к идеалу оптимума предполагает, что люди в своем развитии на каждом шагу руководствуются столь недостающим им чувством меры, т.е. внутренней установкой, а не внешним принуждением» [8, с. 4].

Подводя итоги, полагаем, что в масштабности русской идеи таится страх перед ней тех, кто четко осознает, что их ценности по отмене ценностей становятся ничтожными. Да и как может быть иначе, если в основании русской идеи лежат: «воля к любви, соборность, антропокосмизм и Общее дело созидания ноосферы» [9].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабинцев В.П., Римский В.П. Матрица русофобии и ментально антропологические типы русской интеллигенции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2013. – № 16 (159). – С. 16–28.
2. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. – Москва: Астрель, 2007. – 1179 с.
3. Вехи. – Москва: Типография В.М. Саблина, 1909. – 212 с.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – Москва: Книга, 1991. – 574 с.
5. Зиновьев А.А. Русскому народу нанесен смертельный удар // Социология власти. – 2006. – № 4. – С. 69–72.
6. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. – Москва: Эксмо, 2002. – 640 с.
7. Панарин А.С. Православная цивилизация. – Москва: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.
8. Сагатовский В.Н. Новый взгляд на историю (попытка обоснования) // Социум и власть. – 2011. – № 1 (29). – С. 4–10.
9. Сагатовский В.Н. Русская идея: почему ее не принимает наше общество? [Электронный ресурс]. – URL: <https://vasagatovskij.narod.ru/Russkaya.doc>. (дата обращения: 02.10.2025).
10. Лысенко В.А. Почему традиционные ценности актуальны для современного российского общества / Ценности в праве в условиях модернизации общества: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Белгород, 31 октября 2024 года. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2025. – С. 103–105.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Богачева М.В.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: одним из основных направлений деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации является охрана общественного порядка. В статье анализируется информационная составляющая деятельности МВД России в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Ключевые слова: информационная деятельность органов внутренних дел; охраны общественного порядка; информационное обеспечение

SOME ISSUES OF INFORMATION ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES IN THE SPHERE OF PUBLIC ORDER PROTECTION

Bogacheva M.V.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: one of the main areas of activity of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation is the protection of public order. This article analyzes the information component of the Ministry of Internal Affairs of Russia's activities in the area of public order protection and public safety.

Keywords: information activities of internal affairs agencies; public order protection; information support

На современном этапе информационная деятельность органов внутренних дел включает в свой состав деятельность по обеспечению охраны общественного порядка, функционированию дежурных частей, контролю за соблюдением правил дорожного движения, в том числе камерами автоматизированной фиксации, а также деятельность подразделений по вопросам миграции.

Анализируя информационную составляющую деятельности МВД России в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, можно отметить, что данное направление является одним из самых объемных по количеству реализуемых функций, что в свою очередь требует всеобъемлющее информационное обеспечение для эффективного выполнения поставленных задач.

Информационная деятельность МВД России в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности включает в свой состав несколько основных составляющих.

Первой составляющей является информационное обеспечение функционирования подразделений по контролю за соблюдением правил дорожного движения.

Сведения, накопленные в информационных ресурсах Госавтоинспекции МВД России, активно используются не только в деятельности подразделений по охране общественного порядка, но и для раскрытия и расследования преступлений, в том числе другими правоохранительными органами. Кроме того, информационные ресурсы о безопасности дорожного движения являются основой для управления всей сферой дорожного движения Российской Федерации.

Ю.Н. Калюжный в этой связи справедливо указывал, что информационные меры входят, как неотъемлемая составная часть в единую государственную политику по обеспечению безопасности дорожного движения, а ведение информационных баз и банков данных является отдельной разновидностью учетных полномочий Госавтоинспекции [13].

Информационные ресурсы Госавтоинспекции объединены в единую информационную систему с 2007 года [1]. Они сконцентрировали в своем составе информацию о лицах, допущенных к управлению транспортными средствами, зарегистрированных транспортных средствах и их владельцах, лицах, объявленных в федеральный розыск, дорожно-транспортных происшествиях, лицах, привлеченных к административной ответственности, разыскиваемых транспортных средствах и другие сведения. Федеральная информационная система Госавтоинспекции функционирует на основании постановления Правительства Российской Федерации от 30.06.2021 № 1101 [2] и приказа МВД России от 05.02.2016 № 60 [3] и интегрирована в ИСОД МВД России в качестве отдельного сервиса служебной деятельности.

Непосредственно с ФИС Госавтоинспекции связан Сервис ИСОД для автоматизации деятельности Центров автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения (далее – ЦАФАП). ЦАФАП позволил автоматизировать фото-, видеофиксацию нарушений ПДД и составление административных протоколов, а также процесс информирования владельцев транспортных средств о нарушениях.

Кроме того, создан Сервис автоматизированной проверки граждан, транспортных средств и документов на объектах учетно-заградительной системы подразделений МВД России (САПД УЗС), который предназначен для выявления в транспортном потоке лиц, транспортных средств, бланков строгой отчетности и специальной продукции, находящихся в розыске, лиц, представляющих оперативный интерес для правоохранительных органов, автоматизация деятельности сотрудников, осуществляющих службу на объектах учетно-заградительной системы.

Второй составляющей информационной деятельности МВД России в сфере охраны общественного порядка является информационное обеспечение функционирования подразделений по вопросам миграции.

В указанных подразделениях создано несколько информационных систем, содержащих информационные ресурсы всероссийского масштаба. При этом информационные ресурсы подразделений по вопросам миграции, как и Госавтоинспекции, содержат триллионы записей и используются для информационного обеспечения деятельности всех подразделений органов внутренних дел, а также других органов государственной власти.

О.В. Катаева, М.В. Мозжухина, З.Н. Столярова и др. указывают, что информация, касающаяся сведений о физических лицах, играет центральную роль в деятельности МВД России. При этом информационные процессы в отношении указанной информации осуществляются как на федеральном, так и на региональном уровне [14].

Основной информационной системой, которая в настоящий момент интегрирована в ИСОД, является Государственная система миграционного и регистрационного учета, а также изготовления, оформления и контроля обращения документов, удостоверяющих личность (ГС «МИР»).

Государственная система «МИР» функционирует на основании постановления Правительства Российской Федерации от 06.08.2015 № 813 и обеспечивает автоматизированный учет внутри гражданских и заграничных паспортов граждан России, а также основных документов, выдаваемых лицам без гражданства. К указанным документам относятся разрешение на временное проживание, вид на жительство, временное удостоверение личности, выдаваемые лицам без гражданства, а также удостоверение беженца [4]. Кроме того, система позволила автоматизировать оформление и выдачу виз, предоставление необходимых сведений, в том числе биометрических, для пограничного и миграционного контроля. Составной частью ГС «МИР» являются Государственная информационная система миграционного учета (далее – ГИСМУ) и Государственная система изготовления, оформления и контроля паспортно-визовых документов нового поколения (далее – ГС ПВДНП).

ГИСМУ функционирует на основании постановления Правительства Российской Федерации от 14.02.2007 № 94 [5] и используется для сбора информации о мигрантах, в том числе приехавших в Россию на длительный срок в трудовых целях, российских граждан и организациях, принимающих мигрантов, документах, выданных мигрантам, а также проведенных в отношении них проверках и сданных ими экзаменах, соотечественниках, добровольно переселяющихся в Россию, вынужденных переселенцев, объединенные в Центральный банк иностранных граждан. Кроме того, ГИСМУ содержит информацию о паспортах российских граждан и регистрационном учете всех физических лиц. Система позволяет осуществлять взаимодействие с другими министерствами и ведомствами в электронном виде. В современных условиях, с учетом значительных проблем, возникших в миграционной сфере, информационное обеспечение учета иностранных граждан позволяет органам внутренних дел осуществлять деятельность по охране общественного порядка с должной эффективностью.

С 2022 года на основании Приказа МВД России от 26.09.2022 № 704 в составе ГС «МИР» внедряется единый информационный ресурс регистрационного и миграционного учетов (далее – ЕИР РМУ) [6]. Указанный информационный ресурс предназначен для повышения эффективности, оптимизации и автоматизации выполнения административных процессов подразделениями по вопросам миграции территориальных органов МВД России, в соответствии с требованиями административных регламентов по направлениям деятельности. Разрозненные подсистемы ГИСМУ, в том числе разработанные еще для ин-

формационного обеспечения деятельности ФМС России, заменяются на унифицированные подсистемы ЕИР РМУ. Кроме того, внедряемая система позволяет формировать аналитическую и статистическую отчетность, а также содержит новые подсистемы, которых не было в ГИСМУ.

ГС ПВДНП предназначена для оформления документов, содержащих электронный носитель информации, к которым относятся заграничный паспорт российского гражданина на основании приказа МВД России от 31.12.2019 № 996 [7], проездной документ беженца на основании приказа МВД России от 03.02.2020 № 41 [8] и вид на жительство лиц без гражданства на основании приказа МВД России от 11.06.2020 № 417 [9].

Третьей составляющей информационной деятельности МВД России в сфере охраны общественного порядка является информационное обеспечение функционирования подразделений по обеспечению охраны общественного порядка и деятельности дежурных частей.

В отличие от первых двух составляющих созданные в данной сфере информационные ресурсы и системы используются исключительно для нужд подразделений МВД России. При этом они только частично обеспечивают информационное сопровождение деятельности указанных подразделений и не предоставляют возможности комплексной информатизации их задач и функций.

Информационное обеспечение деятельности по охране общественного порядка основывается на Сервисе обеспечения охраны общественного порядка ИСОД МВД России [10] (далее – СООП), который создан для работы нескольких подразделений. СООП используют в своей служебной деятельности участковые уполномоченные полиции, подразделения по исполнению административному законодательству, административному надзору, сотрудники изоляторов временного содержания, подразделения по делам несовершеннолетних и патрульно-постовая служба.

СООП позволяет автоматизировать значительное количество служебных функций в области охраны общественного порядка, в том числе по ведению административных участков, осуществлению профилактических работ с лицами, состоящими на учете у участкового уполномоченного, ведению списочного учета различных категорий лиц и профилактической работе с ними, осуществлению административного надзора и др.

Особо необходимо отметить автоматизацию формирования материалов и составления протоколов административных правонарушений, контроль полноты и своевременности уплаты административных штрафов. Таким образом, разрозненные информационные ресурсы подразделений по обеспечению общественного порядка, в том числе информационные системы по учету административных правонарушений, были объединены в рамках одного сервиса ИСОД, что вывело информационное обеспечение их деятельности на новый уровень.

Непосредственно взаимодействуют с указанными подразделениями дежурные части, в интересах которых создан Сервис обеспечения деятельности дежурных частей ИСОД. Сервис обеспечения деятельности дежурных частей ИСОД обеспечивает автоматизацию сообщений о происшествиях от граждан, взаимодействие с дежурно-диспетчерскими службами других ведомств, учет

маршрутов патрулирования, личного состава и транспортных средств, ведение электронных журналов и книг учета, установление личности доставленных лиц и составление административных протоколов.

Четвертой составляющей информационной деятельности МВД России в сфере охраны общественного порядка является информационное взаимодействие подразделений с другими государственными органами, организациями и гражданами.

Во-первых, подразделения по вопросам миграции и Госавтоинспекция МВД России непосредственно взаимодействуют с населением и организациями в процессе оказания государственных услуг и выполнения государственных функций. Во-вторых, накопленная информация предоставляется правоохранительным и иным государственным органам в рамках межведомственного информационного обмена.

Для оказания государственных услуг создан Сервис предоставления государственных услуг (далее – СПГУ), который функционирует на основании приказа МВД России от 03.11.2015 № 1054 [11]. Данный специализированный сервис ИСОД позволяет автоматизировать взаимодействие сотрудников ОВД с системой Госуслуги, гражданами и организациями, а также дает возможность руководству контролировать деятельность сотрудников в процессе оказания государственных услуг. Кроме того, через СПГУ с использованием Единой системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), функционирующей на основании постановления Правительства Российской Федерации от 08.09.2010 № 697 [12], осуществляется информационный обмен с другими министерствами и ведомствами, а также региональными и муниципальными органами власти.

Необходимо отметить также некоторые тенденции и проблемы в развитии информационной деятельности МВД России в сфере охраны общественного порядка. Созданные в 1990-х годах информационные системы для работы с банками данных Госавтоинспекции и паспортно-визовых подразделений после неоднократных модернизаций преобразуются на современном этапе на новой программной основе. Также необходимо отметить, что интеграция разрозненных информационных систем в виде сервисов и подсервисов ИСОД МВД России позволила значительно повысить уровень защиты информации в информационной инфраструктуре органов внутренних дел. Особенно важным с точки зрения обеспечения безопасности является то, что в отличие от большинства министерств и ведомств в МВД России реализованы системы электронного документооборота, электронной почты и видео-конференц-связи внутри защищенного контура. Кроме того, Сервис оказания государственных услуг, интегрированный в ИСОД, позволяет осуществлять взаимодействие сотрудников ОВД с гражданами и организациями в защищенном варианте.

В качестве основной проблемы в созданной и модернизируемой в настоящий момент информационной инфраструктуре можно указать следующее. Количество накопленных записей в банках данных МВД России огромно, однако по многим направлениям деятельности сотрудники формируют информационные массивы, самостоятельно не зная, что есть у коллег в соседнем подраз-

делении. Если же такая информация у сотрудников и имеется, то доступа к данным, накопленным у «соседей», они, как правило, не имеют. Это обусловлено тем, что многие сервисы ИСОД предназначены исключительно для конкретных служб и не доступны никому другому. Кроме того, все попытки анализа направлены преимущественно на вычисление соотношений относительно показателей прошлого года или просто сбор статистических сведений. При этом предметный анализ по отдельным проблемным вопросам, выявление тенденций предотвращения комплексных условий для совершения отдельных видов преступлений и правонарушений системно не осуществляется. Работа ведется преимущественно здесь и сейчас, а деятельность на перспективу, в том числе с использованием накопленной и получаемой ежедневно информации, на уровне районного органа внутренних дел не проводится.

Представляется, что имеющиеся объемы информации позволяют осуществлять реальный анализ оперативной обстановки в конкретном регионе или муниципальном образовании; помогают выявлять зависимости криминогенной обстановки от экономической ситуации, миграционной ситуации, транспортной доступности; оценивать влияние ситуации проведения специальной военной операции на обстановку в регионе и близость к фронту, а также другие факторы. Органы внутренних дел обладают всеми возможностями для того, чтобы не только знать, что происходит на конкретной территории, но и прогнозировать, что на ней будет происходить, а также предпринимать своевременные меры к исправлению ситуации вместе с другими государственными органами. В данной сфере видится самое перспективное направление для использования технологий искусственного интеллекта. Это требует, в свою очередь, разработки методик анализа, которые должны быть нормативно закреплены преимущественно на межведомственном уровне или на уровне субъекта Российской Федерации [15].

Также необходимо обратить внимание на недостаточное использование новых технологий для уменьшения рутинных операций в деятельности сотрудников ОВД. С одной стороны, в качестве положительного примера можно указать ЦАФАП, который практически полностью автоматизировал процесс контроля за соблюдением правил дорожного движения, оставив инспектору обязанности проверки работы информационной системы и подписания протокола об административном правонарушении.

Однако, с другой стороны, таких положительных примеров пока еще недостаточно. Можно привести в качестве отрицательного примера деятельность участковых уполномоченных полиции при составлении паспорта участка. Так, для составления указанного документа и ведения его в электронном виде как базы данных участковый уполномоченный должен потратить сотни или тысячи человеко-часов в процессе получения информации. Однако большая часть требуемой информации содержится или в информационных ресурсах МВД России, или доступна по запросу в других министерствах и ведомствах. Соответственно, работу по получению и структурированию указанной информации вполне может выполнить искусственный интеллект. Для этого необходима разработка модели паспорта участка и обучение нейросети на нескольких примерах. По-

требуется несколько вариантов паспорта участка: в крупном городе, малом городе и в сельской местности. Сбор информации о проживающих лицах, торговых и промышленных предприятиях, государственных организациях на территории участка может быть выполнен в автоматическом режиме. Нейросети будет достаточно указать адреса домов и требуемые сведения, причем собираемая информации является полностью открытой или содержится в информационных ресурсах министерства.

Резюмируя результаты проведенного анализа информационной деятельности органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка, можно предложить два предпочтительных, на наш взгляд, направления модернизации созданной информационной инфраструктуры. С одной стороны, требуется создание возможностей для анализа накопленной информации для выявления возникших тенденций в оперативной обстановке в регионе или муниципалитете. Это позволит не раскрывать преступления и правонарушения, а предотвращать их. С другой стороны, необходимо использовать имеющиеся информационные возможности для решения частных задач. Например, возможно автоматизированное создание паспорта участка участкового уполномоченного полиции за счет использования технологий искусственного интеллекта и получения информации из различных сервисов ИСОД и внешних информационных ресурсов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Приказ МВД России от 03.12.2007 № 1144 «О системе информационного обеспечения подразделений Госавтоинспекции» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2021 № 1101 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области безопасности дорожного движения и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>.

3. Приказ МВД России от 05.02.2016 № 60 «О порядке эксплуатации специального программного обеспечения федеральной информационной системы Госавтоинспекции» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.08.2015 № 813 «Об утверждении Положения о государственной системе миграционного и регистрационного учета, а также изготовления, оформления и контроля обращения документов, удостоверяющих личность» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 14.02.2007 № 94 «О государственной информационной системе миграционного учета» // Российская газета. 2007. № 37.

6. Приказ МВД России от 26.09.2022 № 704 «Вопросы эксплуатации единого информационного ресурса регистрационного и миграционного учетов в составе государственной информационной системы миграционного учета» [Электронный ресурс]. – Доступ из СТРАС «Юрист».

7. Приказ МВД России от 31.12.2019 № 996 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по оформлению и выдаче паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, содержащих электронный носитель информации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

8. Приказ МВД России от 03.02.2020 № 41 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по оформлению и выдаче беженцу проездного документа, содержащего электронный носитель информации» [Электронный ресурс] Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

9. Приказ МВД России от 11.06.2020 № 417 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство, замене иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>.

10. Приказ МВД России от 11.01.2016 № 1 «Вопросы эксплуатации программного обеспечения для реализации Сервиса обеспечения охраны общественного порядка» [Электронный ресурс] // Доступ из СТРАС «Юрист».

11. Приказ МВД России от 03.11.2015 № 1054 «Вопросы эксплуатации сервиса предоставления государственных услуг» [Электронный ресурс] // Доступ из СТРАС «Юрист».

12. Постановление Правительства РФ от 08.09.2010 № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» (вместе с «Положением о единой системе межведомственного электронного взаимодействия») [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>.

13. Калюжный Ю.Н. Обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации: концептуальные организационно-правовые основы: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2020. – 258 с.

14. Формирование и использование информационных ресурсов МВД России в сфере миграции: учебное пособие / О.В. Катаева, М.В. Мозжухина, З.Н. Столярова [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. – 129 с.

15. Богачева М.В. Возможности и перспективы использования технологий искусственного интеллекта в административной и оперативной деятельности органов внутренних дел / Математические методы и информационно-технические средства: материалы XX Международной науч.-практ. конференции, 6 июня 2024 г. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2024. – С. 31–38.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПРАВО» И «ЗАКОН» В ПОЗИТИВИСТСКО-ПРАВОВОМ НАСЛЕДИИ В.Д. КАТКОВА

Божко Е.А.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые аспекты философского понимания и осмысления отдельных понятий в праве в контексте изучения юридико-лингвистической составляющей законотворческой и правоприменительной деятельности. Раскрывается соотношение таких фундаментальных категорий юридической техники, как право и закон, сквозь призму взглядов отдельных представителей отечественной политико-правовой мысли. Особое внимание отводится воззрениям неповторимого теоретика философского осмысления права Василия Даниловича Каткова, в которых раскрываются фундаментальные основы правовой природы и соотношения ведущих понятий в юриспруденции, осмысление которых в контексте совершенствования законотворческой и правоприменительной деятельности представляется в качестве ключевой задачи современной правовой доктрины.

Ключевые слова: В.Д. Катков; государство; государственность; доктрина; закон; консерватизм; монарх; право; право в субъективном смысле; право в объективном смысле; самодержавие; философия

THE CORRELATION OF THE CONCEPTS OF «RIGHT» AND «LAW» IN V.D. KATKOV'S POSITIVIST-LEGAL HERITAGE

Bozhko E.A.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the key aspects of the philosophical understanding and interpretation of certain concepts in law in the context of studying the legal and linguistic component of legislative and law enforcement activities. It reveals the relationship between such fundamental categories of legal technique as «law» and «legislation» through the lens of the views of certain representatives of Russian political and legal thought. Special attention is paid to the views of Vasily Danilovich Katkov, a unique theorist of philosophical understanding of law, whose views reveal the fundamental principles of the legal nature and the relationship between key con-

cepts in jurisprudence. Understanding these principles in the context of improving legislative and law enforcement activities is a key task for modern legal doctrine.

Keywords: V.D. Katkov; state; statehood; doctrine; law; conservatism; monarch; right; right in the subjective sense; right in the objective sense; autocracy; philosophy

Современная юридическая доктрина изучает и рассматривает обширный спектр проблем, существующих в правоприменении, в контексте организации деятельности органов государственной власти, связанной с принятием различных нормативных правовых актов, а также деятельности соответствующих субъектов по реализации нормативных предписаний. В свою очередь, на протяжении нескольких столетий современными учеными-юристами и правопреминителями ведется спор о соотношении таких ведущих категорий в юриспруденции, как право и закон. Исследование проблемных вопросов соотношения рассматриваемых категорий получило широкое освещение в современной литературе в рамках не прекращающей работы по совершенствованию нормотворческой деятельности, которая на современном этапе является, безусловно, актуальной и приоритетной. Такая практическая и научная деятельность подпитывается исследованиями отдельных дореволюционных ученых-правоведов, которые еще более века назад заложили почву для современного осмысления порядка реализации эффективной законодательной деятельности и не утратили актуальности в настоящее время.

Немаловажный вклад в изучение рассматриваемых категорий внес выдающийся дореволюционный юрист, философ и правовед Василий Данилович Катков (1867–1919) [19, с. 54]. В своих научных и публицистических трудах наряду с вопросами организации верховной государственной власти [12; 14; 20], государственности [3; 7; 8; 9; 10; 13], самодержавия [11], цивилистики [1; 2; 4; 5], общими вопросами философии права [6] ученый отдельное внимание уделял анализу основных понятий в юриспруденции, в том числе рассматривал соотношение таких явлений, как право и закон. Являясь основоположником изучения языка права, профессор Императорского Новороссийского университета В.Д. Катков [15, с. 20] одним из первых отечественных дореволюционных ученых работал над совершенствованием юридической техники при осуществлении деятельности по подготовке и принятию нормативных-правовых актов. Неопозитивистское мышление ученого, подкрепленное верой в незыблемое самодержавное начало русской государственности, раскрывает в воззрениях В.Д. Каткова особое видение права как закона, подкрепленного силой государственной власти, и позволяет говорить об ученом как об основоположнике формирования новых методологических подходов к пониманию права, направленных на преодоление кризиса отечественного позитивизма, сложившегося в эпоху самодержавия.

Подчеркивая неразрывную связь закона и права с государством, ученый, так или иначе, приходит к выводу о наличии еще одного важного звена, без которого невозможна полноценная реализация государственной деятельности по принятию законов, с другой стороны – деятельность по интерпретации и реализации

законов. Обозначая особую роль юристов в процессе нормотворческой и правоприменительной деятельности, В.Д. Катков, как и подобает убежденному государствоведу, отмечает, что «основные идеи, с которыми приходится иметь дело юристу, так же стары, как человеческий род. Государство явилось не вчера: начало его лежит в туманной дали происхождения человеческого рода. Было государство, был и закон, хотя бы в формах устных велений главы независимой семьи. Были закон, была и оценка человеческих действий по отношению к ним. Были обязанности и права. Какое-нибудь выражение эти идеи находили себя и в языках широкой публики. Юрист должен поискать, а не изобрести их» [18, с. 93].

Обращаясь к сущности понятия закона, а также рассуждая о важности деятельности государства и его роли в принятии нормативных предписаний, ученый приходит к выводу, что как в литературе, так и в обычном словоупотреблении закон имеет более узкое и более широкое значение. В.Д. Катков пишет, что «закон в тесном смысле есть веление власти, имеющее в виду целый класс действий и исходящее от его верховного представителя. В более широком смысле под законом подводятся и случайные распоряжения, исходящие хотя бы и от подчиненных властей. «Законом» ... считается не только действие, соответствующее закону, в узком смысле, но и соответствующее, например, полицейскому предписанию» [18, с. 37]. Таким образом, В.Д. Катков отмечает, что «государство направляет деятельность людей и подавляет ту, которую оно считает вредною, при помощи властных велений, называемых законами в широком смысле. Законы налагают обязанность держаться в своей деятельности известного направления. То, что принадлежит другим, как коррелят этой обязанности, называется правом» [18, с. 53].

Развивая идею единства права и закона, ученый отвергает возможность существования права отдельно от закона, лишая его какой-либо самостоятельности, отмечая, что «право, следовательно, не есть конечный факт, не подлежащий дальнейшему анализу, не есть нечто, самостоятельное, а производное. Никакой самостоятельной науки о нем быть не может. Чтобы могла существовать наука о праве, нужно было бы, чтобы право было самостоятельным фактом. Но право не существует вне государства и независимо от той или иной государственно-правовой нормы» [18, с. 53]. «Исследуя и изучая законы, – пишет В.Д. Катков, – мы интересуемся не ими самими, а тем чем-то невидимым и скрытым, что произвело их. Это невидимое и скрытое и есть «право». Кто не знал этого возвышенного «нечто», тот не обладает еще наукой, хотя бы он знал наизусть все законы» [17, с. 324]. Ученый, поддерживая идею единства права и закона, все же говорит о праве как о фундаментальной основе, на которой базируется любой закон, тем самым не только придает праву действительный характер, но и в определенной степени ставит его выше закона, отмечая, что «право есть настоящий объект науки; в нем находят свое основание действующие законы. Оно есть первая и существующая реальность» [17, с. 325].

В.Д. Катков как истинный приверженец позитивного начала происхождения «права» рассуждал о нем в объективном и субъективном смысле, отмечая, что «право в объективном смысле есть совокупность действующих в государстве принудительных норм. Право в субъективном смысле есть защищаемый

объективным правом интерес. Кроме того, ученый видел очевидным, что «объективное право» приблизительно соответствует нашему понятию закона в широком смысле, а «субъективное право» – нашему праву, без каких-либо эпитетов» [18, с. 54].

Примечательно, что, несмотря на консервативный стиль мышления, ученый в своих научных и публицистических трудах неоднократно придавался анализу мнений и воззрений зарубежных юристов и правоведов. Опыт пребывания за рубежом, когда ученый совершенствовал свои знания в ведущих городах и библиотеках Европы [16, с. 268], положительно отразился на восприятии научных постулатов иностранных ученых и позволил В.Д. Каткову более полно и критически подходить к анализу сходных правовых и государственных вопросов, присущих правовым системам других государств. Рассуждая о праве и законе, ученый не обошел вниманием воззрения ведущих английских и немецких ученых, изучение которых способствовало становлению у В.Д. Каткова собственной концепции понимания права и закона.

Исследуя воззрения английской школы права, В.Д. Катков отмечает, что при той терминологии, которой придерживаются англичане, никаких сомнений о взаимном отношении этих двух понятий быть не может. Закон устанавливает на одной стороне обязанности, на другой – права. Право есть порождение, функция закона [18, с. 89]. Предаваясь рассуждениям, с опорой на мнения немецких ученых, В.Д. Катков пишет, что «немецкие юристы тоже чувствуют разницу между этими двумя понятиями ... Англичанин, имеющий ясно распознаваемые внешние марки для этих двух понятий (закон и право), сознает их различие и отчетливо понимает их взаимное отношение. Не то у немецких юристов. Ведь право в субъективном и право в объективном смысле – все-таки право: оба носят один и тот же титул, оба они, следовательно, с одной стороны, как будто равносильны, а с другой стороны, если хорошенько подумать, как будто не равны, связаны какими-то узлами субординации. Но субординации не ясной. Отсюда нескончаемые споры о старшинстве по чину между ними: то право в субъективном смысле поражает право в объективном смысле, то обратно, право в объективном смысле есть порождение, как бы сумма всех прав в субъективном смысле» [18, с. 89].

Неотъемлемым спутником как в жизни В.Д. Каткова, так и в его воззрениях о государстве и праве является нравственность. Нравственные установки в совокупности с христианским мировоззрением ученого отложили значительный отпечаток на его государственно-правовые воззрения в целом. Не лишены нравственного начала и предлагаемые идеи ученого относительно соотношения рассматриваемых понятий. Особенно четко проявляется зависимость от нравственных основ, заложенных в обществе и окружающем мире. Рассматривая закон как определенное олицетворение нравственности, ученый пишет, что «закон есть или «категорический императив», не подлежащий критике, как высшая идея нравственного мира; или есть творение рук человеческих, но творение, носящее на себе печать высшего происхождения. Если бы право не было лишь коррелятом обязанности, а синоним справедливости, то и тогда понятие закона было бы высшим по отношению к нему» [17, с. 326].

Рассматривая тесное взаимодействие закона, права и нравственности, ученый отмечает, что закон и право – это результат деятельности отдельных субъектов, осуществляющих принятие и применение закона в целом, раскрывая необходимость и возможность участия юристов в законодательной деятельности. Законы, отмечает ученый, изменчивы: в этом не может быть сомнения. Но если право изменяется с изменением законов, как это признают все юристы, оно столь же изменчиво, как и законы [17, с. 327]. Подчеркивая особую роль юристов в законодательной деятельности, В.Д. Катков отмечает, что «юристу нужно знать идеалы окружающего его общества, но он не должен забывать, что идеалы эти получают реальность, с которой он имеет дело, лишь обратившись к закону. У каждого из нас есть, без сомнения, множество проектов улучшения в общественной жизни, но пока их нет в законах, они существуют лишь в мире желательного» [17, с. 328].

В.Д. Катков также отмечает крайне важное значение для юриста и законодателя знания нравов общества, в том числе для формирования устойчивого и эффективного законодательства, неотъемлемым спутником которого выступает нравственность, ведь, как отметит сам ученый, общество является орудием поддержания уже установленных добрых нравов и орудием исправления дурных, причем законодательство опирается, конечно, на лучшую часть общества, нравы которой выше нравов другой, худшей, части. Законодательство является одним из сильных орудий подъема народной нравственности или, по крайней мере, средством задержать ее падение. Своей нравственной цены законодательство достигает, распределяя разумно и справедливо бремя жизни, путем установления известных обязанностей и прав. Право, следовательно, есть создание закона, а не наоборот [17, с. 328].

Продолжая рассматривать соотношение указанных понятий, ученый исходит из принудительного характера, который присущ этим понятиям, исходя от государства или санкционирован им. Если придать слову «закон», отмечает ученый, широкое значение любой государственно-принудительной нормы (не только нормы, включенный в тот или иной кодекс, устав или указ, но и судебного решения, административного распоряжения, признанного государством), то «объективное право» явится синонимом законов в широком смысле. Отсюда представляется интересным мнение В.Д. Каткова, утверждающего, что раз «объективное право» есть коллективное название для действующих в государстве принудительных норм и «закон» есть коллективное название для действующих в государстве принудительных норм, то право равно закону, «объективное право» равно закону или законам. Если же под законом мы будем разуметь только такую норму, которая прошла через известные органы государства и известным образом обнародована, и будем отличать его от судебных решений, наделенных законною силою обычаев, административных распоряжений и прочих правил, тогда, конечно, закон явится лишь составной частью «объективного права» [17, с. 331]. Придерживаясь опять-таки нравственного начала законотворческой деятельности государства, ученый приходит к выводу, что право, как совокупность принудительных норм (объективное право), и право –

как власть, гарантированная этими нормами (субъективное право), не может удовлетворять нравственной природы человека [17, с. 331].

Таким образом, профессор В.Д. Катков в своих научных и публицистических трудах особое внимание уделял юридико-позитивистскому изучению и рассмотрению понятий «право» и «закон», а также их соотношению сквозь призму взглядов отдельных представителей зарубежной философской и правовой мысли. В представлениях ученого сформировалось собственное понимание субъективного и объективного права, а также прослеживается фундаментальная идея правильного определения соотношения понятий «право» и «закон», играющего важнейшую роль для законотворческой и правоприменительной деятельности, что не теряет своей актуальности в контексте юридико-технического совершенствования нормативных правовых актов на современном этапе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Божко Е.А. Юридическая природа индоссамента в учении В.Д. Каткова / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): материалы XX Международной научно-теоретической конференции: в 2 ч., Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 124–131.

2. Божко Е.А. Генезис взглядов В.Д. Каткова о передаче векселя по надписи (индоссаменту) // Столыпинский вестник. – 2023. – Т. 5. – № 12.

3. Божко Е.А. Нравственно-правовая концепция отечественной государственности в представлениях В.Д. Каткова // История государства и права. – 2016. – № 12. – С. 30–36.

4. Божко Е.А. Взгляды В.Д. Каткова на юридическую природу векселя / Актуальные проблемы современной науки: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Липецк, 8 мая 2015 г. – Липецк: Издательство Першина Р.В., 2015. С. 467–471.

5. Божко Е.А., Буняева К.В. Передача векселя по надписи в понимании В.Д. Каткова / Проблемы правоохранительной деятельности и образования: сборник научных трудов докторантов, адъюнктов, аспирантов. Выпуск 12. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2015. С. 67–72.

6. Божко Е.А. Юридико-позитивистская гносеология В.Д. Каткова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12-1(62). – С. 31–35.

7. Божко Е.А. Идея русской государственности в трудах В.Д. Каткова / Проблемы юриспруденции и педагогики высшей школы в работах молодых ученых: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Белгород, 30 ноября 2023 г. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. С. 223–226.

8. Божко Е.А. Формирование конституционной модели построения государственности в воззрениях В.Д. Каткова / Российский конституционализм: история, теория и практика: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию принятия Конституции Российской Федерации, Белгород, 16 декабря 2023 г. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. С. 13–19.

9. Божко Е.А., Буняева К.В. Патриотизм в государственно-правовой мысли В.Д. Каткова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 3 (53). – С. 104–107.

10. Божко Е.А. Школа и религия в трудах В.Д. Каткова // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9 (237). – С. 26–29.

11. Божко Е.А. Идея самодержавия в концепции организации верховной государственной власти В.Д. Каткова / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне): материалы XXII Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. – С. 1278–1283.

12. Божко Е.А. Верховная власть в консервативной доктрине русского самодержавия В.Д. Каткова / Проблемы юриспруденции и педагогики высшей школы в работах молодых ученых: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Белгород, 28 ноября 2024 г. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2025. С. 16–21.

13. Божко Е.А. Религиозно-нравственная основа русской государственности в консервативной доктрине В.Д. Каткова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 5. – С. 15–18.

14. Божко Е.А. Русская государственная власть в консервативной доктрине В.Д. Каткова // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2019. – № 2. – С. 64–67.

15. Ганин В.В. Преподаватели и студенты юридического факультета Новороссийского университета (XIX – начало XX в.) // Юридическое образование и наука. – 2007. – № 4. – С. 20–23.

16. Катков В.Д. Христианство и государственность. – Москва: ФИВ, 2013. – 296 с.

17. Катков В.Д. К анализу основных понятий юриспруденции. – Харьков: Университетская типография, 1905. – 462 с.

18. Катков В.Д. Наука и философия права? – Берлин: Изд. книжного магазина Штура, 1901. VIII. – 115 с.

19. Смолин М.Б. Монархический консерватизм В.Д. Каткова // Социология. – 2023. – № 5. – С. 54–56.

20. The idea of the violent origin of the state and law in the Russian political and legal doctrine / A.Yu. Kuzubova, A.A. Bayramov, E.A. Bozhko [et al.] // Laplage em Revista. – 2020. – Vol. 6. – № Extra-A. – P. 239–247.

ВЛИЯНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ

Буняева К.В.,

кандидат юридических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в данной статье исследуется влияние экстремистских организаций на миграционные потоки в условиях глобализации. Рассматриваются причины, способствующие увеличению миграции, а также последствия для стран-реципиентов и стран – экспортеров мигрантов. Авторами предлагаются стратегии противодействия, направленные на минимизацию негативных последствий миграции, вызванной экстремистской деятельностью.

Ключевые слова: экстремизм; мигранты; миграционные потоки; глобализация; экстремистские организации

THE IMPACT OF EXTREMIST ORGANIZATIONS ON MIGRATION FLOWS

Bunyaeva K.V.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article examines the influence of extremist organizations on migration flows in the context of globalization. It examines the factors contributing to the increase in migration, as well as the consequences for migrant-receiving and migrant-sending countries. The authors propose countermeasure strategies aimed at minimizing the negative consequences of migration caused by extremist activity.

Keywords: extremism; migrants; migration flows; globalization; extremist organizations

Экстремизм представляет собой деструктивное явление, нарушающее общественный порядок, что влечет угрозу национальной безопасности государства. Ужесточение миграционной политики в Российской Федерации привело к снижению состояния преступности, в том числе экстремистской направленности.

Официальные данные силовых структур свидетельствуют о том, что результатом проведенной работы в части реализации административного законодательства в III квартале 2025 года стал рост на 16,5% (с 748,2 тыс. до 871,7 тыс.) пресеченных правонарушений в сфере миграции, в том числе фактов нарушения иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации (+29,6%, с 437,4 тыс. до 567,0 тыс.), нарушения правил пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства в Российской Федерации (+7,0%, с 113,6 тыс. до 121,5 тыс.), нарушения правил привлечения иностранных граждан или лиц без гражданства к трудовой деятельности, осуществляе-

мой на розничных рынках (+17,3%, с 98 до 115), нарушения иностранным гражданином или лицом без гражданства срока обращения за выдачей патента (+11,6%, с 44,6 тыс. до 49,8 тыс.). Зачастую выявление этих фактов способствует профилактике и предупреждению совершения противоправных, опасных общественных деяний. Нередки факты участия в преступлениях экстремисткой направленности радикально настроенных иностранных граждан.

Анализ имеющихся материалов свидетельствует, что экстремизм становится самодостаточным социальным фактором, по целям и разрушительному потенциалу равным, а в определенных условиях и превосходящим террористическую угрозу национальной безопасности государства.

Экстремизм не только представляет реальную угрозу национальной безопасности страны, но и направлен на нарушение конституционных прав и законных интересов граждан, препятствуя нормальному функционированию общества и государства. Экстремизм нарушает общественный порядок, который является залогом успешного развития государства. Необходимость борьбы с экстремистскими преступлениями довольно давно стала очевидна [2, с. 3].

Экстремизм как форма политической и социальной активности часто приводит к насилию, нестабильности и конфликтам. Эти факторы, в свою очередь, становятся основной движущей силой миграционных потоков. Миграция может быть как вынужденной, так и добровольной, и в контексте экстремизма чаще всего наблюдается именно вынужденная миграция. Справедливо отметить и тот факт, что миграция является всего лишь потоком, переносящим экстремистов от мест их проживания до конечной точки, а обширный перечень причин и факторов, определяющих распространение экстремизма во всем мире, в настоящее время актуализирует значение психологических методов его выявления и профилактики [3, с. 57].

Экстремистские формирования, кроме разрушения политического строя, способствуют возникновению экономических трудностей. Разрушение объектов инфраструктуры, рост безработицы и снижение качества жизни способствуют тому, что население покидает страну в поисках лучших возможностей. Это порождает новые потоки миграции в благополучные регионы. Такие процессы имеют двоякий эффект: с одной стороны, мигранты компенсируют дефицит рабочей силы в некоторых сферах экономики принимающих стран, с другой же стороны, они создают дополнительную нагрузку на социальную систему. Экстремизм способствует миграции, которая может вызывать напряжение в обществе. Рост числа иммигрантов провоцирует конфликты и вызывает недовольства среди местных жителей. Помимо прочего, среди мигрантов иногда оказываются лица с иными взглядами, которые угрожают внутренней безопасности принимающей страны.

Международное сотрудничество в контексте тематики миграционного взаимодействия должно осуществляться с акцентом на необходимости соблюдения прав и свобод лиц, пребывающих на территории Российской Федерации, что требует урегулирования правового статуса иностранных граждан.

Для эффективного противодействия влиянию экстремистских организаций на миграционные потоки необходимо укрепление международного сотрудничества. Это включает обмен информацией между государствами о потенциальных угрозах и проведение совместных мероприятий в сфере противодействия экстремистской деятельности [5, с. 27].

Влияние международных экстремистских организаций на миграционные потоки является сложным и многогранным явлением, требующим комплексного подхода к решению проблемы. Эффективные стратегии противодействия должны учитывать как причины миграции, так и последствия для стран-реципиентов и стран – экспортеров мигрантов. В условиях глобализации необходимо развивать международное сотрудничество и поддерживать уязвимые страны, чтобы уменьшить влияние экстремизма на миграцию [6].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Боготова И.Б., Спиридонова Е.О. Конституционно-правовые основы семьи и семейных ценностей в республике Узбекистан / Приоритеты конституционного развития России и стран Содружества независимых государств: сборник научных трудов, к 30-летию Конституции Российской Федерации. – Москва, 2023. С. 81–88.
2. Бойко А.В. Миграция и терроризм: к проблеме установления взаимосвязи явлений // АНИ: экономика и управление. – 2020. – № 3 (32). – С. 24–28.
3. Буняева К.В., Залюбовская В.В. Особенности миграционной политики в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 7. – С. 206–208.
4. Зайцев В.А., Чистюхина М.В. особенности правового статуса лиц, не имеющих документов, удостоверяющих личность и гражданскую принадлежность // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 8. – С. 378–381.
5. Состояние преступности [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 19.09.2025).
6. Пилиджаньян К.В., Мосина О.А. К вопросу взаимосвязи миграции и терроризма // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 37. – С. 56–60.

КОРРУПЦИЯ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ УГРОЗА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вородюхин С.Е.,

кандидат исторических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: коррупция не только наносит материальный ущерб, но и подрывает ценностные основы социальной и политической жизни, а также изменяет моральные принципы и нормы поведения. Коррупция также препятствует достижению целей эффективного государственного управления и имеет свойство усугублять любую проблему, возникающую в рамках реализации государством своих функций. Поэтому влияние фактора коррупции на общественные отношения должно преодолеваться за счет обеспечения надлежащего правоприменения. Автор рассматривает коррупцию как аксиологическую угрозу современной России.

Ключевые слова: коррупция; противодействие коррупции; аксиологическая угроза; угроза национальной безопасности; формирование антикоррупционной культуры

CORRUPTION AS AN AXIOLOGICAL THREAT TO MODERN RUSSIA

Vorodyukhin S.E.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: corruption not only causes material damage but also undermines the value foundations of social and political life, altering moral principles and norms of behavior. Corruption not only hinders the achievement of the goals of effective public administration but also tends to exacerbate any problem that arises in the implementation of state functions. Therefore, the impact of corruption on public relations must be overcome through proper law enforcement. The author considers corruption as an axiological threat to modern Russia.

Keywords: corruption; anti-corruption; axiological threat; threat to national security; formation of an anti-corruption culture

Коррупция разрушает систему государственного и муниципального управления, процессы, находящиеся в зоне действия государства (социальные вопросы, вопросы безопасности, правосудия, развития общества и др.). Нарушается принцип формирования элит, то есть не работают социальные лифты, система управления не наполняется лучшими, профессиональными кадрами. Видоизменяются (мутируют) моральные критерии построения общества.

Коррупция нарушает принципы справедливости, что приводит к активизации негативных (агрессивных) общественных процессов, дает повод и используется деструктивными силами как внешними, так и внутренними, для дестабилизации.

Относя коррупцию к основным угрозам национальной безопасности, мы, прежде всего, подразумеваем ее высокий уровень, т.е. широкую степень вовлеченности ветвей власти и граждан в коррупционные процессы, которые, в свою очередь влияют на принятие решений в экономической и политической сферах [3, с. 39].

Рассматривая коррупцию как сектор теневой экономики, мы в первую очередь задаем вопрос: как коррупционный интерес лиц, ответственных за развитие экономических процессов, негативно влияет на выполнение поставленной задачи потенциального роста?

Доминирование коррупционного интереса (интереса в получении коррупционной ренты) негативно сказывается на нескольких основных принципах построения реальных и позитивных бизнес-процессов.

Мифы о «революционном» пути развития как форме борьбы с коррупцией являются вредными и на 100% не соответствуют действительности. Различные исторические примеры показывают ратное, то есть после «революций» наступает период дестабилизации, компенсирующийся усилением коррупционных процессов. Противодействие коррупции аналогично лечению тяжелейших болезней. Оно осуществляется по определенным законам и правилам с профессиональным подходом и знаниями» [3, с. 40–41].

Аксиологическая угроза – это угроза фундаментальным ценностям общества (справедливости, законности, достоинству, равенству и общему благу). Поэтому рассматривая коррупцию как аксиологическую угрозу, мы утверждаем, что коррупция не только наносит материальный ущерб, но и подрывает ценностные основы социальной и политической жизни, а также изменяет моральные принципы и нормы поведения.

Коррупция изменяет социальные нормы: честность и справедливость сменяются прагматизмом «прибыль превыше всего» и поиском кратчайших путей. Наличие коррупционных процессов в правоохранительной и судебной системах нарушает основное условие развития – стабильность правоприменения. В нестабильной системе любая экономическая задача становится краткосрочной, финансовые вложения – рискованными, ощущение личной безопасности – не гарантированным законом. Соответственно, участники бизнес-процессов будут искать наиболее спокойные и комфортные условия для реализации своих целей и задач. Необходимо понимать, что реальное противодействие коррупции – это изменение процедур и функций с целью разрушения устойчивых коррупционных практик; усиление мер общественного (негосударственного) контроля и ужесточение мер персональной ответственности за любые коррупционные проявления. На аксиологическом уровне разрушается принцип равных возможностей, порождая чувство несправедливости и безнаказанности.

Формирование антикоррупционной культуры – сложный и длительный процесс, который подразумевает необходимость антикоррупционного правового воспитания. Такое воспитание требует комплексного воспитательного воздействия государства и гражданского общества на личность. Ее результатом должно стать формирование среди граждан антикоррупционной правовой культуры, а также высоких моральных качеств как основы ценностей [1, с. 74–79].

Сознательный компонент, на формирование которого направлен весь процесс антикоррупционного воспитания, является залогом появления целого поколения молодых граждан с антикоррупционными взглядами и активной гражданской позицией [2].

Коррупция стала реальной угрозой национальной безопасности, так как сложность организации системы коррупционных отношений представляется в коррупционном «разделении труда», где отдельные должностные лица и криминальные субъекты выполняют присущие только им роли, вследствие их положения в государственных структурах, коммерческих предприятиях либо иерархии криминального мира:

- категория лиц, занимающих должность в государственных структурах правоохранительного характера, в том числе сотрудники ОВД, использующие полномочия для протекции лиц, замешанных в коррупции;
- должностные лица судебных и разрешительных органов, которые лоббируют интересы коррупционных структур;
- финансовые и коммерческие управленцы, подчиненные им лица, использующие возникающие из коррупции возможности для увеличения показателей прибыли [1, с. 74–79].

В настоящее время в Российской Федерации действует Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, который был образован на основании Указа Президента Российской Федерации от 19.05.2008 № 815 «О мерах по противодействию коррупции». К задачам Совета прежде всего относят:

- подготовку предложений Президенту Российской Федерации, касающихся выработки и реализации государственной политики в области противодействия коррупции;
- координацию деятельности органов государственной власти по реализации политики в области противодействия коррупции.

В ст. 6 Федерального закона от 25.12.2008 № 273 «О противодействии коррупции» сказано, что *профилактика коррупции в Российской Федерации осуществляется путем применения следующих основных мер:*

- формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению;
- антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов;
- предъявление в установленном законом порядке квалификационных требований к гражданам, претендующим на замещение государственных или муниципальных должностей;
- развитие институтов общественного и парламентского контроля над соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что противодействие коррупции наиболее эффективно при комплексном подходе. Оно должно сочетать в себе различные меры экономического, социального, политического, правового и нравственного характера. На практике совокупность данных мер должна выражаться в следующей концепции. Гражданам и должностным лицам в первую очередь должно быть экономически невыгодным получение или дача взятки, значительное давление должна оказывать на преступника санкция за совершение преступлений коррупционной направленности. Также необходим общественный контроль за деятельностью государственных и муниципальных служащих.

Таким образом, коррупция – это не просто экономическая проблема общества, а серьезная угроза общественным ценностям. Борьба с ней требует комплексного подхода: реформирования институтов и законодательства, а также стратегического формирования среды, основанной на ценностях. Для современной России ключевыми приоритетами являются укрепление независимости институтов, повышение прозрачности и подотчетности, а также реализация масштабных антикоррупционных программ по восстановлению общественного доверия и укреплению ценностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вородюхин С.Е. Пути совершенствования мер, направленных на противодействие коррупции на современном этапе развития России / С.Е. Вородюхин, В.А. Лысенко, В.В. Васильев // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 1. – С. 74–79.

2. Органы внутренних дел Российской Федерации в системе борьбы с коррупцией: учебное пособие / В.А. Лысенко, С.Е. Вородюхин. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. – 172 с.

3. Основы противодействия коррупции в Российской Федерации: учебное пособие / Т.Я. Хабриева, С.С. Зенин, А.М. Цирин [и др.]. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 296 с.

СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

Воронцова Ю.А.,

кандидат филологических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье раскрывается социальный аспект в деятельности полиции России. Отмечается, что полиции, как профессиональному правоохранительному институту, отводится главная роль по обеспечению социальной защищенности граждан от преступных посягательств.

Ключевые слова: полиция; социальный институт; социальная функция; общественный контроль

SOCIO-ORIENTED ASPECTS OF POLICE ACTIVITIES

Vorontsova Ju.A.,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article reveals the social aspect of the Russian police's activities. It is noted that the police, as a professional law enforcement institution, plays a crucial role in ensuring the social security of citizens from criminal attacks.

Keywords: police; social institution; social function; public control

Полиция является важнейшим государственным институтом, который направлен на правовую и общественную помощь и защиту населения страны. В Российской Федерации полиция предстает в механизме осуществления государственной власти и реализации функций российского демократического правового государства «как система государственных органов, учреждений, организаций, подразделений, выполняющих специфические и профессиональные задачи в сфере правоохранительной деятельности» [2].

Понятию, содержанию, формам и методам реализации социальной функции полиции в обществе посвящено большое количество научных работ (М.А. Боева, А.Г. Воробьева, А.А. Затолокин, С.Е. Кораблев, В.И. Майоров, В.Е. Севрюгин, А.С. Сергунова, А.П. Тюнь, Р.Р. Яковлев и др.).

В соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» главное назначение полиции состоит в защите жизни и здоровья граждан и незамедлительная помощь гражданам, нуждающимся в защите от правонарушений и преступлений [2]. Главная роль при обеспечении и защите прав и свобод человека и гражданина отведена государству, а именно его органам. Именно государственные органы являются гарантом стабильности правового положения личности в обществе. Данное положение отражено в Конституции Российской Федерации, где сказано, что обязанностью государства является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина [1].

В современном государственном механизме полиция занимает особое место. Полномочия сотрудников полиции разнообразны, охватывают практически все сферы общественной жизни. Полиция является для граждан гарантом законности и правопорядка в Российской Федерации. Социальная миссия полиции – это ее социальное предназначение, т.е. служение государству, обществу, проявляющееся в эффективной защите прав и интересов граждан. Безусловные приоритеты ее деятельности – безопасность личности, защита ее законных интересов от противоправных посягательств. Самое пристальное внимание уделяется человеку – его правам, свободам, жизни и здоровью, что выразилось в переходе к партнерской модели взаимодействия полиции с населением и гражданским обществом. Соответственно, открытость, прозрачность, публичность выступают в качестве взаимодействия органов внутренних дел и граждан [4].

Министерство внутренних дел Российской Федерации является социальным институтом, который осуществляет правоприменительную и правоохранительную деятельность. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» не только определяет новое наименование социального института органов внутренних дел, но и устанавливает принципы их деятельности: доверие и поддержка граждан, публичность, открытость, беспристрастность, использование новых технологий и техник [2]. «Полицейская служба – это особое звено государственного управления, которое создано для обеспечения общественного порядка и законности в обществе и в государстве. Она выполняет сложные специфические функции поддержания социальной стабильности и солидарности, что должно содержаться в ценностях, нормах, стандартах и моделях профессионального поведения» [7, с. 206].

Деятельности полиции априори подлежит оценке и контролю со стороны общества. Стремление к достижению профессиональных задач предполагает изменение мировоззрения, личностной культуры. Только понимание каждым сотрудником значимости своей миссии и социальной роли ведет к изменению характера взаимоотношений института полиции с населением, повышению уровня доверия и формированию эффективной обратной связи.

В настоящее время полиция находится в достаточно непростом положении, так как процессы модернизации, развитие, совершенствование и реализация полицейской доктрины требуют выработки стратегии борьбы за общественное доверие к деятельности правоохранительных органов. «Доверие граждан предполагает возможность осуществления общественного контроля деятельности полиции. Общественный контроль является одним из ключевых видов контроля, так как способствует открытости и гласности деятельности органов внутренних дел, помогает в борьбе с коррупцией, обеспечивает неукоснительное соблюдение прав граждан при их взаимодействии с сотрудниками полиции» [5, с. 68].

В отношении полиции осуществление общественного контроля закрепляется законом [2] и «делится на санкционированный общественный (участники получают соответствующие разрешения от органов государственной власти и наделяются специальными полномочиями) и гражданский контроль (основыва-

ется на праве гражданина участвовать в управлении государством, получать информацию от государственных органов и т.д.)» [3, с. 78].

Главным признаком институционализации полиции является легитимность. Она проявляется в оправдании и признании социальной системы на основе ее соответствия институциональному порядку.

Именно легитимность института полиции в общественном сознании является основой уважения, фактического доверия к ее деятельности, стремления к социальному партнерству и следованию устанавливаемым моделям социального поведения, признания его авторитетной и лидирующей роли в установлении общественной безопасности, солидарной жизни и реализации прав и свобод человека и гражданина.

Значение института полиции трудно оценить, ведь он не только перенимает устоявшийся порядок в обществе, но и сохраняет его, при этом занимая главенствующее место в формировании современной социокультурной реальности, которая определяет основные направления взаимоотношений с обществом.

МВД России проводит мониторинг общественных процессов, обеспечивает защиту личности, выявляет причины и условия, которые препятствуют нормальному функционированию общественных институтов, оказывает влияние на процесс формирования правового сознания, правовой культуры граждан и общества в целом.

Исследователи отмечают, что полиция как социальный институт представляет собой особый специфический интегрированный комплекс образов, ценностей, норм, ролей и статусов, который выполняет специфические социальные функции в правоохранительной сфере посредством выполнения индивидами социальных ролей, следуя институционально заданным нормам и правилам [6; 7].

Таким образом, именно полиции, как профессиональному правоохранительному институту, отводится главная роль по обеспечению социальной защищенности граждан от преступных посягательств. Суть социальной функции полиции состоит в предоставлении обществу социальных услуг в правоохранительной сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Боева М.А., Сергунова А.С. Механизм осуществления общественного контроля за деятельностью полиции // Виктимология. – 2018. – № 4 (18). – С. 78–82.
4. Кудин В.А. Формирование нового облика сотрудника российской полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 1. – С. 4–9.

5. Майоров В.И. Формирование механизма общественного контроля за деятельностью полиции // Государство и право в XXI веке. – 2016. – № 2. – С. 67–72.

6. Тюнь А.П. Полиция как социальный институт в современном российском обществе: теоретико-прикладной анализ // Вестник КРУ МВД России. – 2016. – № 4 (34). – С. 157–160.

7. Янбухтин Р.М. Полиция как социальный институт (теоретико-методологические и практические аспекты) / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: сборник: в 3-х ч. Ч. I. – Тамбов: Грамота, 2014. С. 205–210.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕВЕНЦИИ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДИПФЕЙКОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Галиуллина А.И.;

Латыпов В.С.,

доктор юридических наук, доцент

(Уфимский юридический институт МВД России)

Аннотация: стремительная цифровая трансформация всех сфер общественной жизни детерминирует появление новых, ранее неизвестных вызовов для правоприменительной практики. Одним из наиболее значимых и опасных феноменов последних лет стало широкое распространение технологий глубокого обучения (deep learning), позволяющих создавать синтетические медиаматериалы, известные как «дипфейки» (от англ. deepfake – «глубокая подделка»). Данная технология, основанная на генеративно-состязательных сетях (GAN), обеспечивает возможность генерации гиперреалистичных изображений, аудиозаписей и видеороликов, в которых реальные люди совершают действия или произносят слова, которых в действительности не было [1].

Ключевые слова: дипфейки; терминологический вакуум; введение в заблуждение; синтетический контент; искажение реальности

METHODOLOGICAL ASPECTS OF PREVENTION AND INVESTIGATION OF CRIMES USING DEEPPAKES IN THE DOMESTIC CRIMINAL PROCESS: CHALLENGES FOR THEORY AND PRACTICE

Galiullina A.I.;

Latypov V.S.,

Doctor of Law, Associate Professor

(Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: the rapid digital transformation of all spheres of public life determines the emergence of new, previously unknown challenges for law enforcement practice. One of the most significant and dangerous phenomena of recent years has been the widespread adoption of deep learning technologies that allow the creation of synthetic media materials known as «deepfakes». This technology, based on generative adversarial networks (GAN), provides the ability to generate hyper-realistic images, audio recordings, and videos in which real people perform actions or utter words that did not actually exist [1].

Keywords: deepfakes; terminological vacuum; misleading; synthetic content; distortion of reality

Интеграция дипфейков в криминальную практику порождает качественно новую угрозу, поскольку подрывает фундаментальные основы уголовного судопроизводства, главной из которых является установление объективной истины. Традиционные методы верификации аудиовизуальной информации оказываются неэффективными против синтетического контента, созданного с помощью передовых алгоритмов искусственного интеллекта. Это ставит перед теорией и практикой отечественного уголовного процесса ряд сложнейших методологических вопросов, требующих незамедлительного осмысления и разрешения.

Понятие «дипфейк» не имеет легального закрепления в российском законодательстве, что создает определенный терминологический вакуум. В научной литературе под дипфейком принято понимать синтетический медиапродукт, созданный с использованием технологий искусственного интеллекта и машинного обучения, в котором происходит преднамеренное искажение реальности путем замены лица, голоса или иных характеристик исходного объекта с целью введения в заблуждение [2].

Криминалистический анализ позволяет выделить несколько ключевых способов использования дипфейков в преступных целях. Наиболее распространенным является мошенничество, предусмотренное статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Преступники, используя технологию синтеза голоса и видео в реальном времени, под видом руководителя организации отдают сотруднику бухгалтерии указание о срочном переводе крупной суммы денег на подконтрольный злоумышленникам счет. Высокое качество дипфейка, сочетаемое с психологическим давлением («срочность», «секретность»), эффективно преодолевает барьеры бдительности.

Другой опасный вектор – шантаж и вымогательство (статья 163 УК РФ). Создается компрометирующее видео с использованием лица жертвы, которое впоследствии используется для требования денежных средств под угрозой распространения. Жертвой подобных действий может стать любой человек, чьи фотографии доступны в социальных сетях.

Особую общественную опасность представляют дипфейки, направленные на подрыв конституционного строя, дестабилизацию общественно-политической обстановки или манипулирование массовым сознанием. Речь идет о создании фальшивых заявлений публичных политических деятелей, которые могут спровоцировать социальные волнения, панику или иные тяжкие последствия. В этом контексте дипфейки превращаются в инструмент информационной войны.

Наконец, дипфейки могут использоваться для фальсификации доказательств по уголовному делу. Предъявление следствию или суду поддельного аудио- или видеодокумента, изобличающего лицо в совершении преступления, способно привести к судебной ошибке – незаконному осуждению невиновного. Эта угроза является наиболее фундаментальной для уголовного процесса, поскольку ставит под сомнение саму возможность установления истины по делу.

С точки зрения криминалистической техники, создание дипфейка оставляет цифровой след, однако его обнаружение и анализ требуют специальных знаний и инструментов. Исходные данные (базовые фотографии и видео для обучения модели), метаданные готового файла, артефакты сжатия и специфические погрешности, свойственные алгоритмам генерации, – все это может стать объектом криминалистического исследования.

Использование дипфейков в преступных целях порождает комплекс не-тривиальных проблем в сфере уголовно-процессуального доказывания. Эти проблемы носят системный характер и затрагивают все этапы работы с доказательствами – от их собирания до окончательной оценки судом.

Первая группа проблем связана с собиранием и проверкой доказательств. В соответствии со статьей 86 УПК РФ доказывание осуществляется путем производства следственных и иных процессуальных действий. Если дипфейк используется как средство совершения преступления (например, видеозвонок для мошенничества), то его носителем изначально является устройство жертвы. Осмотр этого устройства, изъятие и фиксация цифровых следов должны производиться по строгим правилам, обеспечивающим неизменность и аутентичность информации. Однако стандартные протоколы осмотра электронных носителей, регламентированные ведомственными инструкциями, зачастую не учитывают специфику синтетического медиа. Необходима разработка специализированного алгоритма действий следователя, направленного на выявление признаков, указывающих на возможный синтетический характер контента. Это требует от следователя не только юридических, но и базовых технических знаний в области цифровых технологий.

Вторая, еще более сложная проблема, касается относимости и допустимости доказательств. Предположим, обвинение представляет в суд видеозапись, изобличающую подсудимого. Защита заявляет, что представленное видео явля-

ется дипфейком. В такой ситуации бремя доказывания подлинности записи ложится на сторону обвинения. Статья 75 УПК РФ устанавливает, что доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми и не могут быть положены в основу обвинения. Но как быть, если нарушение состоит не в procedural error, а в принципиальной невозможности на текущий момент гарантировать достоверность представленных данных? Традиционная система критериев допустимости оказывается уязвимой [8, с. 69].

Это приводит к третьей центральной проблеме – проблеме достоверности. Достоверность доказательства означает его соответствие объективной действительности. Установить это соответствие в случае с дипфейком без проведения специального исследования невозможно. Субъективная уверенность следователя, прокурора или судьи в подлинности видео не может служить критерием. Визуальный ряд, воспринимаемый человеческим зрением, более не является надежным источником информации. Следовательно, любое фото-, видео- или аудио-доказательство, которое не было надлежащим образом верифицировано, потенциально может быть оспорено как недостоверное. Это подрывает устоявшиеся практики и ставит под вопрос доказательственную силу целой категории улики.

Четвертая проблема лежит в сфере распределения бремени доказывания. В соответствии с принципом презумпции невиновности (статья 14 УПК РФ) бремя доказывания обвинения лежит на стороне обвинения. Следовательно, именно сторона обвинения обязана доказывать подлинность представленных аудиовизуальных материалов. Однако технически подтвердить, что видео не является дипфейком зачастую сложнее, чем доказать обратное. Это создает асимметрию и может использоваться защитой для тотальной критики всей доказательственной базы, даже в случаях, когда дипфейк фактически не применялся. Таким образом, технология создает инструмент для злоупотреблений со стороны защиты, что также нарушает принцип состязательности сторон.

Противодействие криминальному использованию дипфейков невозможно без развития криминалистической техники и методики судебной экспертизы. Выявление дипфейков относится к задачам судебной компьютерно-технической и медиаэкспертизы.

Современные методы обнаружения дипфейков можно условно разделить на две большие группы: анализ артефактов и биометрический анализ.

Анализ артефактов направлен на выявление следов, которые оставляют алгоритмы генерации. Генеративно-состязательные сети не идеальны и могут производить специфические погрешности. К ним относятся:

1. Неестественные блики и отражения в глазах. У реального человека в глазах отражается окружающая обстановка, причем отражения в левом и правом глазу согласованы. Алгоритмы часто генерируют несовпадающие или размытые отражения.

2. Артефакты на границах контура лица. Область вставки синтетического лица может иметь микропогрешности наложения, невидимые невооруженным глазом, но выявляемые при анализе пикселей.

3. Несоответствие параметров видео. Частота кадров, уровень сжатия, цветовые профили исходного видео и вставленного дипфейка могут незначительно различаться.

4. Анализ спектра частот. Алгоритмы генерации могут оставлять специфический «цифровой отпечаток» в частотном спектре изображения.

Биометрический анализ фокусируется на выявлении физиологических несоответствий. Он включает в себя:

1. Анализ мимики и артикуляции. Движения губ при речи, моргание глаз, микровыражения лица у дипфейков часто выглядят статистически аномальными, лишенными естественной плавности и вариативности.

2. Анализ синхронности аудио и видео. Неидеальное совпадение движения губ и звуковой дорожки является классическим признаком монтажа, который актуален и для дипфейков.

3. Анализ сердечного ритма. Новейшие методы позволяют детектировать пульс по изменению цвета кожи на видео. У дипфейков такой ритм либо отсутствует, либо является нефизиологичным.

Проведение таких исследований требует от эксперта глубоких междисциплинарных знаний в области компьютерного зрения, обработки сигналов и машинного обучения. В России на сегодняшний день отсутствуют утвержденные методики проведения судебной экспертизы на предмет выявления дипфейков. Эксперты вынуждены действовать по аналогии или разрабатывать методы в рамках конкретного исследования, что ставит под вопрос валидность и воспроизводимость результатов, а следовательно, и их доказательственную силу в суде.

Требуется срочная разработка и официальное утверждение соответствующих методических рекомендаций и стандартов в рамках деятельности Министерства юстиции Российской Федерации и правоохранительных ведомств. Кроме того, необходима подготовка нового поколения экспертов-криминалистов, способных работать с подобными сложными цифровыми артефактами.

Для эффективного противодействия преступлениям с использованием дипфейков необходим комплекс мер, направленных на совершенствование как законодательства, так и правоприменительной практики.

На уровне уголовного закона уже существует ряд составов, под которые подпадают действия с дипфейками (мошенничество, вымогательство, клевета и др.). Однако специфика технологии позволяет рассматривать вопрос о введении специального состава, криминализирующего сам факт создания и распространения дипфейков с преступными целями, особенно если это угрожает общественной безопасности или основам конституционного строя. Это позволило бы осуществлять превенцию на более ранней стадии, не дожидаясь наступления реальных вредных последствий.

Таким образом, широкое распространение технологий синтеза медиа, известных как дипфейки, представляет собой серьезный вызов для отечественного уголовного процесса. Проведенное исследование позволило выявить ключевые методологические проблемы, возникающие на пути превенции и расследования таких преступлений. Для нейтрализации этих угроз требуется консоли-

дированные усилия законодателя, правоохранительных органов и научного сообщества. В качестве первоочередных мер предлагается: во-первых, инициировать разработку и законодательное закрепление специальных правил процессуальной работы с цифровыми доказательствами, вызывающими сомнение в своей аутентичности; во-вторых, ускорить создание и официальное утверждение криминалистических и экспертных методик детекции дипфейков; в-третьих, организовать системную подготовку и переподготовку юридических и экспертных кадров в сфере цифровых технологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Государственной Думой Федерации Собрание Российской Федерации 24 мая 1996 г.: одобрено Советом Федерации Собрание Российской Федерации 5 июня 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. ТАСС. Генпрокуратура сообщила о росте числа дистанционных мошенничеств на 40% [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/>.
3. Аббасов И.Р. Цифровые технологии и уголовный процесс: вызовы современности // Законодательство. – 2022. – № 5. – С. 45–53.
4. Горбунов А.С. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: монография. – Москва: Проспект, 2021. – 192 с.
5. Лопатин В.Н. Информационная безопасность России в условиях цифровой трансформации // Безопасность информационных технологий. – 2020. – № 4. – С. 8–15.
6. Петров Д.А. Доказательства в цифровую эпоху: проблемы достоверности и допустимости // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2023. – № 1. – С. 78–91.
7. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: принят Государственной Думой Федеральным Собранием Российской Федерации 8 июля 2006 г.: одобрено Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 14 июля 2006 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (1 ч.). – С. 3448.
8. Лысенко В.А. Принципы и формы взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации / X Путилинские чтения: сборник материалов Всероссийского круглого стола, Белгород, 25–26 апреля 2024 года. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. – С. 67–71.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ НА СТРАЖЕ ПРАВОПОРЯДКА

Гарина О.В.,

кандидат юридических наук;

Бурлакова С.М.

(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)

Аннотация: выявление потенциальных преступников и жертв с помощью искусственного интеллекта в России развивается в сторону создания сложных аналитических систем, способных обрабатывать большие данные и выявлять скрытые связи. Однако этот путь требует преодоления значительных технических сложностей и решения фундаментальных эτικο-правовых дилемм.

Ключевые слова: искусственный интеллект; нейросеть; преступность; следователь

ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON GUARD OF LAW AND ORDER

Garina O.V.,

Candidate of Law;

Burlakova S.M.

(Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the identification of potential criminals and victims using artificial intelligence in Russia is developing towards the creation of complex analytical systems capable of processing big data and identifying hidden connections. However, this path requires overcoming significant technical difficulties and solving fundamental ethical and legal dilemmas.

Keywords: artificial intelligence; neural network; crime; investigator

Искусственный интеллект в XXI веке стал неотъемлемой частью нашей жизни. Каждый четвертый сотрудник в России использует нейросети на работе, при этом базовых ИИ-навыков от работников ожидают 60% работодателей [1]. Внедрение нейросети в повседневную жизнь обусловлено тем, что они обладают доступом к любой базе данных и информации, которую обычный человек может не запомнить или не придать ей значения, они обрабатывают огромный массив информации, так называемой big data.

Реализация фантастических «штучек» (определение диагноза искусственным интеллектом на основе анализа медицинских записей пациента, анализ данных из разных источников в целях обнаружения потенциальных преступников, сопоставление конкретного лица из видеопотока с имеющимися в базе изображениями разыскиваемых лиц с последующим уведомлением сотрудников правоохранительных органов) в настоящее время совершенствует подход к выполнению своих профессиональных обязанностей в различных сферах деятельности. В России технологии искусственного интеллекта активно внедряются правоохранительными органами для выявления потенциальных преступников и

жертв, однако эти методы находятся на разных стадиях развития и сопровождаются как успехами, так и серьезными вызовами. Следователь сегодня и 30–40 лет назад обладает не только разными возможностями в сфере борьбы с преступностью, но и использует зачастую отличные подходы к расследованию преступлений. Повышению качества работы современного следователя способствует применение технологий искусственного интеллекта при выявлении потенциальных преступников и жертв, что стало возможно за счет претворения в жизнь отдельных федеральных программ.

«Безопасный город» – это комплексная система, включающая различные технологические решения, направленные на повышение безопасности граждан, улучшение управления городским хозяйством и оперативное реагирование на чрезвычайные ситуации [2]. В рамках указанной системы реализуется видеонаблюдение на дорогах, улицах, транспорте, метро и других общественных местах, подключенное к единой системе. Если на определенном участке регулярно возникают пробки в приблизительно один временной интервал, система может заранее направить туда дополнительные патрульные машины или изменить режим работы светофоров; в случае чрезвычайной ситуации система немедленно передает данные о местоположении инцидента и его масштабах, что помогает службам быстрее прибыть на место и начать ликвидацию последствий. Использование системы «Безопасный город» помогает следователям и оперативникам составлять фоторобот подозреваемого, ведь на камерах видно около 60% процентов точности лица человека. Оперуполномоченные отмечают, что с помощью данной программы наиболее лучше стали реализовываться методы сыска, например, на камерах можно заметить особые или бросающиеся в глаза приметы (татуировку, родимое пятно), а также необычные прически, одежду и многое другое, в частности неадекватное поведение, которое указывает на то, что лицо причастно к совершению преступления [3, с. 256]. В Госавтоинспекции использование данной программы также внесло коррективы в привычный рабочий лад. Теперь меньше времени приходится стоять на постах, выявлять нарушения и выписывать штрафы, ведь использование комплексов фото- и видеофиксации нарушений фактически автоматизировало этот процесс. Нарушителю остается лишь оплатить штраф.

Программный модуль «Поток» [2] также помогает следователю раскрывать преступления. С помощью цифровой модели система анализирует имеющуюся базу данных и проводит сравнение ее положений с информацией о преступлении. При выявлении совпадения – уведомляет заинтересованных лиц.

Система «Лица России», внедренная в 2018 г., функционирует в городах-миллионниках (Москва, Санкт-Петербург, Краснодар). Данная система работает по принципу предыдущих. Из базы данных правоохранительных органов, камер видеонаблюдения, социальных сетей, используя внедренный искусственный интеллект, распознает и находит подозреваемых в совершении того или иного преступления либо правонарушения. Сами разработчики утверждают, что данная система помогла в 2020 г. найти преступника, который напал на сотрудника банка и украл большую сумму денег. Также данная система помогает поисковым отрядам «ЛизаАлерт» [4, с. 85].

На основе вышеизложенного и анализа тематической литературы можно сформулировать направления работы с искусственным интеллектом в правоохранительной сфере:

1. Идентификация разыскиваемых лиц в реальном времени по видеопотоку с городских камер.

2. Автоматический поиск связей между разными происшествиями путем сравнения деталей (показания свидетелей, статистические данные, обстановка на конкретном участке местности и т.д.).

3. Прогнозирование чрезвычайных ситуаций, их последствий и моделирование сценариев реагирования.

4. Анализ данных с места преступления (способ, оружие, характеристики жертвы) для составления вероятного портрета преступника (психические особенности, судимость, связь с жертвой).

Доктор физико-математических наук Ю.С. Осипов определяет нейронные сети как: «функционирование нейронных сетей – сетей нервных клеток живого организма» [5, с. 43; 6]. Это определение наиболее полно определяет всю суть искусственного интеллекта, ведь нейросети не только сравнивают предоставленные им данные, но и могут состарить или омолодить лицо. В 90-е годы не была так сильно распространена фото или видео фиксация, поэтому у правоохранительных органов зачастую отсутствовало изображение преступников, особенно если он находился в розыске более 3 лет. Нейросети решили и эту проблему. Например, в Итальянском розыске находилась группировка «Коза Ностра». У полицейских не было информации о преступниках, но имелись фото, где они были в молодом возрасте, естественно этот факт препятствовал расследованию. Спустя время полицейские отправили фото в нейросеть с указанием состарить лица, их удивлению не было предела, ведь сеть выдала точные лица преступников, местонахождение которых стало возможным установить и задержать [7, с. 94].

Многим уже известен новый обман, который используют мошенники, – это подмена голоса при аудиозвонках, а также при отправке голосовых сообщений, но мало кто знает, что данная система используется и в оперативно-розыскных мероприятиях, правда их цель направлена на выявление правонарушителя. СОПМ-2 представляет собой систему контроля цифровой связи, которая включает в себя мониторинг голосовой, мобильной и интернет-сети. Ее основной целью является сбор данных и принятие решения о том, стоит ли применять меры принуждения к подозреваемому лицу [8].

Применение искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности дало большой скачок в раскрываемости преступлений, охране общественного порядка. Нейросети упрощают работу большому количеству подразделений МВД России, а также повышают качество их деятельности. Несомненно, искусственный интеллект как передовая технология будет развиваться все больше и больше с каждым годом. Как уже говорилось ранее, благодаря анализу big data искусственный интеллект помогает прогнозировать риски, а также выявлять скрытые закономерности, при этом следует учитывать права и свободы

граждан, избегать дискриминации, чтобы нейросеть не нарушала принцип справедливости и конфиденциальности [10, с. 97].

Несмотря на потенциал, использование искусственного интеллекта для выявления преступников и жертв сопряжено с комплексом проблем:

1. Для работы нейросетей требуются мощные серверы и специальные вычислительные центры. Создание и обучение моделей на больших массивах данных – сложная и дорогостоящая задача.

2. Искусственный интеллект ищет закономерности в предоставленных данных, что может привести к усилению алгоритмических предубеждений. Ошибка алгоритма, в отличие от человеческой, труднее обнаруживается из-за непрозрачности работы самообучающихся систем, а ее последствия могут быть масштабнее.

3. Краеугольный камень искусственного интеллекта – кто несет ответственность за решения, принятые на основе рекомендаций искусственного интеллекта? Важно, что системы не заменяют следователя, а лишь предоставляют инструмент для анализа; окончательное решение всегда остается за человеком.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. НН.ru: 60% работодателей ожидают от сотрудников базовых ИИ-навыков [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/25118943> (дата обращения: 25.09.2025).

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2014 г. № 2446-р «О Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Тарасов А.В., Темзоков А.Р. Криминалистические аспекты использования искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 10 (186). – С. 256–261.

4. Васюков В.Ф., Шеметов А.К. Возможности использования искусственного интеллекта в раскрытии преступлений // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2022. – № 1 (31). – С. 82–87.

5. Халилов Н.М. Использование нейросетей в криминалистической идентификации: актуальное состояние и перспектива // Правовой альманах. – 2023. – № 9 (31). – С. 41–46.

6. Большая Российская энциклопедия / науч.-ред. совет: Ю.С. Осипов [и др.]. В 35 т. Т. 22. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2004–2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://bigenc.ru/c/neironnye-seti-e734b3> (дата обращения: 25.09.2025).

7. Решняк О.А. Современные способы совершения преступлений с использованием IT-технологий и проблемы расследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2023. – № 1 (64). – С. 94–100.

8. Как устроен СОПМ [Электронный ресурс]. – URL: <https://rspectr.com/articles/kak-ustroen-sorm> (дата обращения: 25.09.2025).

9. Бессонов А.А. Современные информационные технологии на службе следствия // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2022. – № 1 (35). – С. 94–100.

10. Вородюхин С.Е. Защита прав человека в России / Эволюция государства и права: проблемы и перспективы: сборник научных трудов 3-й Международной научной конференции с включением материалов XI круглого стола «Ценности и нормы правовой культуры в России», Курск, 26 марта 2021 года. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. – С. 213–216.

ВЛИЯНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА НА ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ: ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Гончарова Д.А.,

кандидат филологических наук
(Волгоградская академия МВД России)

Аннотация: тема ценностей в праве в условиях модернизации общества является центральной для понимания того, как право реагирует на стремительные социальные, технологические и культурные изменения. Влияние модернизации общества на правовые ценности – это сложный и многогранный процесс, который можно рассматривать как диалектику вызовов и трансформаций.

Ключевые слова: правовые ценности; трансформация общества; модернизация правовой системы

THE IMPACT OF SOCIETY MODERNIZATION ON LEGAL VALUES: MAJOR CHALLENGES AND TRANSFORMATIONS

Goncharova D.A.,

Candidate of Philological Sciences
(Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: in the context of society modernization the topic of legal values is central to understand the law responds to rapid social, technological, and cultural change. The impact of society modernization on legal values is a complex and multifaceted process which can be considered as dialectic of challenges and transformations.

Keywords: legal values; society transformation; modernization of the legal system

Для начала необходимо определить, что представляют собой «ценности в праве». Ценности в праве (правовые ценности) – это не просто абстрактные идеи, а фундаментальные основы, которые право призвано защищать, выражать и воплощать в жизнь. Это нормы и принципы, являющиеся важными в правовой системе общества, которые выражают основные ценности и идеалы, на которых строится правовой порядок [2, с. 102].

В данном контексте можно выделить ключевые функции правовых ценностей. Так, легитимирующая функция придает праву моральный авторитет: закон, который воспринимается как «справедливый» или «правильный», соблюдается добровольно. При определении вопроса, какие цели должно преследовать право (например, защита человеческого достоинства, обеспечение свободы, поддержание порядка), можно говорить о целеполагающей функции. Системообразующая функция служит стержнем, вокруг которого строится вся правовая система. В ситуациях, когда буквальный текст законов не дает однозначного ответа, интерпретационная функция права помогает судьям и правоприменителям толковать законы.

Функции правовых ценностей связаны с их действием, реализацией их свойств, ролью и местом в общественной структуре. Функциональный анализ правовых ценностей позволяет раскрыть их содержание, ответить на вопрос «Что делает ценности правовыми?» [7, с. 42].

Не стоит забывать о том, что в современных гуманитарных науках нет единого определения относительно понятия «правовая ценность». Это объясняется как методологическим разнообразием в подходах, так и многоаспектностью самого понятия. В классическом понимании выделяются такие ключевые правовые ценности, как справедливость, свобода, равенство, безопасность, достоинство личности, солидарность и др., которые формируют основу правовой системы и определяют ее цели. Эти ценности служат ориентирами для создания законов и защиты прав граждан [4, с. 36].

Говоря в общем смысле этого понятия о модернизации, стоит подчеркнуть, что это комплексный и многомерный процесс перехода от традиционного общества к современному. Это процесс усовершенствования, главная цель которого – привести объект в соответствие с современными стандартами, технологиями и потребностями.

Основными чертами модернизации можно выделить, во первых, технологический прогресс, выраженный в нашем современном обществе цифровизацией и искусственным интеллектом, идущими «плечом к плечу» с информатизацией (рост роли информации и скорость ее распространения). В последнее десятилетие эти два понятия стали неотъемлемой частью современности как эталона высоких технологий, разработанных человеком.

Глобализация как «стирание национальных границ» в экономике, культуре, коммуникации является второй характерной чертой модернизации общества. В-третьих, изменение структуры семьи, гендерных ролей, появление таких форм трудовых отношений, как гиг-экономика говорит нам о социальной трансформации общества, а значит и об усилении роли личного выбора, автономии и прав человека – непосредственной индивидуализации общества.

Еще одной чертой модернизации можно назвать культурный плюрализм – сосуществование в одном обществе различных культурных, религиозных и этических систем. Это предполагает, что разные культурные, этнические и религиозные группы могут сохранять свои традиции, ценности и идентичность, оставаясь частью единого целого.

Современная теория модернизации предполагает дифференциацию отдельных сфер общественной жизни, в том числе и правовую, что позволяет рассуждать о таком феномене, как правовая модернизация. Модернизация в праве – это процесс приведения правовой системы в соответствие с требованиями современного общества, что включает в себя как обновление существующих норм и институтов, так и создание новых. Это комплексное явление, которое может проявляться в адаптации западных правовых ценностей, переходе от традиционного права к более рационализированной системе и развитии правосознания и реализации права в соответствии с меняющимися общественными отношениями [6, с. 105].

Модернизация создает мощное давление на традиционную систему правовых ценностей, приводя к нескольким ключевым процессам:

1. Переоценка и конфликт ценностей.

Так, например, свобода vs. безопасность: в данном случае классический конфликт обостряется в условиях киберугроз, международного терроризма и пандемий. Право вынуждено искать баланс между защитой приватности (свобода) и необходимостью тотального наблюдения для предотвращения угроз (безопасность). Примером может служить Закон Яровой в России – усиление безопасности за счет свободы коммуникации.

Равенство vs. свобода рынка. В данном противостоянии глобализация и цифровизация усиливают экономическое неравенство. Право пытается реагировать, вводя понятия «справедливого перехода», цифровых прав, но сталкивается с сопротивлением рыночных сил.

Еще одним примером может служить противостояние индивидуальные права vs. коллективные ценности. В данном примере право на свободу самовыражения сталкивается с правом сообществ на защиту своей культурной и религиозной идентичности (споры о карикатурах, хиджабах в школах, ЛГБТ-правах).

2. Появление новых ценностей и прав. Модернизация порождает спрос на защиту новых сфер жизни, что приводит к формированию новых правовых ценностей.

Так, например, в цифровой автономии и защите данных ценность приватности трансформируется в ценность контроля над своими персональными данными.

В таком ключе можно упомянуть и об экологической устойчивости – из узкой проблемы охраны природы вырастает ценность устойчивого развития для будущих поколений.

При рассмотрении ценности инноваций и технологического прогресса можно говорить о том, что право начинает не только регулировать, но и поощрять инновации, создавая «регуляторные песочницы».

Ценность гендерного и культурного равенства в традиционном понимании равенства расширяется, включая защиту от дискриминации по новым основаниям.

3. Изменение источников и способов защиты ценностей.

С точки зрения глобализации права национальные правовые системы все больше испытывают влияние международного права (например, Европейской конвенции по правам человека) и транснациональных корпораций, чьи пользовательские соглашения иногда имеют большую силу, чем национальные законы. Это проявляется в создании новых отраслей права и в усилении значения международных стандартов, особенно в области прав человека [8, с. 32].

В условиях неопределенности происходит рост роли судебного толкования – именно суды (особенно конституционные и верховные) – становятся главными «арбитрами» в спорах о ценностях, наполняя абстрактные нормы конкретным содержанием.

Нельзя также не упомянуть позиции «мягкого права», которое также отражает определенные ценности, ведь в быстро меняющихся областях (ИТ, биоэтика) традиционные жесткие законы заменяют на кодексы поведения, меморандумы, стандарты.

Подводя итог, необходимо выделить основные проблемы и направления развития влияния модернизации общества на правовые ценности.

Если право слишком быстро меняется, следуя за технологиями, оно может потерять связь с ценностями «рядовых» граждан, которые не успевают адаптироваться – это порождает правовой нигилизм. Отсюда вытекает проблема легитимности. А ведь известно, что последствия правового нигилизма включают рост преступности, снижение правовой культуры и нарушение законности в обществе.

Возвращаясь к технологическому прогрессу, ни для кого не секрет, что право всегда отстает от жизни. Задача современного законодателя – создавать более гибкие, рамочные законы, которые задают общие принципы (ценности), а не детальные предписания.

Важное место занимает проблема отставания и поиск нового баланса. Главный вызов – это найти новый, адекватный эпохе баланс между свободой инноваций и необходимостью защиты человека от их рисков; универсальностью прав человека и уважением к культурному разнообразию; эффективностью и справедливостью.

Ценности в праве в условиях модернизации общества не исчезают, но переживает глубокую трансформацию. Главный итог этой трансформации – переход от права как застывшего свода догм к праву как к динамичной системе, которая находится в постоянном диалоге с обществом, технологиями и моралью. Успех современного общества зависит от его способности находить баланс между стабильностью права и его способностью к адаптации, отвечая на вечный вызов: как остаться справедливым, свободным и равным в условиях перманентных изменений. Право из застывшего свода догм превращается в динамичную систему, которая должна рефлексировать, то есть постоянно осмыслять новые социальные запросы, балансировать, а именно находить компромиссы

между старыми и новыми, индивидуальными и коллективными ценностями и интегрировать, а значит впитывать ценностные ориентиры из смежных сфер.

В конечном счете успех модернизации правовой системы зависит от ее способности сохранить свою гуманистическую сердцевину (достоинство, свобода, справедливость) в совершенно новых, подчас футуристических условиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авдеев Д.А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 73–91.
2. Бабенко А.Н. Правовые ценности и освоение их личностью: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2002. – 395 с.
3. Белкина А.М. Этическая сторона искусственного интеллекта // Вестник Омского университета. – 2025. – № 1 (30). – С. 51–58.
4. Гаврилова Ю.А. Правовые ценности и смысл права // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – Т. 2, № 3 (4). – С. 35–39.
5. Горобец К.В. Аксиосфера права: философский и юридический дискурс: монография. – Одесса: Фенікс, 2013. – 218 с.
6. Константинов Р.А. Правовые ценности и правовой идеал / Законность и правопорядок: правосознание и правовая культура современного общества: сборник материалов I Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 20 сентября 2017 года. – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества», 2017. – С. 103–109.
7. Сидорова Е.В. Функциональная характеристика правовых ценностей // Вестник Московского университета МВД России. 2011. – № 3. – С. 72–76.
8. Лысенко В.А. Почему традиционные ценности актуальны для современного российского общества / Ценности в праве в условиях модернизации общества: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Белгород, 31 октября 2024 года. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2025. – С. 103–105.

СЕКУЛЯРИЗМ КАК ПРИНЦИП ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПОСТСЕКУЛЯРНЫЙ КОНТЕКСТ

Долин В.А.,

кандидат философских наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: статья посвящена анализу трансформации понимания принципа секуляризма в постсекулярном контексте. В первой части статьи автор на основе систематизации представлений о секуляризме как принципе государственно-конфессиональных отношений выделяет его ключевой признак – нейтралитет государства по отношению к религиозным объединениям. Вторая часть статьи посвящена раскрытию значения принципа секуляризма в глобальном мире как компонента «мягкой силы» США и европейских демократий. В рамках третьей части статьи осмысливается феномен наметившегося падения популярности принципа секуляризма в формирующемся полицентрическом мире. Автор приходит к выводу, что выстраивание оптимальной модели отношений государства и церкви выступает одним из инструментов обеспечения устойчивости страны в современном турбулентном мире. Исследование вносит вклад в понимание тенденций динамики государственно-конфессиональных отношений в современном мире.

Ключевые слова: секуляризм; государственно-конфессиональные отношения; постсекулярное общество; глобализм; «мягкая сила»; полицентризм; устойчивость государства

SECULARISM AS A PRINCIPLE OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS: A POST-SECULAR CONTEXT

Dolin V.A.,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article is devoted to the analysis of the transformation of the understanding of the principle of secularism in a post-secular context. In the first part of the article, based on the systematization of ideas about secularism as a principle of state-confessional relations, the author highlights its key feature – the neutrality of the state in relation to religious associations. The second part of the article is devoted to the importance of the principle of secularism in the global world as a component of the “soft power” of the United States and European democracies. In the third part of the article, the phenomenon of the emerging decline in the popularity of the principle of secularism in the emerging polycentric world comprehended. The author concludes that building an optimal model of relations between the state and the church is one of the tools to ensure the stability of the country in today's turbulent world. The

research contributes to understanding the essence and trends of the dynamics of state-confessional relations in the contemporary world.

Keywords: secularism; state-confessional relations; post-secular society; globalism; “soft power”; polycentrism; the sustainability of the state

Принцип секуляризма, предполагающий максимальное разделение государства и религиозных объединений (но без преследования последних), занимает особое место в системе принципов государственно-конфессиональных отношений. Секуляризация государственно-конфессиональных отношений (падение авторитета церкви и популярности религиозного сознания) обеспечивает не только распространение принципа секуляризма в мире, но и признание его типовой моделью государственно-конфессиональных отношений для новых демократий, образовавшихся после распада СССР и социалистического лагеря.

В XXI в. значение секуляризма как принципа, фундирующего государственно-конфессиональные отношения, изменяется. Во-первых, наметившаяся в начале XXI в. тенденция «постсекулярного состояния общества» (Ю. Хабермас), признающая факт дальнейшего развития религиозных сообществ в продолжающем секуляризоваться окружении [10, с. 120], обеспечивает постепенное изменение социально-культурного контекста реализации принципа секуляризма (рост присутствия религии в публичном пространстве даже явно светских государств). Во-вторых, явная трансформация глобального миропорядка, начавшаяся после специальной военной операции Российской Федерации на территории Украины, изменяет политический и отчасти экономический (через систему грантовой поддержки некоммерческих организаций внутри страны) контекст реализации принципа секуляризма.

Исследователь М.О. de Girolami прогнозирует сдвиг проблематики религиозно-исследовательских исследований [14]. В его рамках традиционные теоретические проблемы (природа религии и светскости в праве; концепция нейтралитета государства; режим освобождения от вероисповедания для всех, кто искренне возражает против закона) могут уступить место новым проблемам (природа и динамика политических институтов; религия как основа идеологической (или политической) идентичности и инструмент укрепления (или подрыва) политической власти; пределы ожиданий религиозно инакомыслящих в плане приспособления к ним политической власти) [14].

Объект статьи – секуляризм как принцип государственно-конфессиональных отношений, предмет статьи – трансформация понимания секуляризма как принципа государственно-конфессиональных отношений в контексте постсекулярного общества. Рассмотрение предмета статьи предполагает решение трех задач: 1) систематизация представлений о секуляризме как принципе государственно-конфессиональных отношений; 2) оценка значения принципа секуляризма в глобальном мире; 3) осмысление наметившегося падения популярности принципа секуляризма в формирующемся полицентрическом мире.

Следует уточнить теоретико-методологические основания статьи.

Первое основание – представление Ю. Хабермаса о постсекулярном состоянии общества, в котором продолжающаяся секуляризация сосуществует с дальнейшим развитием религиозных сообществ [10, с. 120].

Второе основание – постулат о том, что современный мир становится полицентрическим (многополярным) [см., например: 1].

Третье основание – система принципов отношений государства и религиозных объединений в рамках континуального подхода к типологии государственно-конфессиональных отношений К. Дарэма [12].

Начнем с систематизации представлений о секуляризме как принципе государственно-конфессиональных отношений (первая исследовательская задача). По мнению А. Шайо, секуляризм исходит из двух принципиальных предпосылок: 1) разум и светская аргументация как основа политического устройства; 2) суверенитет народа [11, с. 144–147]. Из триады либерализма «индивидуализм – рационализм – универсальность» следует «...исключение религии из государственных дел...» [11, с. 139]. Кроме того, «...частные интересы, вытекающие из религиозной (либо этнической) принадлежности, следует изгнать из публичного пространства» [11, с. 137].

В конституционном праве секуляризм предполагает, что «...социальные функции церкви передаются государству или приватизируются» [11, с. 135]. В целом «секуляризм – форма упорядоченного политического сосуществования, которая не допускает оказания предпочтения религиозным, социальным или политическим группам и исключает их доминирование» [11, с. 141].

По мнению Е.С. Карсановой, «...секуляризм – это либеральный взгляд на то, какими должны быть отношения между политикой и религией» [2, с. 38], которые существуют в двух формах:

- «мягкий секуляризм» – «...поддерживает нейтралитет государства по отношению к различным религиям и их практикам с соответствующим разрывом между государством и религией» [2, с. 38];

- «жесткий секуляризм» – «...требует от государства дистанцироваться от всех форм религии и воздерживаться от предоставления религиозным проявлениям какого-либо официального статуса» [2, с. 39].

Ч.М. Тейлор не разделяет секуляризм на формы, а в качестве синонима понятию «секуляризм» использует термин «лаицизм» (фр. *laïcité* – светскость, нерелигиозность) [9, с. 37, 40].

В рамках континуального подхода К.У. Дарэма для негативной идентификации государства с религией («свобода от») выделяется следующая последовательность принципов государственно-конфессиональных отношений (по нарастанию степени сближения государства и религиозных объединений):

- секуляризм – максимально жесткое разделение государства и религиозных объединений (предшествует враждебности по отношению к религии), рассматривает светский порядок как самоцель (фр. *laïcité*);

- нечувствительность (*insensitivity*) – жесткое разделение государства и религиозных объединений;

– светскость (secularity) – разделение государства и религиозных объединений;

– формальное равенство – гибкое разделение государства и религиозных объединений [12].

Двойственность секуляризма (и политическая доктрина, и принцип государственно-конфессиональных отношений) требует отдельного рассмотрения. В контексте проводимого исследования следует констатировать, что секуляризм как принцип государственно-конфессиональных отношений предполагает нейтралитет государства по отношению к религиозным объединениям, который допускает существование последних и гарантирует соответствующие права. В итоге нейтралитет продуктивно рассматривать в качестве ключевого признака секуляризма как принципа государственно-конфессиональных отношений.

Перейдем к оценке значения принципа секуляризма в глобальном мире (вторая исследовательская задача). Неолиберализм (институциональный либерализм, «транснационализм») переосмысливает технологии власти и способ обеспечения господства в постиндустриальном обществе. Дж. Най для описания реализации власти в глобальном мире предлагает понятие *soft power* («мягкая сила»), акцентирующее примат добровольного участия, а не принуждения [15]. Понятие *soft power* («мягкая сила») широко используется в отечественном научном и политическом дискурсах [см., например: 7].

По О.Ф. Русаковой, «мягкая сила» есть «дискурсивное управление символическим пространством политики» [7, с. 189], а его ведущий метод – «...тонко и гибко осуществлять воздействие на ментальные структуры массового сознания – общественные представления, предпочтения, увлечения, развлечения, удовольствия, переживания, мечты, идеалы, грезы» [7, с. 189].

Представление о секуляризме как идеальной модели государственно-конфессиональных отношений становится элементом «мягкой силы» США и европейских демократий. «Секуляризм на экспорт» теряет индивидуально-неповторимые черты западных вариантов секуляризма, спектр которых весьма широк: от секулярного порядка как самоцели (лаицизм) во Франции или «разделительной стены» между государством и религией в США через идентификационную модель в Чехии к конкордату с католицизмом в Италии или с католицизмом и лютеранством в Германии.

Выглядит парадоксальным следующий факт: либерально мыслящие теоретики начинают верить в «экспортно-ориентированную» политическую доктрину секуляризма. Так, известный либерально мыслящий исследователь Ч. Тейлор при оценке связи с церковью клерикальных (религиозных) Великобритании и ряда скандинавских государств утверждает, что связь названных государств с церковью существует «...в рудиментарной и самой символической форме...» [9, с. 35].

«Экспортный» вариант секуляризма становится инструментом «мягкой силы» и в постсоветских православных государствах. Так, в рамках конституционно-правового анализа практики финансирования религиозных организаций в Грузии [13, р. 40–56], осуществленного Центром образования и мониторинга

в области прав человека (Human Rights Education and Monitoring Center), возможно выделить три принципиальных постулата секуляризма [13, p. 50]:

- «...повсеместность секуляризма как принципа...»;
- обязанность государства «...оставаться нейтральным и беспристрастным...»;
- «...запрет на финансовую поддержку религии на национальном уровне...».

В данном контексте становится понятным основание для изменений, внесенных в Гражданский кодекс Грузии в 2011 году, которые уравнивают в праве на создание юридического лица публичного права религиозные организации, «которые имеют историческую связь с Грузией или пользуются таким статусом в странах Совета Европы» [5]. Наконец, только навязыванием стандартов секуляризма возможно объяснить давление на власть Грузии по поводу отмены конституционного соглашения с Грузинской Православной Церковью [3].

Тенденция деглобализации современного мира требует осмысления наметившегося падения популярности принципа секуляризма в формирующемся полицентрическом мире (третья исследовательская задача).

Будет обоснованным предположить, что прогноз о сдвиге проблематики религиозных исследований [14] имеет не только внутринаучные причины, но и учитывает влияние внешних факторов. Ослабление глобальной гегемонии США [6] и сопряженный с нею демонтаж военного присутствия в мире (в духе доктрины Монро) становятся очевидными после начала специальной военной операции России на территории Украины (24.02.2022).

Проведение специальной военной операции закономерно не только с точки зрения практической политики (геополитическое ущемление интересов России под прикрытием неолиберального универсализма), но и с позиций академической политологии: уже в конце XX – начале XXI вв. в мире формируется несбалансированное «...сочетание материальной глобальности и идейной не-универсальности...», являющееся «...устойчивой структурной реальностью, которая определяет поведение глобальных и региональных держав» [8, с. 64].

В неравновесном мире «...основное соперничество разворачивается в сфере устойчивости...», которая становится ресурсом для противостояния новым вызовам [8, с. 69]. Одним из ресурсов обеспечения устойчивости страны в турбулентном мире выступает выстраивание оптимальной модели отношений государства и церкви (учитывает как историко-культурные особенности развития страны, так и ее внутри- и внешнеполитические реалии).

В контексте обеспечения устойчивости интересен опыт постсоветских государств, которые после распада СССР на конституционном уровне закрепляют американскую модель секуляризма (максимальная дистанция от религиозного многообразия).

Изучение эволюции государственно-конфессиональных отношений в постсоветских государствах осложняется двумя факторами: во-первых, разнообразием доминирующих конфессий – православие (Беларусь, Грузия, Россия, Молдова, Украина), католицизм (Литва), протестантизм (Латвия, Эстония), дохалкидонское христианство (Армения), ислам (Азербайджан, Казахстан,

Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан); во-вторых, парадоксально невысоким интересом к проблематике. Ограниченные рамки статьи позволяют рассмотреть падение популярности принципа секуляризма на примере трех постсоветских государств [см. также: 4]:

- Россия – в профильном законе закреплён перечень традиционных религий: православное христианство, суннитский ислам, ортодоксальный иудаизм, тибето-монгольский буддизм (1997 г.);

- Беларусь – на основе конституционно закреплённого принципа дифференциации религий (1996 г.) составлен градационный список традиционных религий (2002 г.): православие (определяющая роль) – католицизм (признание роли) – лютеранство, иудаизм и ислам (неотделимость от истории страны), а позднее – подписано соглашение Республики Беларусь с Белорусской Православной Церковью (2003 г.);

- Грузия – сочетание в тексте Конституции секуляризма американского типа с признанием «выдающейся роли» Грузинской Православной Церкви (далее – ГПЦ) в истории страны (1995 г.) становится основой для подписания конституционного соглашения (конкордата) с ГПЦ (2002 г.), который сохраняется и после расширенной либерализации государственно-конфессиональных отношений (2011 г.).

Подведем итоги. На основе обзора понимания секуляризма как принципа государственно-конфессиональных отношений в научной литературе выделен его ключевой признак – нейтралитет по отношению к религиозным объединениям. В глобальном мире, сформированном после завершения «холодной войны», принцип секуляризма выполняет двоякую роль:

- фундаментация национальных моделей государственно-конфессиональных отношений (порой с весьма заметной спецификой, осознание которой ставит в тупик теоретиков либерализма);

- политическая доктрина (своеобразная «экспортная модель» отношений с религией) для молодых постсоветских и постсоциалистических демократий.

В современном мире, для которого характерно несбалансированное «...сочетание материальной глобальности и идейной неуниверсальности...», являющееся «...устойчивой структурной реальностью...» [8, с. 64], наблюдается падение популярности секуляризма как принципа государственно-конфессиональных отношений (пример России, Беларуси и Грузии). Данный факт не случаен: выстраивание оптимальной модели отношений государства и церкви, учитывающее как историко-культурные особенности развития страны, так и ее внутри- и внешнеполитические реалии, выступает одним из ресурсов обеспечения устойчивости страны в турбулентном мире. Связь устойчивости государства и национальной модели государственно-конфессиональных отношений определяет актуальность дальнейшего изучения перспектив секуляризма как принципа государственно-конфессиональных отношений не только в постсекулярном контексте, но и с учетом формирования полицентрического мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Громыко А.А. Мир полицентризма: роль ценностей в конкуренции ведущих держав // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 6. – С. 7–21.
2. Карсанова Е.С. Мультикультурализм и секуляризм как основные принципы современных либеральных обществ // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2017. – № 2 (37). – С. 34–41.
3. Конституционное соглашение между Грузинским государством и Грузинской Апостольской Автокефальной Православной Церковью [Электронный ресурс] // Русская православная церковь: Официальный сайт Московского Патриархата. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/318741.html> (дата обращения: 25.01.2024).
4. Малахов В.С., Летняков Д.Э. Религиозная политика постсоветских государств: между «эффектом колеи» и «правительностью» // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 4. – С. 163–175.
5. Президента Грузии призвали отклонить не понравившийся Патриархии закон [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/news/2011/07/06/critisize/> (дата обращения 01.02.2024).
6. Романов А.А. Глобальная гегемония США: период полураспада // Вестник Института мировых цивилизаций. – 2022. – Т. 13, № 4 (37). – С. 62–66.
7. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2010. – № 10. – С. 173–192.
8. Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 3. – С. 57–76.
9. Тейлор Ч.М. К новому секуляризму: в качестве введения // Человек.RU. – 2012. – № 8. – С. 35–50.
10. Хабермас Ю. Вера и знание. Будущее человеческой природы. – Москва: Весь мир, 2002. – С. 117–143.
11. Шайо А. К понятию конституционного секуляризма // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – № 2 (69). – С. 132–152.
12. Durham C.W. (Jr.) Religious Freedom in a Worldwide Setting: Comparative Reflections // Pontificia Accademia delle scienze sociali: 17th Plenary Session. Vatican City, 2011. – P. 359–389.
13. Freedom of religion: critique of discriminatory and nonsecular state policy / ed. by T. Mikeladze. Tbilisi: Human Rights Education and Monitoring Center, 2016. – 134 p.
14. Girolami De M.O. The Death and New Life of Law and Religion // Oxford Journal of Law and Religion. – 2024, April. – P. 16–41.
15. Nye J.S. Soft Power: The Means To Success In World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 192 p.

**СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
В СОЗНАНИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ ИМЕНИ В.В. ЛУКЪЯНОВА)**

Дудченко Л.В.,

кандидат юридических наук

(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)

Аннотация: в статье автором рассматривается вопрос необходимости сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне среди молодежи России, а в особенности такой категории, как курсанты и слушатели образовательных организаций системы МВД России. В исследовании отражаются правовые инструменты формирования патриотического мировоззрения и воспитания у курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России. Автор разбирает формы передачи исторической памяти о войне, обозначает проблемы, затрудняющие ее сохранение и трансляцию новым поколениям, а также практики сохранения наследия и формирования патриотических ценностей у подрастающего поколения на примере Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; память; молодежь; курсант; слушатель; подвиг; ценности

**PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE MINDS OF STUDENTS
OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE SYSTEM
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA
(ON THE EXAMPLE OF LUKYNON ORE LAW INSTITUTE
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA)**

Dudchenko L.V.,

Candidate of Law

(Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: in the article, the author considers the need to preserve the historical memory of the Great Patriotic War among the youth of Russia, and especially of such a category as cadets and students of educational organizations of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The study reflects the legal instruments for the formation of a patriotic worldview and education among cadets and students of educational organizations of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The author analyzes the forms of transmission of historical memory of the war, identifies problems that make it difficult for new generations to preserve and broadcast it, as well as the practice of preserving heritage and forming patriotic values among the

younger generation using the example of Lukyanov Orel Law Institute of Ministry of the Interior of Russia.

Keywords: Great Patriotic War; memory; youth; cadet; listener; feat; values

В 2025 году Россия отмечала 80-летие Великой Победы – дату, которая связывает поколения и формирует уникальный пласт исторической памяти. В этой связи Президент Российской Федерации своим Указом объявил 2025 год «Годом защитника Отечества», его цель «сохранение исторической памяти в ознаменование 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, в благодарность ветеранам и признавая подвиг участников специальной военной операции» [1]. В этот год уделяется особое внимание памяти самого тяжелого периода в истории нашей страны, боровшейся с немецко-фашистскими оккупантами, когда советский народ сплотился во имя отстаивания свободы и независимости страны, когда на рельсы войны были поставлены не только все сферы жизни общества, но и человеческие жизни.

Представителям молодежи важно осознать значимость этой даты не только с точки зрения торжественных мероприятий и официальных речей, но и в глубоком личном восприятии тех событий, которые предшествовали победе. Особенно это актуально для обучающихся образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации. Данная категория обучающихся – это будущие представители власти в нашей стране, их профессиональная деятельность сопряжена с защитой личности, обеспечением ее прав и свобод, защитой общества и государства от противоправных посягательств. Согласно п. «б» статьи 24 Указа Президента Российской Федерации [2], сегодня ключевой задачей в рамках стратегического национального приоритета нашего государства является сохранение исторической памяти противодействие фальсификации истории и сохранение исторического опыта, который формирует традиционные ценности. Убеждены, что именно умение сохранять и передавать память о войне – один из ключевых факторов формирования современной российской идентичности, обеспечение стабильного функционирования государства, а также функционирования системы правовых ценностей и национального права. Задача по сохранению исторической памяти о событиях, произошедших период Великой Отечественной войны, о подвигах защитников Отечества и ее трансляции молодым правозащитникам позволяет сформировать ценностный пласт в их правосознании, что будет способствовать эффективному выполнению поставленных перед сотрудниками ОВД служебных задач. Формирование исторической памяти, понимание ее смысла и значимости является мостом к построению будущего сплоченного не только единой историей, но и единой целью народа, нации, страны.

Сегодня образовательные организаций системы МВД России в рамках образовательной деятельности по подготовке высококвалифицированных представителей правопорядка, реализуют морально-психологическое обеспечение в деятельности ОВД, в рамках которой формируют у сотрудников ОВД России профессионально значимые морально-политические, нравственные и психологические качества. Так, в соответствии с приказом МВД России от 27 августа

2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» среди видов морально-психологического обеспечения деятельности ОВД выделяется политико-воспитательная работа. Целью последней является формирование личности сотрудника как гражданина, патриота и профессионала, а также закрепление в его сознании соответствующих знаний, ценностных ориентиров, взглядов, убеждений, установок и чувств. В качестве методов политико-воспитательной работы используются традиционные – личный пример, убеждение, соревнование, поощрение и критика действий и поступков. Среди форм реализации политико-воспитательной работы в приказе выделяются: лекции; доклады; беседы; митинги; встречи с деятелями культуры и искусства, представителями органов государственной власти, местного самоуправления, традиционных религиозных конфессий и общественных объединений; экскурсии, научно-практические конференции и т.д. В рамках политико-воспитательной работы проводится информационно-пропагандистская работа, среди задач которой выступают не только разъяснение защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической правды в отношении фактов и событий отечественной истории и истории российской полиции, но и разоблачение деструктивной идеологии, распространяемой в информационном пространстве, противодействие попыткам негативного информационно-психологического воздействия на личный состав, формирование у сотрудников устойчивости к информационно-психологическим атакам.

В настоящее время курсанты и слушатели образовательных организаций системы МВД России получают информацию о Великой Отечественной войне по-разному: от лекций [3], книг, фильмов и социальных сетей до участия в патриотических акциях [4; 5; 6; 7], конкурсах [8; 9], мероприятиях международного уровня [10], тем самым накапливая и закрепляя в сознании ориентиры, взгляды, убеждения и ценности, которые, сливаясь воедино, формируют личность, понимающую историю, культуру, национальные интересы своей страны, с высоким уровнем правосознания и гражданской позицией, готовую встать на защиту своей Родины.

С каждым годом участников и очевидцев Великой Отечественной войны становится все меньше. Свидетелей тех дней почти не осталось, а живое слово фронтовика или труженицы тыла сменяется страницами в учебниках и кадрами кинохроники. И тем важнее для молодого поколения выстраивать мост между прошлым и будущим, сохраняя в душе благодарность и понимание событий той страшной войны. В случае утери связи с историческим опытом возникает риск утраты ясного понимания того, кто мы есть и каковы наши истоки.

Интерес к истории не угасает, однако часто он обретает форму упрощенных представлений или превращается в набор стереотипов. Так, некоторые курсанты и слушатели воспринимают войну как далекий сюжет из учебника, не осознавая ее реальной ужасающей близости. Или наоборот, искренне сопереживают, но испытывают трудности в понимании того, что происходило в глубинных мотивах и поступках людей во время войны. Важно, чтобы это знание не стало очередной «красочной легендой», от которой отмахиваются фразами

«ну, это было давно...». Только осмысленная память позволяет по-настоящему ощутить связь с историей своей страны [18].

Считаем, что значительную роль в формировании исторической памяти у обучающихся играет семья. Именно бабушки и дедушки, родители, родственники, знакомые передают живые истории о бабушке-снайпере, о прадед-танкисте или о родственнике, работавшем в тылу. Личные семейные воспоминания часто оказываются сильнее любых парадных речей и кинофильмов. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ) в российских семьях регулярно ведутся разговоры о Великой Отечественной войне, и связаны они в первую очередь с объемом сохранившейся памяти о родственниках-фронтовиках. В нашей стране 95% населения говорит о войне, получая информацию из семейных архивов, писем, фото. Данный факт подтверждает большое значение семейных архивов и артефактов в сохранении и трансляции исторической памяти о войне на бытовом, семейном уровне. Они являются своеобразными носителями живой памяти, связывающей поколения [11; 12; 13]. Личные встречи с ветеранами Великой Отечественной войны или с тружениками тыла – членами семьи – с каждым годом становятся все реже. Но те встречи, на которых рассматриваются черно-белые фотографии, с изображением участников войны в окружении боевых товарищей, где на фото у одних гимнастерка чуть подрана, у других – забинтованы руки, но глаза полны стойкости и веры в победу; рассказы о том, как они делили последний кусок хлеба, вместе откапывали попавшего под обвал товарища и ночевали в окопах при сорокаградусном морозе, – именно такие истории помогают не только осознать масштаб войны, но и прочувствовать ее на очень личном уровне и сформировать чувство гордости за своего родственника, внесшего вклад в победу над фашистскими захватчиками. В этой связи обучающимися Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова на основе полученных данных из семейного или государственных архивов подготавливаются выступления о своих родственных – участниках Великой Отечественной войны, их героических подвигах в период войны.

Вместе с тем сегодня у многих современных молодых людей, в том числе и обучающихся образовательных организаций системы МВД России отсутствует прямой контакт с родственниками-участниками войны. И это подтверждают данные ВЦИОМ: информированность россиян о Великой Отечественной войне и об участии своих родственников в ней обусловлено близостью жизни старшего поколения к военным годам. Так, каждый второй гражданин в возрасте 60 лет хорошо осведомлен о жизни в военный период и об участии своих родных в войне, что в два раза больше по сравнению с 18–24-летними гражданами [14]. Следовательно, молодежи все чаще становятся неизвестны факты и подробности участия родственников в Великой Отечественной войне, что может указывать на постепенные утраты связи поколений и исторической памяти.

Поэтому важным средством передачи памяти остаются культурные и образовательные инициативы: проекты, исследовательские работы, взаимодействие с музеями и архивами, поездки на места сражений и к мемориалам.

В Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова регулярно организуются выездные экскурсии в музейные комплексы [15], помогающие сформировать патриотические взгляды среди обучающихся. Так, например, согласно проведенному в 2023 году исследованию ВЦИОМ – 65% населения страны считает День Победы самым важным праздником, при этом среди символов победы и мероприятий, направленных на поддержание исторической памяти о событиях 1941–1945 годов, о героях нашей страны, первое место отводится военному параду (63%), второе – георгиевской ленточке (58%), а третье – акции «Бессмертный полк» (54%)[14]. Результаты опроса россиян, организованного ВЦИОМ и приуроченного к празднованию 80-летней годовщины Победы в Великой Отечественной войне, подтверждают значимость и важность Дня Победы для населения России и отождествление его с символом единства и национальной гордости и ценностью мира [16]. Участие в акции «Бессмертный полк» дает ощущение не только гордости, но и неожиданной ответственности: шагая по улицам с портретом фронтовиков, люди символически соединяют время, напоминая всем о судьбах ушедших солдат. В буквальном смысле это прикосновение к истории нашей страны.

В последние годы все более заметной становится тенденция «цифровизации» исторической памяти. В Интернете доступно множество оцифрованных архивных документов, видеозаписей воспоминаний, интерактивных карт боевых действий. Пользователи социальных сетей ведут блоги и каналы, посвященные истории войны: от подробного разбора документов до виртуальных экскурсий по военным местам. По нашему мнению, это замечательная возможность для современной молодежи, постоянно находящейся в цифровом пространстве, продолжать узнавать новые факты и знакомиться с малоизвестными подвигами обычных людей. Важно, однако, чтобы цифровые инструменты не подменяли собой реальное соприкосновение с прошлым, а дополняли традиционные формы его изучения. Ведь ничто не заменит эмоций, которые испытываешь, когда стоишь у мемориала или читаешь пожелтевшие письма с фронта.

Помимо сохранения памяти важной задачей современности становится осмысление уроков войны. Нам представляется, что одно из главных посланий Великой Отечественной войны – это ценность мира и человечности. Война обнажила и самые страшные стороны человеческой натуры, и величайшие примеры самоотверженности и взаимовыручки.

Также принципиально важно не сводить память о Великой Отечественной войне только к военной и геополитической стороне. Да, сражения, ордена, награды – это все неотъемлемая часть. Но в памяти должна жить и повседневная жизнь тех лет: как женщины вставали к станкам, чтобы выпускать оружие и снаряды; как дети собирали металлолом и помогали на полях; как люди делились последним, не зная, будет ли завтрашний день. Это и есть народная история войны, помогающая понимать, что мужество неотделимо от человеческой боли и повседневных трудов. Такие детали формируют объемную, живую картину прошлого.

Сегодня, 80 лет спустя, на наш взгляд, следует не только гордиться великими подвигами, но и бережно относиться к самой идее солидарности и дружбы между людьми. Как показывают результаты исследований [18], историческая память о войне остается для населения страны ценностью. Многие увлеченно занимаются исследовательской работой, участвуют в волонтерских проектах, восстанавливают имена безымянных героев в архивах. Однако есть и те, кто искренне полагает, что все это уже неактуально, что нужно «жить сегодняшним днем» и не оборачиваться назад. Но живое чувство исторической преемственности не мешает сегодняшнему развитию, а, напротив, усиливает его. Потому что, зная, какие испытания выпали на долю народа, начинаешь острее ценить мир, свободу, собственную возможность учиться, развиваться и строить будущее.

Таким образом, сохранение памяти о Великой Отечественной войне – это не просто дань уважения предкам и их подвигам. Это часть собственного самоопределения как личности, гражданина, живущего в современной России, понимающего ответственность за судьбу своей страны. Пока изучается история, поддерживаются семейные рассказы, открываются архивы и музеи, проходят памятные акции, прошлое не способно превратиться в забвение. А значит обучающиеся сохраняют в себе духовный и нравственный фундамент, на котором можно строить единство поколений и уверенно смотреть в будущее. Ведь будущее без памяти лишено смысловых корней – тех самых корней, которые связывают нас с Победой и теми невероятными усилиями, которые были положены ради мира на земле.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/> (дата обращения: 29.09.2025).
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/> (дата обращения: 29.09.2025).
3. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 27.08.2024 № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/> (дата обращения: 29.09.2025).
4. В институте прошла лекция о единстве советских граждан во времена Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – URL: <https://орюи.мвд.рф/Press-sluzhba/Novosti/item/> (дата обращения: 29.09.2025).
5. Курсанты института встретились с ветераном специальной военной операции Д.Ю. Орловым [Электронный ресурс]. – URL: <https://орюи.мвд.рф/Press-sluzhba/Novosti/item/> (дата обращения: 29.09.2025).

6. В институте прошла встреча с военными корреспондентами – участниками СВО [Электронный ресурс]. – URL: <https://орюи.мвд.рф/Press-sluzhba/Novosti/item/> (дата обращения: 29.09.2025).

7. Представители института приняли участие в патриотическом форуме «Герои нашего времени» [Электронный ресурс]. – URL: <https://орюи.мвд.рф/Press-sluzhba/Novosti/item/> (дата обращения: 01.10.2025).

8. «Эстафета Подвига»: личный состав института посетил подшефный мемориальный комплекс [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--h1alg0d.xn--b1aew.xn--p1ai/Press-sluzhba/Novosti/item/> (дата обращения: 01.10.2025).

9. Патриотическая акция «Эстафета Подвига» [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--h1alg0d.xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения: 01.10.2025).

10. Курсанты института приняли участие в проведении мастер-класса «Творческий видеопроjekt по сохранению памяти о Великой Отечественной войне: от идеи к реализации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://орюи.мвд.рф/Press-sluzhba/Novosti/item/64255604/> (дата обращения: 01.10.2025).

11. Сотрудники и курсанты института присоединились к международной акции «Сад Памяти» [Электронный ресурс]. – URL: <https://орюи.мвд.рф/Press-sluzhba/Novosti/item/64367469/> (дата обращения: 01.10.2025).

12. Курсанты, слушатели, сотрудники и ветераны института проверили знания истории в рамках «Диктанта Победы» [Электронный ресурс]. – URL: <https://орюи.мвд.рф/Press-sluzhba/Novosti/item/64343908/> (дата обращения: 01.10.2025).

13. 9 мая и память о великой войне 2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/9-maja-i-pamjat-o-velikoi-voine> (дата обращения: 01.10.2025).

14. Военный парад, георгиевская ленточка и «Бессмертный полк» – главные элементы праздника 9 Мая. День Победы – 2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-2023> (дата обращения: 01.10.2025).

15. Патриотизм в каждом экспонате: как курсанты прикоснулись к истории [Электронный ресурс]. – URL: <https://орюи.мвд.рф/press-sluzhba/novosti/item/63426019/> (дата обращения: 01.10.2025).

16. Великой Победе – 80 лет! [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikoi-pobede-80-let> (дата обращения: 01.10.2025).

17. Чтобы помнили! [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

18. Лысенко В.А. Историческая ретроспектива правового воспитания / В.А. Лысенко, С.Е. Вородюхин // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2023. – № 2. – С. 217–222.

ТЕОКРАТИЧЕСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Дурнева Н.С.,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье проведен анализ государственного управления в современных теократических государствах и выявлены особенности их функционирования. Рассмотрено влияние религиозных норм, закрепленных на законодательном уровне, на жизнь общества. Сделан вывод о том, что современные теократические государства прошли путь «трансформации» и на сегодняшний день приобрели новые отличительные черты.

Ключевые слова: теократические государства; религиозные нормы; монархия; республика; глава государства

THEOCRATIC STATEHOOD IN THE MODERN WORLD

Durneva N.S.,

Postgraduate

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article analyzes public administration in modern theocratic states and identifies the features of their functioning. The influence of religious norms fixed at the legislative level on the life of society is considered. It is concluded that modern theocratic states have gone through a “transformation” and have acquired new distinctive features today.

Keywords: theocratic states; religious norms; monarchy; republic; head of state

Споры о верховенстве властей (светской и духовной) ведутся со времен раннего Средневековья. Особого «апогея» данная проблематика достигла, когда были сформулированы основные положения средневековой Доктрины о двух мечах, обосновывающей идею верховенства духовной власти над светской [4, с. 2]. Если ранее средневековыми монархами оспаривались положения Доктрины, высказывались идеи о равенстве двух властей, то на сегодняшний день необходимость в религиозном обосновании государственной власти практически отсутствует. Религиозные основы на сегодняшний день необходимы лишь в государствах с монархической формой правления и с официальной религией. Кроме этого, существуют и теократические государства, государственная власть в которых построена на сочетании светского и духовного.

Стоит отметить, что большинство развитых правовых государств выбрали светскую модель взаимоотношения с религией, теократические начала государственной власти либо упоминаются на раннем историческом этапе развития общества, либо сохраняются лишь в небольших по территориальному признаку государствах. Религия и государство в данном случае взаимообусловлены,

а функции главы государства осуществляет лицо, являющееся представителем и духовной и светской власти.

Юрист Е.Н. Салыгин справедливо полагает, что религиозный идеал государственного устройства воплотился в практике Западной и Восточной Римской империи, в образе исламского халифата. Римский папа, император Константинополя, имам-халиф олицетворяли соединение духовного и светского, человеческого и божественного [1, с. 15].

Политолог А.Н. Сергеев отмечает, что государств, наиболее близких к теократической модели, в современном мире очень мало (к ним можно отнести Ватикан, ряд стран исламского мира и самоуправляемое сообщество, не имеющее статус суверенного государства, Афган). Поэтому в научную литературу и был введен термин «государство с элементами теократии». Под последним следует понимать такое государство, в котором, невзирая на отсутствие сущностных признаков теократии (главным образом, религиозно-правовое регулирование), имеются иные (например, официальная религия) [2, с. 164].

О малом количестве государств с теократической моделью свидетельствуют и статистические данные американского исследовательского центра Pew Research Center. В современном мире насчитывается всего 6 теократических государств, к числу которых относят: Ватикан, Афганистан, Иран, Мавританию, Саудовскую Аравию и Йемен. В данном исследовании также обращалось внимание на то, что в мире насчитывается 43 государства с официальной религией, в число которых входили и теократические. Рассмотрим особенности осуществления государственной власти в каждом из них [5, с. 8].

Так, государство Ватикан на сегодняшний день является абсолютной теократической монархией, где функции главы государства осуществляет Папа Римский, избираемый Коллегией кардиналов (Конклавом) на пожизненный срок. Особенностью управления данным государством считается то, что Папа Римский является и государственным лидером и главой католической церкви. Стоит отметить, что Ватикан является единственным государством с христианской теократией. Законы Ватикана в большинстве случаев состоят из канонического права католической церкви. Рассматривая статус данного государства в международном праве, следует сказать о том, что оно является вспомогательной суверенной территорией Святого Престола, резиденцией высшего духовного руководства Римско-католической церкви. Подчеркнем, что глава государства обладает всей полнотой власти, но в то же время реализовывает ее через такие органы, как:

- Папская комиссия по делам Ватикана (законодательная власть);
- Государственный секретариат (исполнительная власть);
- гражданский суд Ватикана (светская судебная власть).

Особенностью международных отношений Ватикана является то, что данное государство не имеет дипломатических отношений, а его внешними связями управляет Святой Престол [3, с. 2].

Статья 4 Конституции Исламской Республики Иран устанавливает следующее: «Все гражданские, уголовные, финансовые, экономические, административные, культурные, военные, политические нормы и принципы, а также

любые другие законы должны основываться на принципах ислама [6, с. 1]. Кроме этого, законодательство данного теократического государства закрепляет, что главой государства является рахбар (Верховный лидер). При этом ветви власти разделены следующим образом:

- президент (исполнительная);
- исламский консультативный совет (законодательная);
- суды (судебная).

В современном мире государств с монархической формой правления становится все меньше. По данным компании «Коммерсантъ» на сегодняшний день в мире насчитывается 43 государства с монархической формой правления. При этом преобладающее большинство монархий являются парламентскими, за исключением Ватикана, Саудовской Аравии [9, с. 1]. Данная информация позволяет судить о том, что, если ранее, в период господства абсолютных монархий в мире, где религия и власть монарха были тесно связаны, а каноническое право было одним из ведущих принципов теократии были основополагающими при управлении государством, то на данный момент число монархий значительно уменьшилось, а глава государства стал осуществлять лишь представительские функции. Упомянутое суждение позволяет говорить о том, что теократические государства также трансформировались. Доказательством этому служит то, что большинство теократических государств на сегодняшний день являются республиками, за исключением Ватикана и Саудовской Аравии, которые остались абсолютными монархиями.

Конституция Йеменской Республики провозглашает государство независимой и суверенной арабской и исламской республикой, в которой функции главы государства осуществляет президент. Подчеркнем, что законодательством данного государства закреплено также, что законы шариата составляют основу нормативных правовых актов. Несмотря на политические потрясения в Йемене, теократические принципы в Республике остаются неизменными, и правовая база также строится на основе шариата [7, с. 3].

Функции главы государства в Саудовской Аравии осуществляет король, власть которого ограничивается лишь нормами шариата. Стоит отметить, что в государстве действует принцип разделения властей:

- исполнительная власть представлена Советом министров, который состоит из 22 министров, включая премьер-министра и первого заместителя;
- законодательную власть осуществляет консультативная ассамблея;
- судебная власть выделяется наличием религиозных судов. Подчеркнем, что высшей судебной инстанцией в государстве является король [8, с. 2].

Проанализировав основы управления в современных теократических государствах, следует выделить ряд признаков, наиболее характерных для них:

1. Глава государства совмещает в себе и политическое, и религиозное лидерство. Как упоминалось ранее, Папа Римский является и главой государства, и главой римско-католической церкви.

2. В законах закреплена официальная религия.

3. В исследуемых государствах действует принцип разделения властей, но при этом глава государства обладает в данной области решающей ролью и реализует этот принцип через государственные органы.

4. В некоторых странах, как например в Саудовской Аравии, функционируют религиозные суды.

5. Религиозные нормы являются основой для действующего законодательства, что и закреплено в основных законах.

6. Общественная жизнь населения подчинена религиозным догмам.

Таким образом, теократическая государственность в современном мире приобрела ряд новых черт: многие теократические государства на сегодняшний день по форме правления являются республиками, в которых действует принцип разделения властей с решающей ролью главы государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Салыгин Е.Н. Теократическое государство: учебник для вузов. – Москва: Московский общественный научный фонд, 1999. – 127 с.

2. Сергеев Т.Н. Понятие теократии в современной отечественной научной литературе и феномен клерикального государства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6. – С. 163–165.

3. Ватикан. Гуманитарный портал [Электронный ресурс]. – URL: <https://gtmarket.ru/countries/vatican> (дата обращения: 08.12.2025).

4. «Доктрина двух мечей» как основа средневековой политики [Электронный ресурс]. – URL: <https://arhe.msk.ru/?> (дата обращения: 08.12.2025).

5. Исследование показало, что более 20 стран мира имеют государственную религию [Электронный ресурс]. – URL: <https://weekend.rambler.ru/read/38059414-issledovanie-bolee-20-stran-mira-imeyut-gosudarstvennuyureligiyu/> (дата обращения: 08.12.2026).

6. Конституция Исламской Республики Иран [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.irandiscovery.ru/iran/konstituciya-irana/> (дата обращения: 08.12.2025).

7. Конституция Йемена [Электронный ресурс]. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?> (дата обращения: 08.12.2025).

8. Конституция Саудовской Аравии [Электронный ресурс]. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?> (дата обращения: 08.12.2025).

9. Новости России и мира сегодня [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/?ysclid=mk1bify0x3324483456> (дата обращения: 08.12.2025).

НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ЦЕННОСТЬ

Ерыгина В.И.,

кандидат исторических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматривается ценность народного представительства как института конституционного права, которая выражается в признании данного феномена как идеологии, нашедшей свое закрепление в Конституции Российской Федерации в виде политического и идеологического многообразия. Народное представительство рассматривается на доктринальном уровне с позиций аксиологического подхода как фундаментальная основа конституционного строя, демократического политического режима. Автор под народным представительством понимает систему организации власти, основанную на воле и интересах народа, реализующего свои властные полномочия посредством народных избранников и представительных органов, уполномоченных от его имени принимать принципиально важные решения. Ценность же народного представительства состоит в том, что в его основе лежит воля народа, а избрание представителей является осуществлением власти, принадлежащей народу. Органы государственной власти создаются двояким способом: либо избираются народом и уполномочены действовать в его интересах (президент, одна из палат парламента, региональные законодательные органы государственной власти, органы местного самоуправления), либо назначаются другими избранными населением органами или должностными лицами и ими же контролируются.

Ключевые слова: конституционно-правовые ценности; конституция; народное представительство; конституционное право; конституционализм

PEOPLE'S REPRESENTATION AS A CONSTITUTIONAL AND LEGAL VALUE

Erygina V.I.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article examines the value of popular representation as an institution of constitutional law, which is expressed in the recognition of this phenomenon as an ideology enshrined in the Constitution of the Russian Federation as political and ideological diversity. Popular representation is examined at the doctrinal level, from the perspective of an axiological approach, as the fundamental basis of constitutional order and a democratic political regime. The author defines popular representation as a system of organizing power based on the will and interests of the people, who exercise their powers through elected representatives and representative bodies empowered to make fundamental decisions on their behalf. The value of popular representation lies in the fact that it is based on the will of the people, and the election of repre-

sentatives is an exercise of power belonging to the people. State authorities are created in two ways: either they are elected by the people and are authorized to act in their interests (the president, one of the chambers of parliament, regional legislative bodies of state power, local government bodies), or they are appointed by other bodies or officials elected by the population and controlled by them.

Keywords: constitutional and legal values; constitution; popular representation; constitutional law; constitutionalism

Понятие ценности имеет межотраслевой характер в науке. Оно изучается с точки зрения социологии, философии, политологии, психологии и юриспруденции. Внедрение этого термина в юридическую науку связано с необходимостью замены прежнего монистического метода исследования с позиций марксизма-ленинизма на новые методы и подходы.

В советской юридической науке часто происходила подмена метода законности методом целесообразности, и ценным считалось все, что соответствовало политическим задачам построения социализма и коммунизма, интересам трудящихся классов. Впервые этот метод был отвергнут еще при переходе от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике (нэпу). В современной науке такой переворот произошел в связи с отказом от социалистического пути развития и перехода к режиму конституционализма, который в науке конституционного права трактуется как новый этап в развитии государства.

Большинство отечественных конституционалистов, несмотря на попытки оторваться от реальной действительности и выйти на уровень абстракции субъективного или объективного идеализма при анализе народного представительства, рассуждают прагматично и применяют *рационально-ценностный подход* к анализу народного представительства.

Конституционно-правовые ценности – это те важнейшие фундаментальные основы конституционного строя, которые закреплены в Конституции Российской Федерации и содержат целеполагания учредителей нового конституционного типа государства и права о построении правового демократического государства с республиканской формой правления. Конституционные ценности являются частью идеологии, которая закреплена в Конституции. По словам доктора культурологических наук, профессора члена-корреспондента РАН А.С. Запесоцкого, «государственная идеология, конечно, существует. В том смысле, что она существует у правящего слоя, разрабатывающего и реализующего политику от имени государства» [4, с. 99]. Следуя данной логике, можно признать, что и народное представительство – это тоже идеология, воплощенная в конституционных нормах. Конкретно ее сущность воплощается посредством признания в Конституции принципа идеологического и политического многообразия. Реализация этого принципа возможна лишь путем представительства социальных групп, политических партий с различными интересами и взглядами в общественных и государственных органах и организациях.

В начале строительства нового российского государства в 1990-е годы доминировали либеральные ценности, которые скорее разъединяли общество, обеспечивая развитие отдельной личности. Как верно отмечают А.В. Гайда и

В.Р. Дубичев, «Идея политического представительства либеральной модели XIX – XX веков как основы демократического политического режима стала неадекватной ситуации и обществу» [3, с. 93]. Сейчас более важны для сплочения общества, народа в целом консервативные традиционные ценности. Поэтому в российском конституционном праве происходит процесс конвергенции либеральных и консервативных ценностей. Так, Б.С. Эбзеев назвал современную Конституцию «юридической моделью социальной конвергентной технологии», которая выражается в сочетании естественного и позитивного права, в «преодолении противоположности между индивидуальным и коллективным и закреплении баланса в организации взаимоотношений личности и общества» [10, с. 32].

Эта тема еще не получила должного освещения в конституционно-правовой науке, вызывает дискуссии. С помощью категории «ценность» устанавливаются сущность и одновременно «условие бытия объекта» [9, с. 507], его «юридические свойства, так как правовые ценности считаются нормативными по своей сути» [7].

По справедливому мнению В.И. Крусса, конституционные ценности обладают особыми свойствами, так как они «абсолютны», «предельны», обладают «объективным «индикатором» индивидуальной и общенародной идентичности и важным средством социокультурного самосохранения в условиях глобализации», «нормативны». Последнее свойство определяется природой и юридическими свойствами Конституции Российской Федерации как акта прямого действия и текста [6, с. 62–67]. Позволим предположить, что сказанное относится также и к конституционным положениям, закрепляющим народное представительство.

На теоретическом доктринальном уровне одной из ценностей конституционализма с позиций аксиологического подхода является народное представительство, под которым понимается система организации власти, основанной на воле и интересах народа, реализующего свои властные полномочия посредством народных избранников и представительных органов, уполномоченных от его имени принимать принципиально важные решения.

На практическом законодательном уровне данная конституционная ценность закреплена в Конституции Российской Федерации, начиная со статьи 3, и в иных нормативных правовых актах, регулирующих порядок формирования и деятельности выборных должностных лиц и представительных органов.

Есть еще третий ментальный уровень признания ценности народного представительства в массовом сознании граждан, понимающих важность участия в выборах, проявляющих свою гражданскую позицию не только в ходе голосования, но и в процессе правотворческой инициативы, обращения к депутатам, отдельным представителям власти, проведении народной экспертизы и других действиях. Народное представительство как ценность признается не только большинством граждан, участвующих в выборах, но и политическими партиями, общественными объединениями и другими институтами гражданского общества.

Можно согласиться с мнением О.К. Абрамовой, считающей, что конституционные ценности способствуют укреплению государства как основного субъекта политической системы, консолидации общества [1].

В системе конституционных ценностей первенство в науке и практике конституционного права получает принцип народовластия. А.Н. Костюков разделяет понятия «конституционные принципы» и «конституционные ценности» [7, с. 8].

Конституционная ценность народовластия заключается в легитимации власти и реализации политических прав и свобод граждан [7, с. 8]. К народовластию ученые относят не только формы прямой демократии, но и формы управления, производные от народа, т.е. учрежденные им органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Представительство – это отношение, в котором один субъект выражает волю и поручает другому субъекту действовать в своих интересах. Данное понятие встречается в гражданском праве и означает сделку, совершенную одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, установленного законом или акте уполномоченного государственного органа или органа местного самоуправления, которая непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого.

В конституционном праве различается двоякого рода представительство – представительство по уполномочию (мандату) и представительство в силу закона [2, с. 97]. «Первое предполагает дееспособность, а второе – недееспособность представляемого лица». Народное представительство, по мнению В.М. Гессена, является «представительством в силу закона, а не по уполномочию народа, является прямым и необходимым отрицанием идеи народного суверенитета» [2, с. 97]. Ценность же народного представительства состоит в том, что в его основе лежит воля народа, а избрание представителей является осуществлением власти, принадлежащей народу. Так, органы государственной власти создаются двояким способом: либо избираются народом и уполномочены действовать в его интересах (президент, одна из палат парламента, региональные законодательные органы государственной власти, органы местного самоуправления), либо назначаются другими избранными населением органами или должностными лицами и ими же контролируются.

Аксиологический подход предусматривает ценностный анализ народного представительства.

Ценность народного представительства состоит, во-первых, в формировании органов публичной власти; во-вторых, в отражении народных интересов в решениях государственных и муниципальных органов; в-третьих, реализации права граждан на участие в управлении делами государства в ходе выборов. Поэтому ценность права имеет как субъективное, так и объективное значение.

Ценность народного представительства имеет социальную значимость, подобно ценности права, о которой пишут С.А. Белов [2], А.В. Поляков [8, с. 324–325] и др.

Самая большая проблема представительства в конституционном праве связана с сутью и путями отражения интересов народа. Народ – это огромная и базовая составляющая государства и общества. Народ – это фундамент для государства, которое является оформленной правом формой бытия населения.

Первый путь воплощения народного представительства – это самопредставительство.

Второй путь реализации народного представительства – через различные органы государственной власти и органы местного самоуправления.

С точки зрения конституционного права публичное общенациональное представительство – это один из наиболее существенных элементов в конструкции конституционного или правового государства, и именно с его помощью обеспечивается: а) подчинение государственной власти закону и праву; б) участие населения через своих представителей в отправлении государственных функций. Фундамент народного представительства составляют естественные и неотчуждаемые гражданские права и свободы, выборы и референдум как единственный легитимный способ образования общей воли народа, или всеобщего согласованного интереса, выступающего фактической основой всякого закона (правотворческого решения). Социальная ценность народного (общенационального) представительства заключена в том, что оно предопределяет необходимость представительного правления, которое выступает важнейшей формой опосредованного осуществления народом принадлежащей ему власти, а также реализации законодательных функций высшими представительными органами государства. Особенная природа народного представительства заключена в том, что оно является конструктивным элементом конституционного механизма демократического правового государства. Все современные конституционные (и правовые) системы признают господство права, верховенство закона в качестве одного из столпов современного конституционного здания; при этом упускается из виду то обстоятельство, что приоритет закона напрямую связан с приоритетом представительных начал в законодательствовании – именно наличие представительной законодательной власти как порождения феномена народного (общенационального) представительства обуславливает в конечном счете жизнеспособность закона во всей структуре национального права.

Народное представительство – есть право отдельного гражданина и всей совокупности граждан, по своей значимости и конституционному смыслу относящееся к категории основных гражданских прав и свобод. Народное (общенациональное) представительство соотнесено с фундаментальным конституционным понятием «парламентаризма». Это взаимосвязанные и взаимообусловленные феномены, не существующие один без другого. Уменьшение в объеме одного одновременно уменьшает дозу присутствия в конституционном пространстве другого.

Данная методологическая парадигма, выделяющая Россию как отдельный вид цивилизации, позволяет ей отказываться от различных зарубежных моделей государственно-правового развития, заимствованных в конце XX – начале XXI века: западного понимания сущности парламентаризма, американской системы исполнительной власти, децентрализованной (сетевой) организации пред-

ставительной системы. В настоящее время идет активный научный процесс осмысления новых форм демократического участия граждан в представительном правлении: «электронная демократия», совещательная демократия, делиберативный конституционализм. Конституционная наука должна находиться в авангарде развития общества, выявлять тенденции его развития, потребности и во многом опережать его, предлагая новые инструменты и технологии решения злободневных и прогнозируемых проблем, нивелируя риски.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамова О.К. Конституционные ценности как особая форма выражения права // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 12. – С. 24–25.
2. Белов С.А. Ценность права и ценности права // Российский юридический журнал. – 2025. – № 2. – С. 7–30.
3. Гайда А.В., Дубичев В.Р. Критика государственной идеологии. – Москва: Книжный мир, 2024. – 272 с.
4. Гессен В.М. Основы конституционного права. Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 496 с.
5. Запесоцкий А.С. Философия и современные российские реформы // Вестник Московского университета. Сер. Философия. – 2013. – № 2. – С. 93–107.
6. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории: монография. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 240 с.
7. Народовластие как конституционная ценность: правовое регулирование и гарантии реализации: коллект. монография / отв. ред. В.А. Виноградов, А.А. Ларичев. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 229 с.
8. Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. – 468 с.
9. Снежко О. Правовая природа конституционных ценностей современной России // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2005. – № 2. – С. 13–19.
10. Философский энциклопедический словарь. – Москва, 1997. С. 507.
11. Эбзеев Б.С. Конституция как юридическая модель социальной конвергентной технологии (к 30-летию Конституции России) // Государство и право. – 2023. – № 12. – С. 21–39.

КОНСТИТУЦИЯ ПОБЕДИВШЕГО СОЦИАЛИЗМА 1936 ГОДА

Залюбовская В.В.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: статья посвящена тенденциям, складывающимся в области правового регулирования в сфере прав и свобод человека и гражданина в СССР в 1930-е годы. Отмечается, что принятие общесоюзной Конституции 1936 года вызвано необходимостью укрепления советской власти в целях противодействия контрреволюционным настроениям и международным угрозам. В целом конституционные нормы закрепили последовательность и выдержанность демократизма советского государства, формально отразив права советского гражданина и способы и меры их защиты.

Ключевые слова: конституционное право; советское право; власть; общество; государство

THE CONSTITUTION OF VICTORIOUS SOCIALISM OF 1936

Zalyubovskaya V.V.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article examines emerging trends in legal regulation of human and civil rights and freedoms in the USSR in the 1930s. It notes that the adoption of the All-Union Constitution of 1936 was prompted by the need to strengthen Soviet power to counter counterrevolutionary sentiments and international threats. Overall, constitutional norms cemented the consistency and consistency of the democratic approach of the Soviet state, formally reflecting the rights of Soviet citizens and the means and measures for their protection.

Keywords: constitutional law; Soviet law; power; society; state

Вторая Конституция Союза Советских Социалистических республик (СССР) была принята 5 декабря 1936 года на VIII Всесоюзном чрезвычайном съезде Советов и направлена на признание легитимности советской системы и ее жизнеспособности как в глазах капиталистического иностранного мира, так и собственных граждан. Утихающие отголоски гражданской войны, укрепление позиций СССР на международной арене и получение дипломатического признания, проведение И.В. Сталиным политики коллективизации и индустриализации призывают его действовать в ногу со временем. Принятие Конституции СССР в 1936 году способствовало бы упрочению суверенитета страны и политической элиты в борьбе с контрреволюционной деятельностью и напряженной международной обстановкой.

Предпосылки для установления «прохладных» отношений с европейскими государствами возникли еще с 1920-х годов.

Особенно напряженные отношения сложились с Великобританией, которые были таковыми вплоть до 12 июля 1941 года, то есть до того момента, когда между СССР и Великобританией было подписано Соглашение о совместных действиях в войне против Германии по инициативе И.В. Сталина.

До этого события Лозаннская конференция 1922–1923 годов усилила напряженность между советским государством и Великобританией, а также присоединившимися к последней Францией и Италией, которые объединились в политический альянс и стремились к выходу в Черное море в борьбе за Восток, создавая угрозу советскому черноморскому побережью. В тот же период 8 мая 1923 года советскому руководству был выдвинут ультиматум лорда Керзона – министра иностранных дел Великобритании. Британская сторона в неуважительной форме требовала от Советского государства прекращения поддержки сил, выступавших против английского правления, и выплаты денежных компенсаций семьям подданных Великобритании, которые были подвергнуты аресту или казни на территории Советской страны.

Неоднократная смена политических взглядов Канадой в отношении СССР также влияло на канадско-советскую торговлю между двумя странами и недружественные отношения между двумя государствами.

В 30-е годы становится острым восточный вопрос. Япония использует нарастившую военную мощь страны и начинает вести крайне агрессивную политику в Восточной Азии, вынуждая СССР вести сдержанную политику в китайско-японских отношениях.

Зарождающаяся угроза советскому государству берет свое начало с 1933 года, когда в Германию пришла фашистская партия во главе с А. Гитлером.

Таким образом, не только перемены в СССР, но и «недружелюбные» настроения иностранных государств повлияли на проведение реформ советским руководством для укрепления политического единства в стране.

Анализируя доклад И.В. Сталина на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов о проекте Конституции Союза ССР, мы установили, что главная необходимость принятия новой Конституции СССР аргументировалась им в следующем:

1. Проведение дальнейшей демократизации избирательной системы, поскольку Конституция РСФСР 1918 года и Конституция СССР 1924 года в этом направлении была несовершенна. И.В. Сталин предлагал заменить многостепенные выборы прямыми, всеобщими и равными. Каждый гражданин СССР, достигший 18 лет, независимо от пола (ранее женщины были ограничены в избирательных правах), расы, национальности, вероисповедания, места проживания, имущественного и социального положения, уровня образования и прошлой деятельности имел право голоса.

Исключение составляли лица, которые были осуждены с лишением избирательных прав либо были признаны умалишенными.

2. Необходимость уточнения социально-экономической основы Конституции в смысле приведения Основного закона страны в соответствие с соотношением классовых сил в СССР в 1930-е годы: создание новой социалистиче-

ской индустрии, разгром кулачества, победа колхозного строя, утверждение социалистической собственности как основы советского общества и т.п.).

Вопрос победы над врагами социализма – капиталистическим миром – И.В. Сталиным рассматривался с точки зрения возможностей СССР собственными силами воспроизводить необходимое оборудование и технику, не находясь в зависимости от других государств, и возможности советского государства иметь силы и средства для обороны от врагов страны, которых на тот период было не мало. И, действительно, разработанный генеральным секретарем И.В. Сталиным метод индустриализации советской страны способствовал подготовке к возможным внешним угрозам, которые, как показала мировая история, оказалась реальной.

Внутриполитическая ситуация выглядит следующим образом. И.В. Сталин в своем докладе на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов о проекте Конституции Союза ССР указал на то, что «проект новой Конституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение Коммунистической партии СССР».

В соответствии с положениями Основного закона страны с 1936 года СССР признавался социалистическим государством, принадлежащим рабочим и крестьянам, что раскрывалось в статье 4 (отмена частной собственности, уничтожение эксплуатации человека человеком), в статье 5 (введение понятия социалистической собственности и ее формы), в статье 8 (бессрочное, вечное пользование землей колхозами) и многих других. Труд для советского человека становится обязательным, а также делом чести и показателем высоких моральных устоев. Экономика становится идеологией для построения социалистического государства на доктринах К. Маркса и В.И. Ленина и затрагивает все сферы жизни общества и государства. Закрепляются незыблемые права человека на труд и соблюдение режима труда и отдыха.

Образование также становится доступным, повышается грамотность населения, пережившего революционный год, Первую мировую войну, гражданскую войну и иностранную интервенцию. Граждане советского государства становятся равными, не зависимо от сферы деятельности и их национального и расового происхождения.

Религиозный аспект Основного закона СССР раскрывается в том, что отныне государство становится светским.

Появляется возможность для самовыражения: свобода слова, печати, свобода собраний и уличных шествий, демонстраций. Личность ставится в приоритет и подпадает под конституционную защиту государством. Никто не мог быть арестован без предусмотренного законом порядка.

Принятие «сталинской» Конституции СССР в 1936 году становится своевременной реакцией на изменения страны, связанные с необходимостью власти встать на защиту национальных интересов СССР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О проекте Конституции Союза ССР. Из доклада И.В. Сталина на VIII Чрезвычайном съезде Советов. 25 ноября 1936 г. // Сталин И.В. Доклад о проекте Конституции Союза ССР. – Москва, 1937. – С. 42–43.

2. Конституция (основной закон) СССР: с изм. и доп., принятыми на четвертой сессии Верховного Совета СССР восьмого созыва. Конституции (основные законы) Союзных Советский Социалистических Республик. – Москва: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1972. – 495 с.

3. Первая Конституция Союза ССР: Конституция СССР 1924 года: сборник документов / сост.: В.Н. Аверьев, Т.А. Ремезова, С.Л. Ронин и С.С. Студеникин; под ред. и с предисл. акад. А.Я. Вышинского. – Москва: Юрид. изд-во, 1948 (Молотов: тип. № 8 треста «Полиграфкнига»). – 397 с.

4. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г. – Москва: Сов. Россия, 1979. – 46 с.

О НРАВСТВЕННЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Зверева А.В.,

адъюнкт

(Восточно-Сибирский институт МВД России)

Аннотация: в статье рассматривается взаимосвязь нравственности и деятельности сотрудников органов внутренних дел на первоначальном этапе уголовного судопроизводства. Автор подчеркивает значимость соблюдения этических норм при принятии, регистрации и проверке сообщения о преступлении, в том числе в сфере экономической деятельности. В заключении делается вывод о том, что нравственность – это не только социальное явление, регулирующее поведение человека, но и своеобразный барьер, определяющий границы добра и зла.

Ключевые слова: нравственность; проверка сообщения о преступлении; экономическая деятельность; деятельность сотрудников органов внутренних дел

ON THE MORAL ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS WHEN CHECKING REPORTS OF A CRIME IN THE FIELD OF ECONOMIC ACTIVITY

Zvereva A.V.,

Postgraduate

(East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: the article examines the relationship between morality and the activities of law enforcement officers at the initial stage of criminal proceedings. The author emphasizes the importance of observing ethical standards when accepting, registering and verifying reports of a crime, including in the field of economic activity. In conclusion, it is concluded that morality is not only a social phenomenon that regulates human behavior, but also a kind of barrier that defines the boundaries of good and evil.

Keywords: morality; verification of a crime report; economic activity; activities of law enforcement officers

В современном мире нравственность отождествляется с такими понятиями, как справедливость, равенство, гуманность, совесть, мораль, этика, культура. Многогранность данного понятия наглядно показывает всеобъемлющий характер рассматриваемой категории. Исследуя нравственность в контексте уголовного судопроизводства, следует сказать, что действующий Уголовно-процессуальный кодекс не разъясняет содержание термина, а лишь косвенно упоминает его в положениях некоторых статей.

Одним из первых, кто посвятил работы проблеме нравственных начал в уголовном судопроизводстве, является известный юрист А.Ф. Кони. В своих трудах ученый обращал пристальное внимание именно на моральный облик участников судопроизводства, подчеркивая, что их деятельность должна осуществляться, прежде всего, по законам совести, долга и чести и основываться на внутреннем убеждении [4, с. 6].

Российский государственный деятель Д.А. Ровинский также говорил о значимости для всего уголовного судопроизводства такой категории, как нравственность. «Опирайтесь на закон, но объясняйте его разумно... Домогайтесь одной награды – доброго имени общества, которое всегда отличит и оценит труд и способности...» – такие напутственные слова молодым судебным следователям произнес в своей речи Д.А. Ровинский [5, с. 152].

Действительно, представления о добре, зле, о должном и справедливом, о правильном или порицаемом плотно взаимосвязаны с деятельностью правоохранительных органов в России. По словам директора Федеральной службы исполнения наказаний А.А. Гостева, становление российского государства, обеспечение законности и правопорядка в стране невозможно без постановки вопросов нравственного воспитания, вопросов этики поведения любого руководителя, в том числе, сотрудника органов внутренних дел [2].

Очевидно, что при принятии любых процессуальных решений должностные лица руководствуются нравственными началами, которые выступают в качестве некоего постулата их профессиональной деятельности. Как утверждает Ш.Р. Магадов, воплощение нравственных ориентиров происходит через полномочия и обязательства, целью которых является защита прав и свобод человека. Таким образом, можно сказать, что нравственность – это фундаментальная гуманитарная ценность, закрепляемая в конституции в системе других ценностей, являющихся объектом конституционной защиты и одновременно ограничителем поведения, запрещенного нормами конституционного права [6, с. 10].

Сфера экономики, в частности экономической деятельности, на протяжении длительного времени является одной из самых привлекательных для совершения различных противоправных деяний. Соблюдение баланса между назначением уголовного судопроизводства и защитой добросовестных предпринимателей от незаконного и необоснованного уголовного преследования – важная задача всего уголовного процесса, особенно на первоначальном этапе.

Проверка сообщения о преступлении является ключевым звеном стадии возбуждения уголовного дела. Как правило, информация о преступлении чаще всего поступает от граждан. В этой связи должностным лицам при приеме и регистрации сообщения о преступлении необходимо соблюдать не только требования законодательства, но и этические правила поведения при работе с заявителями. По данному поводу Г.Ф. Горский пишет, что «...в отношении каждого человека лица, осуществляющие производство по делу, обязаны быть максимально выдержанными, тактичными, хладнокровными и целеустремленными в осуществлении задач и целей судопроизводства. И как бы при этом не велико было эмоциональное и умственное напряжение, как бы ни тяжело было сдерживать гнев к убийце, насильнику, грабителю, срыв недопустим так же, как недопустимы угрозы, грубость, обман, ложь, какими бы соображениями и причинами они не объяснялись» [3, с. 49].

Вполне естественно, что для должностного лица, принимающего заявление с сообщением о преступлении, большое значение приобретают вопросы внутренней и внешней культуры. Сотрудник органов внутренних дел, выступая участником уголовного судопроизводства, должен уметь владеть своими чувствами – обладать выдержкой, уравновешенностью и корректностью, поддерживая моральный облик в сфере общения. «Эмоции не должны захлестывать здравый смысл, возобладать над рассудком, способствовать возникновению и проявлениям предубежденности, необъективности», – так в своей работе утверждает В.В. Леоненко [7, с. 50].

Де-факто вся профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел связана с постоянным общением с людьми, причастными к преступлению. Нередко граждане в таких ситуациях испытывают стресс, который сказывается на нежелании установить истину по делу [8, с. 155]. При этом особенностью проверки сообщения о преступлении в сфере экономической деятельности является длительный срок принятия процессуального решения по материалам проверки поступившего заявления. Учитывая, что всё это может негативно сказываться на сознании граждан, должностному лицу, проводящему проверку сообщения

о преступлении, необходимо умело и тактично разъяснять объективные причины продления процессуальных сроков, обосновывать то или иное принятое решение и, в целом, обеспечить защиту гарантированных Конституцией Российской Федерации прав граждан. Ведь от того, насколько грамотно действует сотрудник с точки зрения морально-нравственных категорий, непосредственно зависит оценка эффективности работы всей правоохранительной системы. Об этом говорят и результаты проведенного в 2024 году Всероссийским центром изучения общественного мнения опроса о восприятии полиции в российском обществе. Согласно представленным сведениям, уровень доверия граждан к сотрудникам полиции своего региона преодолел отметку в 60%. Так, шесть из десяти респондентов ответили, что в той или иной степени доверяют сотрудникам полиции своего региона. При этом каждый пятый считает их порядочными и честными [1].

Все вышеизложенное подтверждает гипотезу о том, что нравственность является фундаментальной основой современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Закрепленные в положениях УПК РФ нравственные начала, защищая граждан и общество от различных форм злоупотреблений полномочиями со стороны должностных лиц, обеспечивают безопасность и стабильное развитие не только правовой системы, но и государства в целом. В реалиях настоящего времени нравственные основы при проверке сообщения о преступлении, в том числе в сфере экономической деятельности, приобретают особую значимость, так как на первый план выходит соблюдение гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека. Деятельность сотрудников органов внутренних дел неразрывно связана с межличностным общением, которое, несомненно, предъявляет повышенные требования к представителям данной профессии, а именно – знание общечеловеческих принципов морали и соблюдение их в своей деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-policeiskii-1> (дата обращения: 18.09.2025).
2. Выступление заместителя Министра МВД России генерал-полковника полиции А.А. Гостева в ГУ МВД России по г. Москве на семинаре-практикуме по теме «Этика сотрудника полиции в современных условиях» [Электронный ресурс]. – URL: <http://petrovka-38.com/> (дата обращения: 10.09.2025).
3. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Кокорев Д.П. Судебная этика. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1973. – 271 с.
4. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные работы. – Москва: Юрайт, 2025. – 152 с.
5. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы: (к пятидесятилетию судебных уставов): 1864-20 ноября 1914. – Москва: И.Д. Сытин, 1914. – 296 с.
6. Магадов Ш.Р. Нравственность как конституционная ценность Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 24 с.
7. Леоненко В.В. Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства. – Киев: Наук. думка, 1981. – 163 с.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Зубкова И.А.,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье исследуется генезис принципа презумпции невиновности в системе административного законодательства России. Проанализированы ключевые этапы становления данного принципа: от отсутствия законодательного закрепления в дореволюционный период через противоречивое развитие в советскую эпоху до полноценного конституционного признания в современной России. Особое внимание уделено специфике применения презумпции невиновности в сфере административной ответственности и ее отличиям от уголовно-процессуального регулирования.

Ключевые слова: презумпция невиновности; административное законодательство; административная ответственность; КоАП РФ, история права; правовые принципы

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE PRESUMPTION OF INNOCENCE IN ADMINISTRATIVE LEGISLATION OF RUSSIAN

Zubkova I.A.,

Postgraduate

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article explores the genesis of the principle of the presumption of innocence within the system of administrative legislation in Russia. It analyzes the key stages of the formation of this principle: from the absence of legislative consolidation in the pre-revolutionary period, through its contradictory development during the Soviet era, to its full constitutional recognition in modern Russia. Special attention is given to the specifics of applying the presumption of innocence in the field of administrative liability and to its distinctions from criminal procedural regulation.

Keywords: presumption of innocence; administrative legislation; administrative liability; the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (CAO RF), history of law; legal principles

Презумпция невиновности представляет собой один из фундаментальных принципов правового государства, утверждающий, что лицо считается невиновным до тех пор, пока вина не будет доказана в установленном порядке [1]. В административном праве России этот принцип прошел длительный путь становления, отражающий эволюцию представлений о правах личности и пределах государственного принуждения.

Формирование презумпции невиновности как правовой категории берет начало в римском праве, когда существовала презумпция добропорядочности

(*praesumptio boni viri*), применявшаяся при разбирательстве имущественных споров. Эта презумпция в дальнейшем трансформировалась в уголовно-процессуальное правило *in dubio pro reo* (в случае сомнения – в пользу обвиняемого) [2].

Научное обоснование принципа презумпции невиновности было дано итальянским философом-просветителем Чезаре Беккариа в работе «О преступлениях и наказаниях» (1764). Беккариа утверждал, что пытка как способ получения доказательств недопустима, поскольку фактически является наказанием до официального признания вины. Его идеи оказали значительное влияние на правовую мысль всей Европы, «включая Россию» [4].

Законодательное закрепление презумпции невиновности впервые получила во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года, статья 9 которой провозгласила: «Каждый предполагается невиновным, пока не установлено обратное». Это событие ознаменовало переход принципа из сферы теоретических рассуждений в область действующего законодательства.

В законодательстве Российской империи принцип презумпции невиновности не получил прямого нормативного закрепления. Однако, отдельные его элементы можно усмотреть в различных правовых актах. Например, Устав воинский 1716 года допускал замену смертной казни на менее суровое наказание, если возможная невиновность подсудимого не исключалась.

Значительное влияние на развитие идеи презумпции невиновности в России оказала Екатерина II, которая, проникнувшись идеями Беккариа, предприняла попытку законодательно закрепить данный принцип [1]. Однако эта попытка внедрить передовые западные идеи не увенчалась успехом из-за неготовности общества и правовой системы к таким изменениям.

Судебная реформа 1864 года и принятие Устава уголовного судопроизводства создали условия для частичного признания «презумпции невиновности» [5, с. 59]. Статья 1 Устава уголовного судопроизводства гласила: «Никто не может быть наказан за преступление или проступки, подлежащие судебному преследованию иначе, как по приговору надлежащего суда, вошедшему в законную силу». Однако полного закрепления гарантий презумпции невиновности в Уставе не произошло, что исследователи объясняют неготовностью законодателя и правоприменительной системы принять этот принцип во всей его полноте.

Что касается административной ответственности, то в дореволюционной России она не выделялась в самостоятельный вид юридической ответственности. Административные наказания применялись в упрощенном порядке органами полиции и местной администрации без судебного контроля, что исключало применение презумпции невиновности в современном ее «понимании» [6].

После революции 1917 года существовавшая система российского судопроизводства была уничтожена. Отношение к презумпции невиновности среди многих советских юристов приобрело негативный характер. Активно против презумпции невиновности выступали С.А. Голунский, Т.В. Малькевич, К.А. Мокичев и другие. Их доводы сводились к следующему: презумпция невиновности недопустима, так как процесс не должен возбуждаться, если нет уверенности в виновности; она противоречит статистическим данным; является продуктом буржуазной идеологии.

Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 23 июня 1921 года «О порядке наложения административных взысканий» положил начало формированию административной ответственности как самостоятельного института. Однако о презумпции невиновности речи не шло – административные органы самостоятельно устанавливали факты нарушений и налагали взыскания в упрощенном порядке.

Важным этапом стало появление научных работ М.С. Строговича, который в 1946 году писал: «В советском уголовном процессе презумпция невиновности является одним из руководящих процессуальных принципов». Его идеи нашли поддержку среди советских ученых, что способствовало постепенному изменению отношения к «данному принципу» [7, с. 59].

Конституция СССР 1977 года в статье 160 закрепила положение: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом». Хотя это не было полной формулировкой презумпции невиновности, оно заложило ее конституционные основы.

Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судопроизводстве 1989 года в истории советского права закрепили презумпцию невиновности в статусе принципа. Статья 14 гласила: «Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

Что касается административного законодательства КоАП РСФСР 1984 года, он не содержал прямого упоминания о презумпции невиновности [3]. Однако в нем были заложены элементы принципа виновной ответственности, что создавало предпосылки для последующего признания презумпции невиновности в административном праве.

Конституция Российской Федерации 1993 года в статье 49 закрепила презумпцию невиновности на конституционном уровне [3]. Часть 1 статьи 49 гласит: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Часть 2 устанавливает: «Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность», а часть 3 определяет: «Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого». Хотя формулировка статьи 49 Конституции Российской Федерации относится к уголовному преследованию, правовая доктрина и судебная практика признают универсальный характер презумпции невиновности, распространяющийся на все виды публично-правовой ответственности [3]. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях 2001 года стал первым российским кодифицированным актом в сфере административной ответственности, прямо закрепившим принцип презумпции невиновности. Статья 1.5 КоАП РФ «Презумпция невиновности» устанавливает [1]:

1. Лицо подлежит административной ответственности только за те правонарушения, в отношении которых установлена его вина.

2. Лицо считается невиновным, пока его вина не будет доказана в установленном порядке и установлена вступившим в законную силу постановлением.

3. Лицо, привлекаемое к ответственности, не обязано доказывать свою невиновность (с исключениями).

4. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в его пользу.

Закрепление презумпции невиновности в КоАП РФ 2001 года стало либерально-прогрессивной новацией, направленной на противодействие произволу должностных лиц. Впервые в истории российского административного законодательства не только понятие презумпции невиновности, но и ее правовые следствия получили нормативное закрепление.

Вместе с тем в статью 1.5 КоАП РФ внесено примечание, предусматривающее исключения из принципа презумпции невиновности. Положение части 3 статьи 1.5 не распространяется на правонарушения, зафиксированные работающими в автоматическом режиме техническими средствами. В таких случаях собственник (владелец) транспортного средства обязан сам доказывать свою невиновность. Это исключение вызывает дискуссии в научном сообществе и среди практикующих юристов о допустимости ограничения конституционного принципа.

Таким образом, историческое развитие презумпции невиновности в административном законодательстве России отражает общую эволюцию правовой системы от авторитарных методов управления к правовому государству. Путь от полного отсутствия данного принципа в дореволюционном праве через его отрицание в раннесоветский период и постепенное признание в поздний советский период к конституционному закреплению в современной России демонстрирует сложный и противоречивый характер правового развития.

Закрепление презумпции невиновности в КоАП РФ 2001 года стало важнейшим достижением российского административного законодательства, обеспечивающим защиту прав личности при привлечении к административной ответственности. Однако существование исключений из этого принципа требует дальнейшего научного осмысления и возможного совершенствования законодательства в целях полного соответствия конституционным гарантиям.

Изучение исторического опыта позволяет сделать вывод о том, что презумпция невиновности – это не только юридический принцип, но и показатель уровня правовой культуры общества, степени уважения государства к правам и свободам человека. Дальнейшее развитие административного законодательства должно идти по пути укрепления гарантий презумпции невиновности и устранения необоснованных ограничений ее действия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

2. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. – Москва: Юридическая литература, 1991.

3. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях от 20.06.1984 (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. – 1984. – № 27. – Ст. 909.

4. Гюлумян В.Г. Административная ответственность в ретроспективе и в контексте развития // Lex russica. – 2017. – № 5 (126). – С. 83–104.

5. Василевич С.Г. Вина и презумпция невиновности в административно-деликтном праве // Право.by. – 2017. – № 5. – С. 58–64.

6. Шишкина О.Е. Административная ответственность в России: история возникновения и социальные основания (1835–1892 гг.) // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 3 (171). – С. 167–171.

7. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. – Москва: Наука, 1968. – 470 с.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОПАГАНДУ ОТКАЗА ОТ ДЕТОРОЖДЕНИЯ: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Каменев М.А.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в настоящее время в Российской Федерации наблюдается сложная демографическая ситуация, вызванная дисбалансом половозрастной структуры населения, резким снижением рождаемости и увеличением уровня смертности населения. Одновременно с этим в российском обществе наблюдается рост популярности движения «чайлдфри», получившего особое распространение в западной культуре и пропагандирующего отказ от деторождения. В контексте защиты традиционных ценностей и демографических вызовов, движение «чайлдфри» воспринимается как чуждое и потенциально опасное для российского общества и государства. В настоящей статье мы проведем детальный анализ сущности движения «чайлдфри», рассмотрим причины его запрета в Российской Федерации, а также проанализируем содержание и состав административного правонарушения, предусматривающий административную ответственность за отказ от деторождения.

Ключевые слова: отказ от деторождения; административная ответственность; административное правонарушение; пропаганда традиционных ценностей

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR THE PROMOTION OF NON-PROCREATION: A COMPREHENSIVE ANALYSIS IN THE CONTEXT OF THE PROTECTION OF TRADITIONAL VALUES

Kamenev M.A.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: currently, the Russian Federation is experiencing a difficult demographic situation caused by an imbalance in the sex and age structure of the population, a sharp decrease in the birth rate and an increase in the death rate. At the same time, there is a growing popularity of the Childfree movement in Russian society, which has become particularly widespread in Western culture and promotes the rejection of childbearing. In the context of defending traditional values and demographic challenges, the Childfree movement is perceived as alien and potentially dangerous to Russian society and the state. In this article, we will conduct a detailed analysis of the essence of the childfree movement, consider the reasons for its ban in the Russian Federation, and analyze the content and composition of the administrative offense, which provides for administrative liability for refusal to procreate.

Keywords: refusal to procreate; administrative responsibility; administrative offenses; propaganda of traditional values

XXI век ознаменован интенсивными процессами глобализации, которые приводят к сближению различных по культурным, религиозным и идеологическим ценностям обществ. В условиях массовой информатизации и компьютеризации происходит интеграция культур, что способствует формированию гибридных культурных образований. Эти процессы характеризуются сложными взаимодействиями между национальными и глобальными элементами, что приводит к созданию новых культурных форм и структур.

Российская Федерация демонстрирует высокую степень ассимиляции западных ценностных ориентиров, праздников и идеологических концепций в своей духовной и культурной парадигме, что в последние годы подвергается критическому анализу и вызывает обоснованные вопросы и обеспокоенность среди представителей различных социальных и политических групп. Опираясь на успешный опыт сохранения культурной и идеологической идентичности Советского Союза, который функционировал в условиях относительной изоляции от глобального социокультурного пространства, при этом достиг значительных успехов в научных и технологических областях, многие современные российские политики и государственные деятели подчеркивают необходимость сохранения и защиты традиционных российских ценностей.

С точки зрения ведущих представителей российской культуры, науки и государственной сферы, некоторые западные идеологические концепции представляют серьезную угрозу для Российской Федерации, находящейся в сложном историческом периоде своего развития. В частности, движение «чайлдфри», позиционирующее себя как радикальная форма индивидуализма и анти-

традиционализма, рассматривается как один из наиболее опасных идеологических вызовов для российского общества.

Концепция чайлдфри (от англ. *child free* – «свободный от детей»), зародившаяся в странах Запада на волне феминистских движений и процессов эмансипации во второй половине XX века, представляет собой идеологию добровольного отказа от деторождения. Данная парадигма активно внедряется в когнитивные структуры отдельных представителей российского общества, продвигая идеи гедонистического образа жизни, где приоритет отдается личным удовольствиям и отсутствию биологических и социальных императивов к деторождению. Приверженцы чайлдфри постулируют осознанный, полный и перманентный отказ от репродуктивных функций.

Анализ данной концепции позволяет выявить сформированную потребительскую модель восприятия жизни и своего места в социуме, которая, на наш взгляд, носит деструктивный характер и может иметь фатальные последствия для индивида, государства и общества в целом. Распространение идеологии «чайлдфри» в Российской Федерации вызывает ряд вопросов относительно ее спонтанности и автономности формирования, а также о возможной заинтересованности в этом явлении со стороны западных стран, учитывая сложную демографическую ситуацию в России.

В условиях активного распространения идеологии «чайлдфри» и её популяризации среди известных личностей, а также в свете продолжающегося ухудшения демографической ситуации в Российской Федерации, возникла необходимость принятия мер по противодействию этой идеологии, которая противоречит традиционным российским ценностям и наносит ущерб государству и обществу. Так, в 2024 году в часть 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) были внесены существенные изменения, в частности установление административной ответственности за пропаганду отказа от деторождения, что является важным шагом в защите национальных интересов и поддержании демографической стабильности.

Введение нового правового статуса для активно распространявшейся идеологии и последующее установление жестких ограничений на пропаганду присущих ей взглядов вызвало поляризацию общественного мнения. Особенно острая реакция наблюдалась среди приверженцев теперь уже запрещенного движения, которые идентифицировали себя как чайлдфри. Многие из них усматривали в новых ограничениях вопиющее нарушение фундаментальных прав человека и выразили решительное несогласие с этими мерами. Однако несмотря на протесты и попытки аннулировать введенные изменения, они сохранили свою юридическую силу.

Сущность административного правонарушения, предусмотренного данными изменениями, вызывает ряд существенных вопросов, связанных с его правовой квалификацией и спецификой привлечения к административной ответственности. В рамках настоящего исследования представляется целесообразным рассмотреть данные вопросы более детально, с целью формирования комплексного понимания правового контекста и механизмов реализации новых законодательных инициатив.

Исходя из диспозиции части 1 статьи 6.21 КоАП РФ, данным административным правонарушением признается «пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола либо отказа от деторождения, выразившаяся в распространении информации и (или) совершении публичных действий, направленных на формирование нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола либо отказа от деторождения или искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений либо социальной равноценности рождения детей и отказа от деторождения, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях и (или) предпочтениях, смене пола либо об отказе от деторождения, вызывающей интерес к таким отношениям и (или) предпочтениям, смене пола либо отказу от деторождения» [1]. Для более подробного понимания сущности административного правонарушения определим его состав.

Объектом нового административного правонарушения выступают традиционные для Российской Федерации семейные ценности, воплощенные в убеждении о недостаточной полноте семьи без детей, а также правоотношения, возникающие между членами семейного союза. В условиях демографического кризиса, наблюдаемого в Российской Федерации, значимость данных правоотношений, подлежащих законодательной защите, представляется чрезвычайно высокой.

Объективная сторона правонарушения представляет собой совокупность активных действий, направленных на популяризацию идеи отказа от деторождения и формирование привлекательности идеологии «чайлдфри». Эти действия могут включать в себя различные формы продвижения взглядов данного движения, такие как информационные кампании, публичные выступления, а также использование средств массовой информации и телекоммуникационных сетей, включая Интернет.

Особое внимание следует уделить тому факту, что использование Интернет-ресурсов для распространения указанных идей может значительно усугубить тяжесть административного правонарушения. Это обусловлено высокой степенью охвата потенциальной аудитории, что, в свою очередь, способствует более широкому распространению деструктивных установок в обществе.

Субъектом административного правонарушения могут выступать физические и юридические лица, причем вне зависимости от наличия у них гражданства Российской Федерации или организационно-правовой формы, что обуславливает достаточно широкий перечень потенциальных субъектов.

Субъективная сторона административного правонарушения характеризуется прямым умыслом, выраженным в осознании виновным лицом противоправности и общественной вредности совершаемых им действий, осознании возможности наступления негативных последствий и желании их наступления.

На основе раскрытого нами состава нового административного правонарушения нам видится достаточно значительное количество возможных действий, которые можно расценивать в качестве пропаганды. При этом Спикер Го-

сударственной Думы Вячеслав Володин отметил, что «пропагандой является распространение идеологии отказа от деторождения, под закон не подпадает решение женщины отказаться от рождения ребенка» [3, с. 2]. Говоря об особенностях привлечения к административной ответственности за совершение данного правонарушения, следует отметить, что усматривать признаки противоправного деяния могут во многих публичных записях в социальных сетях людей или публичных высказываниях, так или иначе поднимающих идеи бездетности, что вызывает определенную сложность у правоприменителей.

Как предположил в беседе с РБК адвокат В. Губко, пропаганду чайлдфри потенциально могут усмотреть «в любом посте женщины старше 25 лет, хоть раз упомянувшей отсутствие у нее детей в позитивном контексте, и в особенности в случае упоминания ею отсутствия намерения их заводить» [3, с. 2]. Такого же мнения придерживаются и многие другие юристы: «Любое упоминание бездетности в публичном поле (будь то социальные сети, публичные мероприятия, семинары) вне негативного контекста может повлечь за собой привлечение к административной ответственности» [3, с. 2]. Ввиду этого нам видится необходимость более детальной законодательной проработки введенной нормы, а также определение перечня возможных действий, подпадающих под определение «пропаганда», что существенно облегчит работу правоприменителей, привлечение к административной ответственности и снизит общее количество апелляционных и кассационных жалоб.

Таким образом, в условиях современного демографического кризиса в Российской Федерации движение «чайлдфри» вызывает обеспокоенность у государственных и общественных деятелей, которые считают его потенциально опасным и вредным для устойчивого развития страны. В свете этих вызовов были внесены изменения в статью 6.21 КоАП РФ, направленные на введение административной ответственности за пропаганду идей «чайлдфри», а также за популяризацию отказа от деторождения.

Всесторонний анализ состава данного административного правонарушения позволил выявить ключевые аспекты и предложить меры по повышению эффективности привлечения к ответственности за его совершение. В частности, подчеркивается значимость оптимизации правоприменительных механизмов и повышения уровня правовой осведомленности населения о юридических последствиях пропаганды антидетородных инициатив.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Госдума приняла закон о запрете пропаганды чайлдфри [Электронный ресурс]. – URL: сетевое изд. URL: <https://www.interfax.ru/russia/991276> (дата обращения: 01.12.2025).

3. Зинкин М. Риски для блогеров и рекламщиков увидели в законе о чайлдфри [Электронный ресурс]. – URL: <https://360.ru/news/obschestvo/riski-dlja-blogerov-i-reklamschikov-uvideli-v-zakone-o-chajldfri/> (дата обращения: 02.12.2025).

4. Шилов Ю.В. Противодействие идеологии чайлдфри посредством установления административной ответственности // Флагман науки. – 2024. – № 11 (22). – С. 554–556.

5. Юристы прокомментировали законопроект Госдумы о запрете пропаганды чайлдфри в России [Электронный ресурс]. – URL: <https://newkuban.ru/news/260975517/> (дата обращения: 02.12.2025).

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Киреев М.Н.,

доктор философских наук, доцент;

Коренева Е.Н.,

кандидат педагогических наук

(Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Аннотация: авторы статьи отражают взаимодействие и взаимовлияние духовно-нравственных компонентов культуры и права с позиции аксиологического подхода, выявляют факторы, влияющие на формирование правовой культуры, рассматривают духовно-нравственные ценности как важнейшую составляющую правовой культуры. Тема является дискуссионной и может быть основанием формирования устойчивой национальной политики государства в целях противодействия экзистенциальным угрозам западных стран.

Ключевые слова: нравственность; ценности; правовая культура; взаимовлияние; общество

SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE AXIOLOGICAL COMPONENT OF LEGAL CULTURE

Kireev M.N.,

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor;

Koreneva E.N.,

Candidate of Pedagogical Sciences

(Belgorod state University of Arts and Culture))

Abstract: the authors of the article reflect on the interaction and mutual influence of the spiritual and moral components of culture and law from the perspective of the axiological approach, identify the factors that influence the formation of legal

values, and consider spiritual and moral values as an essential component of legal culture. This topic is controversial and can serve as a basis for the formation of sustainable national policies aimed at countering the existential threats posed by Western countries.

Keywords: morality; values; legal culture; mutual influence; society

На первый взгляд кажется, что духовно-нравственные ценности и аксиологические составляющие правовой культуры являются достаточно самостоятельными феноменами и приемлемы в конкретном направлении жизнедеятельности общества. Однако многие ученые-исследователи придерживаются мнения об «общезначимом характере ценностей для социальной общности, в том числе ценностей нравственного характера» [2; 3], которые оказывают существенное влияние на правовую культуру, а «профессия права имеет дело с ценностями» [4].

В чем же заключается общее, единичное и особенное этих понятий? Каково их взаимодействие и взаимовлияние? На эти вопросы мы попытаемся ответить в данной статье.

Существуют несколько, иногда противоречивых, точек зрения и подходов к исследованию аксиологических составляющих этих феноменов.

Во-первых, ряд исследователей утверждают, что именно право оказывает влияние на духовно-нравственные ценности общества и является инструментом их формирования в обществе. Правовые акты утверждают определенные нормы жизни и деятельности человека, что обеспечивает благополучие и порядок в обществе. В этом случае гражданин, следуя правовым нормам, принимает и присваивает правовые установки, которые становятся нормой в повседневной жизнедеятельности, что проявляется в правовой культуре общества, его ценностных установках, в том числе и духовно-нравственных.

Вторая точка зрения заключается в том, что вне духовно-нравственных ценностей не может существовать ни одно направление культуры, в том числе и правовая культура. Эта позиция стала объектом исследования целого ряда ученых, авторов статей и монографий.

По их мнению, человек является не только исполнителем правовых норм, но и их автором, поэтому от его духовно-нравственных ценностей зависит содержание нормативно-правовых актов, соответствующих времени. Обладая духовно-нравственными ценностями, общество может быть и творцом правовой культуры, и ее носителем. Духовно-нравственные ценности формируются всем укладом жизни человека, определяя его место в современном обществе, неотъемлемой частью которого является правовая культура. Отсюда следует, что только те граждане, у которых в целом сформированы духовно-нравственные ценности, могут активно влиять на развитие правовой культуры.

На наш взгляд, оба варианта являются поверхностным суждением, вырванным из общего контекста, хотя и обладают рациональным зерном.

Объектом нашего исследования становится третья трактовка обсуждаемого феномена, по сути которой происходит взаимовлияние духовно-нравственных и правовых ценностей современного общества. Этот симбиоз яв-

ляется связующим звеном в системе гражданского общества на основе ценностных правовых установок, где право есть «самостоятельная форма духовного освоения действительности» [6].

Интегративные процессы духовно-нравственных ценностей и ценностей правовой культуры являются одним из важнейших условий «для устойчивого развития государства и гармоничного сосуществования различных социальных групп» [1].

Для выявления сущностной основы роли духовно-нравственных ценностей в аксиологической составляющей правовой культуры необходимо проанализировать их сущностные основы.

«Адекватным подходом к аксиологической экспертизе правовой культуры на данном этапе мы считаем отношение к правовым культурам как плюрализм ценностей общезначимого характера» [2, с. 52], к которым относятся и духовно-нравственные ценности. В качестве аксиологических структурных компонентов правовой культуры принято считать справедливость, свободу, равенство, которые мы рассматриваем и как нравственные ценности. Это позволяет подтвердить вывод о том, что правовая культура является симбиозом широкого ряда значимых ценностных компонентов в правовом пространстве современного общества, в том числе и духовно-нравственных ценностей.

В контексте правовой культуры, духовно-нравственная компонента есть «представление об общественной морали, о том, как человек должен поступать в конкретных ситуациях, исходя из общественных интересов. Нравственно то, что справедливо» [5]. Это утверждение располагает к рассмотрению аксиологической составляющей правовой культуры в качестве одного из вариантов духовных ценностей.

Приведенный анализ свидетельствует не только о взаимной обусловленности ценностных аспектов нравственности и права, но и об их неразрывной связи и взаимообусловленности. Примером могут служить положения из Конституции Российской Федерации (о защите нравственности), уголовных законодательных актов (об охране норм морали и нравственности). В праве отражаются морально-нравственные проблемы семьи и детства, сохранения культурного наследия и т.д.

«Именно в моменте общезначимости и обязательности совершается концептуальная сцепка права, универсалистской морали и духовно-нравственных ценностей» [2, с. 50]. Отсутствие такой сцепки неизбежно отрицательно сказывается на содержании аксиологической составляющей правовой культуры, что характерно для современной Западной Европы.

Мы исходим из того, что структура взаимодействия и взаимовлияния нравственности и права существует как неотъемлемая часть аксиологических процессов. Отсюда, происходит искажение духовно-нравственных ценностей в большинстве западных стран (а точнее представление их в извращенной форме), которое влечет за собой соответствующую деформацию права и правовой культуры. Содержание аксиологических компонентов правовой культуры, как и нравственных ценностей Запада, скорее можно назвать «анти-ценностями», которые связаны друг с другом тем же самым взаимовлиянием.

Духовная нищета и безнравственность стали нормой в западноевропейском обществе, которая юридически узаконила однополые браки, право на проведение массовых мероприятий и демонстраций представителей ЛГБТ и их участие в государственном управлении, право детей и подростков на смену пола и многие другие, далекие от духовности и нравственности явления действительности. И все это подается как *свобода* в трактовке господствующей европейской идеологии. Мы понимаем это как свободу от совести, от чести, от сохранения семейных устоев, традиций своего народа, от гражданской ответственности, от культуры в общепринятом ее понимании.

Это происходит в том случае, если распушенность общества поддерживается властью, что неизбежно влечет за собой безнравственность всей правовой системы этой страны. В этом случае совершенно справедливо утверждение, что «попытки «отлучения» права от морали вызваны стремлением утвердить безраздельный авторитет государства» [6], которое насаждает обществу далекие от нравственного понимания ценности, нормы и правила жизнедеятельности.

Мы становимся свидетелями того, что искажение или отрицание сущностной основы морали и нравственности в праве неизбежно деформирует не только все составляющие правовой системы, не только делает ее недееспособной, но и неизбежно влияет на общественное развитие в целом.

Духовно-нравственные ценности в тесной связке с ценностями права являются регуляторами жизнедеятельности человека как гражданина своей страны, соблюдающего моральные нормы и гражданскую ответственность. Нравственность и духовность выполняют целый ряд функций в правоприменительной практике: от выявления причинно-следственных связей до оценки правомерности действий [7].

Содержание настоящей статьи позволяет сделать следующие выводы. Нравственность обогащает правовую культуру, которая становится на защиту и укрепление российского общества. Безнравственность, в свою очередь, порождает безответственность, а безответственность дает зеленый свет безнравственным поступкам.

Взаимосвязь и взаимообусловленность нравственности и права являются необходимой реальностью в социокультурном пространстве общества.

Аксиологическое содержание компонентов нравственности и права зависят от культурного кода того или иного общества и господствующей в стране идеологии.

В современной России проводится системная работа как по повышению уровня духовно-нравственного воспитания общества в контексте культурного кода российского народа, так и по укреплению нравственно-этической и моральной составляющих современного права и правовой культуры в целом во благо всего общества и каждого отдельного гражданина нашей страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волкова Л.П. Аксиологические и духовно-нравственные ценности в механизме воздействия правовой идеологии и правовой культуры на правоприменительную политику // журнал Правовая культура. – 2017. – № 4 (31). – С. 7–14.
2. Киреев М.Н. Аксиология и воспитательный потенциал отечественной правовой культуры: компаративный анализ: автореферат дис. ... д-ра филос. наук. – Белгород, 2019. – 44 с.
3. Котляров И.В. Культурный код: к новой системе ценностей (социально-философские тренды) // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 143–150.
4. Нильс К. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к ГУЛАГу западного образца. – Москва, 2001. – 190 с.
5. Нравственность как аксиологический аспект права [Электронный ресурс]. – URL: <https://adygeya-orthodoxia.ru/publikaczii/ieromonax-daniil-chadaev1/nravstvennost-kak-aksiologicheskij-aspekt-prava.html> (дата обращения: 11.10.2025).
6. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dissercat.com/nravstvennyye-osnovaniya-sovremennogo-rossiiskogo-prava?ysclid=mh1wf37eut282581513> (дата обращения 11.10.2025).
7. Правовое воспитание сотрудников органов внутренних дел / А.Н. Александров, К.В. Буняева, В.В. Васильев [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. – 165 с.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОЦЕНКА РИСКОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ковган Е.Ю.

(Ростовский юридический институт МВД России)

Аннотация: в статье рассматривается значение традиционных духовно-нравственных ценностей как ключевого фактора национальной безопасности Российской Федерации. Анализируются внешние и внутренние риски, угрожающие их сохранению, а также правовые и культурно-образовательные механизмы укрепления ценностной идентичности общества в условиях глобализации и трансформации духовного пространства.

Ключевые слова: традиционные ценности; национальная безопасность; духовно-нравственные основы; правовая культура; идентичность

TRADITIONAL VALUES IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY: ASSESSMENT OF RISKS AND PROSPECTS FOR THEIR PRESERVATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kovgan E.Yu.

(Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: the article examines the significance of traditional spiritual and moral values as a key factor in the national security of the Russian Federation. It analyzes the external and internal risks that threaten their preservation, as well as the legal, cultural, and educational mechanisms for strengthening the value identity of society in the context of globalization and the transformation of the spiritual space.

Keywords: traditional values; national security; spiritual and moral foundations; legal culture; and identity

В условиях усиливающейся глобализации и трансформации культурных кодов понятие традиционных духовно-нравственных ценностей приобретает особое значение в системе национальной безопасности Российской Федерации. В стратегических документах подчеркивается, что именно традиционные ценности являются нравственным стержнем государства, обеспечивающим его историческую преемственность и устойчивость к внешним идеологическим воздействиям. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400) подчеркивается необходимость «защиты российского общества от разрушительного воздействия идеологий и социальных практик, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям, культуре и исторической памяти народа России» [1].

Традиционные ценности в российском правовом и социально-философском контексте выступают как исторически сложившаяся система норм и представлений, определяющих моральную основу поведения личности и общества. Как отмечает О.Н. Хужина, они «образуют нравственную матрицу права, выражая соотношение духовных, культурных и правовых регуляторов общественных отношений» [2, с. 40]. Таким образом, правовые нормы, основанные на традиционных ценностях, обеспечивают не только регулирование общественных отношений, но и их ценностную ориентацию, способствуя гармонизации интересов личности, общества и государства.

В «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809, к числу базовых ценностей отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, служение Отечеству, сильная семья, приоритет духовного над материальным, справедливость, милосердие, взаимопомощь, историческая память и преемственность поколений [3]. Подобная нормативная фиксация подчеркивает, что традиционные ценности рассматриваются не просто как элемент культурного наследия, но и как системообразующий фактор национальной идентичности.

Следовательно, традиционные ценности становятся неотъемлемым элементом духовной безопасности, обеспечивающей защиту общества от разрушительных тенденций глобального культурного пространства. Как отмечает В.И. Винокуров, «духовная безопасность выступает не менее значимым компонентом национальной безопасности, чем военная или экономическая», поскольку «угроза утраты культурно-исторической идентичности может иметь последствия, сравнимые с последствиями внешней агрессии» [4, с. 520].

Однако феномен традиционных ценностей не является статичным. В условиях глобальных культурных обменов, цифровизации и активного развития транснациональных коммуникаций возникает проблема сохранения национальной идентичности и правового баланса между традицией и современными гуманистическими стандартами. Исследователи В.В. Котлярова, А.М. Руденко и П. Пономарев справедливо указывают, что «в эпоху глобализации именно традиционные ценности становятся ядром сопротивления культурной унификации и фактором национальной безопасности» [5, с. 95].

Несмотря на признание традиционных ценностей важнейшим элементом национальной идентичности, современная Россия сталкивается с рядом рисков, способных существенно ослабить духовно-нравственные основы общества. Эти риски имеют как внешнюю, так и внутреннюю природу. Среди внешних угроз наибольшее значение имеют процессы глобализации, усиливающие культурно-информационное давление на национальные сообщества. Под влиянием транснациональных коммуникаций, глобальных медиа и массовой культуры формируется универсалистская модель поведения, основанная на идеях потребительского общества, индивидуализма и относительности моральных норм.

Дополнительным внешним вызовом является давление международных правовых норм и институтов, особенно в части интерпретации прав человека и недискриминации. Внутренние риски, напротив, носят преимущественно социально-демографический и институциональный характер.

Существенным фактором выступает снижение роли семьи как первичного института социализации, процессов секуляризации и нарастающей ценностной неоднородности общества, а также отсутствие нормативной определенности понятия «традиционные духовно-нравственные ценности».

К внутренним рискам относится также опасность идеологизации и инструментализации традиционных ценностей. Когда они начинают использоваться как средство политической мобилизации или легитимации власти, утрачивается их подлинный нравственный смысл. Кроме того, влияние цифровой среды создает новый тип рисков: Интернет, социальные сети и цифровые платформы становятся пространством конкуренции идеологий и культурных нарративов.

Перспективы сохранения традиционных ценностей в Российской Федерации напрямую связаны с развитием правовых, институциональных и культурно-образовательных механизмов, способных обеспечить их естественное воспроизводство и адаптацию к современным условиям. Прежде всего требуется совершенствование правовой базы и формирование баланса между юридическими и культурными принципами. Важное значение имеют образовательные и культурные меры, интеграция ценностных ориентиров в систему воспитания и

медийное пространство. Необходимо также учитывать региональное и этноконфессиональное разнообразие страны, что позволит сохранить подлинное единство в духовно-нравственном многообразии России.

Подводя итог, можно отметить, что традиционные духовно-нравственные ценности представляют собой неотъемлемый компонент национальной безопасности Российской Федерации. Они обеспечивают устойчивость правопорядка, укрепляют культурную идентичность и служат духовным ориентиром для общества. В то же время сохранение этих ценностей требует учета рисков, связанных с глобализацией, секуляризацией и цифровой трансформацией. Государственная политика должна быть направлена на поддержание равновесия между правовыми механизмами защиты и естественным развитием духовной жизни общества.

Таким образом, только комплексный подход, основанный на взаимодействии права, культуры, образования и общественных институтов, способен обеспечить сохранение и укрепление традиционных ценностей как стратегического ресурса национальной безопасности Российской Федерации в XXI веке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
2. Хужина О.Н. Традиционные духовно-нравственные ценности в российском праве: постановка научной проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2023. – № 3 (63). – С. 39–43.
3. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7956.
4. Винокуров В.И. Защита традиционных ценностей и проблемы национальной безопасности // Дипломатическая служба. – 2021. – № 6. – С. 518–527.
5. Котлярова В. Традиционные ценности как фактор национальной безопасности в эпоху глобализации / В. Котлярова, А. Руденко, П. Пономарев // Центральная Азия и Кавказ. – 2017. – Т. 20, № 2. – С. 93–101.

РОЛЬ ПРАВОВЫХ СТРАТЕГИЙ В ЗАЩИТЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Козлова А.А.

(Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России)

Аннотация: статья посвящена вопросу о том, каким образом правовые стратегии влияют на защиту духовно-нравственных ценностей современного общества. При этом предметом анализа становятся, во-первых, стратегии, нацеленные на совершенствование существующего права и происходящих в правовой жизни общества процессов, во-вторых, стратегии, не нацеленные непосредственно на изменение права и правовых процессов, но содержащие юридически значимые положения директивного характера.

Ключевые слова: правовые стратегии; духовно-нравственные ценности; защита духовно-нравственных ценностей

THE ROLE OF LEGAL STRATEGIES IN PROTECTING THE SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF MODERN SOCIETY

Kozlova A.A.

(Kaliningrad branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article is devoted to the question of how legal strategies affect the protection of spiritual and moral values of modern society. At the same time, the subject of analysis is, firstly, strategies aimed at improving existing law and the processes taking place in the legal life of society, and secondly, strategies that do not directly aim at changing law and legal processes, but contain legally significant prescriptive provisions.

Keywords: legal strategies; spiritual and moral values; protection of spiritual and moral values

Когда защита духовно-нравственных ценностей приобретает в силу своей важности для общества значение функции не только права, но и государства, защита духовно-нравственных ценностей превращается из процесса, протекающего спонтанно, стихийно, обеспечиваемого прежде всего ресурсами самого общества, в процесс, в организации которого значимую роль наряду с юридическими начинают играть программно-директивные средства. Одним из важнейших средств в ряду названных являются стратегии.

Принципиальным представляется вопрос о роли правовых стратегий в защите духовно-нравственных ценностей современного общества. В юридической литературе правовым стратегиям, как правило, дается предельно узкое определение: под правовой стратегией чаще всего понимается недетализированный план деятельности (воздействия), осуществляемого с целью изменения существующего права и происходящих в правовой жизни процессов в соответ-

ствии с заранее сконструированной идеальной моделью, отражающей определенное состояние действующего права и правовой практики [1, с. 17].

Понимаемые таким образом правовые стратегии оказывают на защиту духовно-нравственных ценностей косвенное влияние, способствуя совершенствованию правотворческих, правоприменительных и иных правовых средств такой защиты.

Несмотря на то, что прямая зависимость между эффективностью таких стратегий и повышением уровня защищенности духовно-нравственных ценностей отсутствует, тем не менее недооценивать их важность нельзя. Конечно, было бы неверным рассчитывать на то, что посредством права и предоставляемого им инструментария можно решить любые социально значимые проблемы, в том числе такие, решение которых необходимо для обеспечения высокого уровня защищенности духовно-нравственных ценностей. Однако в современных условиях, когда человек оказывается вовлечен в круг бесконечных слабо предсказуемых изменений, к которым он не всегда успевает адаптироваться [2, с. 292], перманентно увеличивается значимость права, в том числе и в защите духовно-нравственных ценностей. В этой ситуации значимость совершенствования правовых средств на основе стратегического планирования также увеличивается.

Несмотря на то, что узкое понимание правовых стратегий в современной юридической науке превалирует, представляется, что их можно интерпретировать и более широко [3, с. 164–165]. Правовыми можно считать не только стратегии, нацеленные на изменение существующего права и правовых процессов, но и стратегии, содержание которых является юридически значимым, то есть оказывает влияние на право, правовую практику, правоотношения в силу того, что закрепляемым ими директивным положениям придается юридическая сила. В Российской Федерации формализация стратегий и придание им юридической силы осуществляются, как правило, посредством утверждения этих документов стратегического планирования нормативными правовыми актами подзаконного характера – указами Президента Российской Федерации и распоряжениями Правительства Российской Федерации.

Момент формализации и придания юридической силы имеет самостоятельную значимость в силу того, что сама по себе любая стратегия – это «явление в некотором роде абстрактное, не имеющее строгих форм» [4, с. 173]. Для того чтобы стратегия не просто была разработана, но и реализована, требуются учет большого числа внешних и внутренних факторов, координация усилий множества акторов, применение для достижения запланированных результатов всего спектра доступных государству средств, не только убеждения и поощрения, но и в необходимых случаях также принуждения. Успешнее всего решение перечисленных задач в современных условиях обеспечивается средствами права [5, с. 53].

Исходя из широкого понимания правовой стратегии, к числу правовых стратегий, значимых для защиты духовно-нравственных ценностей современного российского общества, можно, например, отнести Стратегию развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Она напрямую не нацелена на совершенствование правотворческих, правоприменительных и

иных правовых средств защиты духовно-нравственных ценностей современного общества, однако она утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-р, и тем самым ее положениям придана юридическая сила. Содержащиеся в ней положения являются основой изменения правоотношений в сфере воспитания, которое способствуют совершенствованию нормативной регламентации и складывающихся в названной сфере правоотношений таким образом, что их изменение оказывается значимым вкладом в дело сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей. В силу изложенных обстоятельств изучается стратегия может рассматриваться в качестве правовой.

Если исходить из широкого понимания правовых стратегий, то оказывается, что такие стратегии в современном обществе играют весьма значимую роль в защите духовно-нравственных ценностей.

Помимо упомянутой Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года сегодня важную роль в защите духовно-нравственных ценностей на практике играют следующие содержащие юридически значимые положения документы стратегического планирования:

- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400), включающая укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей в число национальных интересов Российской Федерации на современном этапе и определяющая в самом общем виде, посредством решения каких задач должна обеспечиваться защита традиционных для российского общества духовно-нравственных ценностей;

- Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124), которая относит к числу задач государственной политики в сфере противодействия экстремизму организацию основанного на традиционных российских духовно-нравственных ценностях информационного противодействия распространению экстремистской и иных деструктивных идеологий, а также определяет ряд направлений государственной политики, обеспечивающих реализацию названной задачи;

- Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 (утв. Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666, ред. от 15.01.2024). В данной стратегии размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей включается в число существующих в сфере межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений проблем, а сохранение и поддержка традиционных российских духовно-нравственных ценностей относятся к числу целей государственной национальной политики;

- Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203), возводящая в ранг основных принципов приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий. Положениями названной стратегии постули-

руется необходимость формирования безопасной информационной среды на основе популяризации информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Приведенный перечень можно продолжить. Вместе с тем, опираясь на анализ текста уже перечисленных документов стратегического планирования, можно сделать вывод о том, что они играют большую роль в защите духовно-нравственных ценностей, посредством них решаются чрезвычайно важные для российского общества задачи.

Постулируя свою неразрывную связь с системой российских духовно-нравственных ценностей, опираясь на такие ценности, правовые стратегии обеспечивают [6]:

- юридическую фиксацию самого факта безусловной значимости сохранения духовно-нравственных ценностей для защиты национальных интересов современного российского общества;

- сохранение духовно-культурного наследия и отечественных культурных традиций, их передачу будущим поколениям;

- поддержку общественных институтов, играющих важную роль в защите духовно-нравственных ценностей и патриотическом воспитании российских граждан;

- системный подход к решению задач, связанных с оптимизацией воспитательного процесса в системе образования;

- консолидацию нацеленных на защиту духовно-нравственных ценностей усилий государства и гражданского общества, эффективное взаимодействие негосударственных организаций и институтов публичной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях;

- условия для повышения ресурсного, организационного, методического, правового обеспечения процессов, значимых для сохранения духовно-нравственных ценностей, воспринимаемых в современном российском обществе в качестве традиционных.

Итак, в современных условиях правовые стратегии играют важную роль в защите духовно-нравственных ценностей. В Российской Федерации такие стратегии служат инструментами придания усилиям, направленным на защиту духовно-нравственных ценностей, юридически значимого характера, расширяют возможности использования в защите духовно-нравственных ценностей правовых средств. Кроме того, принятие и реализация названных стратегий способствует решению широкого круга значимых для российского общества задач, далеко выходящих за границы юридического поля.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Правкина И.Н. Правовые стратегии как источник развития современного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2016. – 30 с.

2. Лановая Г.М. Связь науки и практики в правоприменении: условное и безусловное // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2025. – Т. 31, № 3 (98). – С. 292–296.

3. Плотников И.Г. Правовые стратегии российских компаний в условиях международных санкций // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 5 (70). – С. 163–166.

4. Правкина И.Н. Правовые стратегии в праве современного государства // Правовые доктрины современности: монография. – Тамбов; Костанай: ТОО «New Line Media», 2018. С. 170–193.

5. Шаповал Н.А., Комнатная Ю.А. Правомерность как основа соответствия правовым ценностям и // Advances in Law Studies. – 2024. – Т. 12, № 4. – С. 51–55.

6. Правовое воспитание сотрудников органов внутренних дел / А.Н. Александров, К.В. Буняева, В.В. Васильев [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. – 165 с.

МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Корчагина К.А.,

кандидат юридических наук

(Ростовский юридический институт МВД России)

Аннотация: статья посвящена методологическим проблемам отечественного правоведения. Автор анализирует историко-философские основы и современные вызовы юридической науки. Рассматриваются методологический кризис, необходимость синтеза различных правовых подходов и роль философии права в развитии правовой науки. Оцениваются перспективы и задачи формирования новой методологической парадигмы в российском праве.

Ключевые слова: методология права; правоведение; историко-правовые традиции; философия права; юридическая наука

LEGAL METHODOLOGY IN RUSSIAN JURISPRUDENCE: CURRENT ISSUES

Korchagina K.A.,

Candidate of Law

(Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: the article is devoted to the methodological problems of domestic legal studies, analyzing the historical and philosophical foundations and modern challenges of legal science. The article examines the methodological crisis, the need for a synthesis of various legal approaches, and the role of legal philosophy in the devel-

opment of legal science. The article also assesses the prospects and challenges of forming a new methodological paradigm in Russian law.

Keywords: legal methodology; legal studies; historical and legal traditions; philosophy of law; legal science

Методология права традиционно рассматривается как теоретико-познавательный инструмент, позволяющий раскрыть сущность правовых явлений, определить закономерности их развития и выявить внутренние связи между правом, государством и обществом. Для отечественной юриспруденции методологическая проблематика всегда имела особое значение, поскольку именно от глубины методологического подхода зависит качество правотворчества, эффективность правоприменения и развитие правосознания.

Как справедливо отмечает С.С. Алексеев, методология права – это «не только совокупность методов, но и способ правового мышления, система принципов, категорий и ценностей, обеспечивающих целостность правового познания» [1, с. 18]. В этом смысле методологические проблемы отечественного правоведения не сводятся лишь к выбору научных методов – они затрагивают глубинные основания юридической науки, ее мировоззренческие и философские основы.

Современная российская юридическая мысль находится на этапе переосмысления своего методологического базиса. С одной стороны, усиливается влияние западных, преимущественно аналитических и социолого-правовых подходов; с другой – сохраняется традиция естественно-правовой и государственно-правовой школ, характерных для дореволюционного и советского периодов. Это создает методологический дуализм, отражающий не только научные противоречия, но и общие тенденции в развитии общественного сознания и правовой культуры.

Отечественная юриспруденция формировалась в контексте специфического соотношения права и государства, где государство рассматривалось как главный источник нормативного регулирования. Такая установка, восходящая к идеям Г.Ф. Шершеневича и Л.И. Петражицкого, определила доминирование позитивистской парадигмы в понимании права.

Советский период закрепил господство нормативистской методологии, основанной на марксистско-ленинской философии. Право рассматривалось как надстройка, производная от экономического базиса, а юридическая наука – как инструмент классовой политики. В этих условиях было утрачено представление о праве как о ценностном и культурном феномене. Однако, как справедливо отмечает В.С. Нерсисянц, «даже в советской юриспруденции сохранялись элементы естественно-правового мышления, проявлявшиеся в поиске объективных начал справедливости и социальной целесообразности» [2, с. 27].

Постсоветский этап характеризуется методологическим плюрализмом. Возвращение к философским основаниям права, осмысление гуманистических и цивилизационных категорий, интеграция западных теорий – все это обусловило потребность в новой методологической модели, способной соединить рационально-нормативный и ценностно-культурный подходы.

Развитие отечественной юриспруденции в XXI веке сопровождается усилением междисциплинарных тенденций. Право все чаще рассматривается не изолированно, а во взаимосвязи с социологией, политологией, культурологией, психологией. Это приводит к расширению методологического инструментария, но одновременно и к риску утраты системности.

Как отмечает Т.Я. Хабриева, «современное право нуждается в синтетической методологии, способной объединить традиционные юридические методы и достижения гуманитарного знания» [3, с. 15]. Однако подобная интеграция требует методологической дисциплины, без которой научное исследование превращается в набор произвольных интерпретаций.

В современной правовой науке наблюдаются три ключевые тенденции, каждая из которых порождает свои методологические проблемы:

- во-первых, усиление эмпиризма, проявляющееся в ориентации на социологические и поведенческие методы исследования;
- во-вторых, ценностная неопределенность, вызванная попыткой совместить правовой позитивизм и естественно-правовую идею;
- в-третьих, цифровизация правовой сферы, требующая адаптации традиционных категорий права к новым формам социальной реальности.

Эти процессы обостряют вопрос о границах юридической науки, ее предмете и методах. Отечественная юриспруденция должна сохранить научную строгость, не утратив при этом гуманистической направленности, что является центральной методологической проблемой современной эпохи.

Одним из важнейших вызовов для отечественного правоведения является методологический кризис, который возник на фоне перехода от советской модели правовой науки к современной. Советская юриспруденция была строго нормативной и ориентировалась на классовую концепцию права, где значительное внимание уделялось борьбе за политические и экономические права трудящихся. Современная ситуация требует нового подхода, который бы учитывал реалии глобализированного мира, разнообразие правовых систем и возросшее внимание к правам человека.

Особенности этого кризиса связаны с несколько противоречивыми тенденциями, с одной стороны, поддерживающими позитивистскую традицию (закрепление нормативных актов как основного источника права), а с другой, – требующими рассмотрения внутренних ценностей и моральных аспектов правовых норм. Проблема заключается в том, что в современных правовых исследованиях традиционные идеи, такие как справедливость, свобода и права человека, нередко остаются в тени нормативного анализа.

Для преодоления методологического кризиса в российской юриспруденции необходимо разработать синтетический подход, который бы объединял различные школы и подходы в праве. Такой синтез должен включать в себя как теоретические основы позитивистской юриспруденции, так и внимание к моральным и гуманистическим аспектам, которым традиционно отводилось центральное место в западной правовой философии.

Одной из таких попыток является интеграция принципов правового реализма с элементами правового позитивизма, что позволяет создать методологи-

ческую основу для доброжелательной правовой системы, ориентированной на реальные потребности общества и соблюдение прав личности. Согласно взглядам В.С. Нерсисянца, «право не существует вне социального контекста, и его эффективность зависит от того, насколько оно служит моральному благу общества» [2, с. 29]. Такой синтез обеспечит баланса между традиционными правовыми установками и меняющимися требованиями социальной справедливости.

Также важным этапом в преодолении кризиса является реинтеграция философии права в систему отечественного правоведения. Теоретические концепции, такие как естественно-правовые идеи, могут помочь вернуться к истокам правовой науки и восстановить глубокое понимание правовых явлений. В свою очередь, философия права предлагает многоуровневый подход к исследованию права, ориентированный не только на его нормативное содержание, но и на те ценности, которые оно должно защищать.

Философия права в России всегда играла значительную роль, начиная от работ И.И. Голосова и П.И. Новгородцева до современных отечественных мыслителей. Внесение философских аспектов в юридическую науку позволяет глубже понять природу права, его значение и роль в обществе. Философия права раскрывает онтологические, аксиологические и эпистемологические аспекты правового регулирования, что в свою очередь позволяет более полно оценить социальную сущность правовых норм и их влияние на развитие общества.

Как отмечает Н.И. Матузов, философия права ориентирована на «выявление фундаментальных вопросов, таких как природа прав и свободы человека, моральное обоснование законности и правопорядка» [4, с. 118]. Поэтому ее включение в методологию юриспруденции служит основой для создания морально оправданной системы права, в которой нормы и принципы правового регулирования должны соответствовать не только техническим требованиям, но и идеалам справедливости, гуманности и уважения человеческого достоинства.

Кроме того, философия права помогает в решении проблемы права и государственной власти, подчеркивая важность гармонизации отношений между индивидуальными правами и общественными обязанностями. Одним из таких аспектов является необходимость защиты прав личности от произвола властей, что, в свою очередь, требует от правовых институтов постоянного вопроса о легитимности власти и ее правомерности в управлении правовым порядком.

Будущее российской методологии права связано с учетом современных вызовов и потребностей. Развитие правовых систем в условиях глобализации и цифровизации, проблемы прав человека, защита гражданских свобод и развитие справедливости в праве – все это ставит перед юриспруденцией задачу адаптации старых методов и идей к новым условиям.

Необходимо, чтобы в России была выработана новая методологическая парадигма, которая могла бы эффективно интегрировать лучшие традиции отечественного правоведения с мировыми достижениями, с учетом особенностей российской правовой системы. Проблема заключается в том, чтобы сохранить методологическое единство на фоне растущего плюрализма научных подходов и разнообразия правовых школ.

Таким образом, развитие отечественной юриспруденции в XXI веке требует от исследователей не только глубокого анализа существующих проблем, но и поиска новых путей методологического обоснования правовых концепций. Важно, чтобы российское правоведение сохранило свою уникальность, при этом не отставало от мировых тенденций в области права, социальной справедливости и прав человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Теория государства и права: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Алексеев С.С., Архипов С.И., Белканов Е.А. [и др.]. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, Инфра-М, 2021. – 551 с.
2. Нерсисянц В.С. Теория государства и права: учебник. – Москва: Норма: Инфра-М, 2022. – 416 с.
3. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. – Москва: Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020. – 176 с.
4. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. – Москва: Юристъ, 2004. – 512 с.

ДЕМОГРАФИЯ – 2030: С ОПОРОЙ НА ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ

Котарева О.В.,

кандидат юридических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные демографические вопросы, которые представляют собой важнейшие вызовы для России в XXI веке. Обсуждаются значительные изменения в демографических процессах, приводящие к серьезным проблемам и вызывающие значительные изменения в общественных институтах, а также в культурных и правовых нормах и практиках, которые были доминирующими ранее. Компаративное исследование, проведенное в ретроспективе, показало, что эти изменения являются объективными и закономерными, обладая в целом положительным потенциалом.

Ключевые слова: вопросы демографии; демографическая политика; семья; традиционные ценности; демографический спад

DEMOGRAPHY – 2030: BASED ON TRADITIONAL VALUES

Kotareva O.V.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article discusses current demographic issues that pose significant challenges for Russia in the 21st century. It highlights the significant changes in demographic processes that have led to serious problems and caused significant shifts in societal institutions, cultural norms, and legal practices that were previously dominant. A comparative study conducted in retrospect reveals that these changes are objective and natural, with a generally positive potential.

Keywords: demographic issues; demographic policy; family; traditional values; and demographic decline

Последнее десятилетие Россия сталкивается с новыми угрозами и вызовами, которые негативно отражаются на способности нашего государства к устойчивому росту населения. Одним из самых проблемных и неоднозначных вопросов является нестабильная демографическая ситуация.

Низкие показатели рождаемости по-прежнему выступают определяющими факторами, от которых напрямую зависят общий показатель демографической ситуации и благополучие страны в целом.

Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», определяя национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, на первом месте определяет «сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержку семьи» [1].

«Несмотря на текущую обстановку и объективные трудности, сбережение и приумножение народа является долгосрочной исторической задачей России», – отмечает В.В. Путин.

Государство активно реализует целый спектр многообразных мер в сфере государственного регулирования демографической политики, однако, как отметил Президент Российской Федерации на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам, этих мер недостаточно, поскольку негативные тенденции снижения рождаемости по-прежнему сохраняются. Разные страны выбирают различные подходы к решению демографических проблем, включая фактическое поощрение неконтролируемой и хаотичной миграции, что заменяет коренное население, жертвуя при этом своей идентичностью, культурной самобытностью и, что немаловажно, внутривнутриполитической стабильностью.

Наш выбор ясен – это всесторонняя поддержка семьи как основополагающего элемента российского общества, а также защита и сохранение истинных семейных ценностей и традиций, которые на протяжении веков объединяли и укрепляли нашу страну.

18 декабря 2024 г. в пресс-центре МИА «Россия сегодня» состоялась презентация специального доклада Общественной палаты Российской Федерации «Демография-2030. Как обеспечить устойчивый рост населения Российской Федерации». Доклад включает в себя предложения и рекомендации, основанные на результатах мероприятий, проведенных комиссией в период с 2020 по 2023 гг.

Основные положения доклада представлены на Московском международном демографическом форуме «Демография и семейная политика – 2030: опора на традиционные ценности», который состоялся 29–30 мая 2023 года в Общественной палате Российской Федерации.

Российская Федерация с 1990-х годов столкнулась с длительным периодом демографического спада, характеризующегося снижением рождаемости, ростом смертности и депопуляцией в ряде регионов.

По предварительной оценке Росстата на 1 января 2025 года в стране насчитывалось 146,028 млн жителей (без учета четырех новых регионов). По итогам 2024 года естественная убыль населения России составила 596,2 тыс. человек. По сравнению с итогом 2023 года показатель увеличился на 20,4% (с 495,3 тыс.) [3].

25 мая 2022 года на заседании президиума Госсовета по вопросам социальной поддержки граждан Президент Российской Федерации отметил, что для России многодетная семья – историческая традиция. «Нужно эту традицию возвращать, она востребована нашим современным развитием, должна утвердиться как норма, как ценностный ориентир для общества и как важнейший приоритет для государства», – подчеркнул Президент Российской Федерации. По данным ВЦИОМ 65% российских семей хотели бы стать многодетными, но в действительности только 26% планируют иметь больше троих детей. При этом во многих регионах России типичная российская семья – однодетная.

Введение материнского капитала в качестве первого демографического пакета способствовало существенному, хотя и краткосрочному увеличению роста рождаемости. Второй демографический пакет в виде регионального материнского капитала и предоставления земельных участков также принес значимый прирост рождаемости и составил 2,5 ребенка на одну женщину.

Другой немаловажный аспект демографической политики – увеличение продолжительности жизни населения. С 2005 до 2020 гг. фиксируется значительный рост продолжительности жизни, составив исторический максимум более 73 лет в 2019 году. Период пандемии коронавирусной инфекции существенно сократил продолжительность жизни населения на 3 года, опустившись до 70,1 лет. Однако с 2023 года вновь фиксируется увеличение данного показателя.

Одним из важнейших инструментов демографической государственной политики является стимулирование миграции, прежде всего из стран СНГ, развитие программы переселения соотечественников. Текущие показатели рождаемости, смертности и естественной убыли по предварительным прогнозам экспертов Росстата предполагают низкий вариант прогноза, согласно которому с 2023 до 2030 гг. естественная убыль составит 6,8 млн человек, а до 2035 года – 11,5 млн человек. Такую величину естественной убыли компенсировать только

лишь миграцией невозможно. Принятые в настоящий момент государственные меры не способствуют устойчивому преодолению демографического кризиса.

Вместе с тем грамотно спланированное и реализованное государственное регулирование семейной политики посредством комплексной поддержки семьи способно значительно улучшить демографическую ситуацию в России. Представляется, что основными направлениями такой политики должны стать, во-первых, качественное медицинское обслуживание посредством внедрения современных технологий диагностики и лечения высококвалифицированным медицинским персоналом, во-вторых, обеспечение достаточного количества государственных детских садов и школ, внедрение программ льготного питания в них, начиная уже со второго ребенка, в-третьих, расширение программ материнского капитала. Указанные меры государственной поддержки семей позволят снизить уровень смертности и будут способствовать существенному росту рождаемости.

По мнению С.П. Капицы, «все большая ответственность перед обществом в формировании ценностей, в представлении образования и знаний должна осознаваться средствами массовой информации» [3]. При пересмотре ценностей критически важным является отказ от культа потребления, навязываемого рекламой.

Возвращение к основным семейным ценностям может оказать позитивное влияние на демографическую ситуацию в России. Особое внимание следует уделить программированию необходимого образа жизни через цифровые технологии, которые уже сегодня влияют на личность и навязывают свои стандарты через интернет-ресурсы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 20. – Ст. 2584.
2. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Демографическая политика: определение, структура, цели // Наука. Культура. Общество. – 2019. – № 1. – С. 102–107.
3. Капица С.П. Демографическая революция и Россия: доклад / Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – 2018. – № 757–758.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ПОИСК ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

Кудовба О.Н.,

кандидат юридических наук

(Ростовский юридический институт МВД России)

Аннотация: статья исследует методологические вызовы современной отечественной юриспруденции, вызванные социально-экономическими изменениями и цифровизацией. Анализируются традиционные и новые методологические подходы, включая междисциплинарность и постнеклассические парадигмы. Описываются перспективы адаптации юридической науки к современным условиям и цифровой эпохе.

Ключевые слова: методология права; цифровизация юриспруденции, междисциплинарные подходы; постнеклассические парадигмы; адаптация юридической науки

METHODOLOGICAL CHALLENGES OF MODERN JURISPRUDENCE: SEARCHING FOR WAYS TO DEVELOP DOMESTIC LEGAL STUDIES

Kudovba O.N.,

Candidate of Law

(Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: the article explores the methodological challenges of modern Russian jurisprudence caused by socio-economic changes and digitalization. Traditional and new methodological approaches, including interdisciplinarity and post-non-classical paradigms, are analyzed. The prospects for adapting legal science to modern conditions and the digital era are described.

Keywords: legal methodology; digitalization of law; interdisciplinary approaches; post-non-classical paradigms; adaptation of legal science

Современная юридическая наука переживает период глубоких трансформаций, обусловленных изменением не только социально-политической и экономической реальности, но и самой природы права как регулятора общественных отношений. В условиях глобализации, цифровизации и роста социальной динамики юриспруденция вынуждена искать новые теоретико-методологические опоры. Это особенно актуально для отечественной науки, сохраняющей сильные традиции советской правовой школы, но при этом сталкивающейся с необходимостью переосмысления многих ее догматических положений. Так, в работах, посвященных цифровой трансформации юридической деятельности, отмечается, что «цифровая трансформация не может произойти без соответствующего правового (законодательного) обеспечения, а также без цифровизации законодательства и юридической деятельности (перехода на безбумажное делопроизводство, документооборот и архивирование), поэтому

юристы должны создать не только цифровую доктрину права, но и информационную онтологию предметной области их деятельности» [1, с. 43].

Методологические вызовы, стоящие перед современной юриспруденцией, можно условно разделить на три группы:

1. Эпистемологические – касаются природы и пределов юридического знания.

2. Онтологические – связаны с пониманием самого феномена права.

3. Практико-ориентированные отражают потребность в прикладной эффективности научных результатов.

Особое значение в современном методологическом пространстве приобретает цифровизация права. Развитие искусственного интеллекта, электронного документооборота, правовых технологий (LegalTech) порождает необходимость пересмотра классических категорий юридической науки – источника права, субъекта правовых отношений, доказательств и ответственности. Юриспруденция сталкивается с ситуацией, когда традиционные методы нормативного анализа оказываются недостаточными для понимания правовых явлений, возникающих в цифровой среде: алгоритмических решений, смарт-контрактов, виртуальных объектов собственности [2, с. 186].

Методологический вызов заключается в том, что правовая реальность становится виртуальной, а это требует интеграции методов не только правовых, но и технических наук. Например, анализ блокчейн-технологий невозможен без базовых знаний в области программирования и кибербезопасности. Таким образом, юриспруденция вынуждена развиваться в междисциплинарной парадигме, что, с одной стороны, усиливает ее адаптивность, но с другой, – размывает границы юридической идентичности науки.

Глобализация также оказывает существенное воздействие на методологию правоведения. Международное и наднациональное право постепенно превращаются в самостоятельные регуляторы, формирующие единое правовое пространство, в котором национальные правовые системы теряют прежнюю автономию. Для отечественной юридической науки это означает необходимость переосмысления таких категорий, как суверенитет, источник права, иерархия норм. В условиях активной интеграции России в международные правовые процессы усиливается значимость сравнительно-правового метода и комплексного анализа взаимовлияния различных правовых порядков.

Современные вызовы требуют не просто адаптации существующих методологических подходов, а создания новой исследовательской логики, способной учитывать изменчивость и многоуровневость правовой действительности. Именно в этом направлении движется современная мировая юриспруденция, стремящаяся к синтезу различных научных подходов – от правового реализма до конструктивизма и феноменологии права.

Отечественная юридическая наука традиционно развивалась в рамках позитивистской парадигмы, опирающейся на нормативное понимание права. Сегодня эти черты сохраняются в ряде направлений российской юриспруденции, где приоритет отдается анализу правовых норм, а не механизмах их функционирования [3, с 171].

Однако процессы глобализации, реформирования правовой системы и цифровизации вынуждают отечественное правоведение искать новые пути развития. Одним из них становится постепенный переход от нормативизма к интегративной модели правопонимания, которая позволяет учитывать как формально-юридические, так и ценностные, социальные и культурные аспекты права.

Важным направлением методологического обновления отечественной юридической науки становится интеграция философии права и социологии права в структуру правового познания. Если в советский период философские вопросы зачастую рассматривались как второстепенные, то в современной научной парадигме именно философия права обеспечивает смысловую целостность и аксиологическую направленность правовой теории.

Социология права, в свою очередь, позволяет выявить реальные закономерности функционирования правовых институтов, исследовать правосознание, правовую культуру и эффективность правового регулирования. Таким образом, современное правоведение движется в сторону синтеза теоретического и эмпирического подходов, что повышает его аналитический потенциал и способствует формированию прикладной методологической базы.

Следует отметить, что трансформация методологического инструментария в отечественной науке происходит неравномерно: одни отрасли (например, административное, конституционное и информационное право) активно интегрируют инновационные подходы, тогда как другие сохраняют традиционную нормативистскую установку. Тем не менее общая тенденция направлена на расширение методологического арсенала, что способствует повышению научной автономии и практической ценности юридических исследований.

Рассматривая перспективы развития методологии отечественного правоведения, необходимо подчеркнуть, что современная юридическая наука стоит на пороге методологического синтеза. Этот процесс предполагает объединение классических и инновационных подходов с целью формирования единой, но гибкой системы научного познания права.

Первым направлением методологического обновления можно считать укрепление междисциплинарных связей. Современное право не может рассматриваться в изоляции от социальных, экономических, культурных и технологических факторов. Следовательно, методы юриспруденции должны дополняться методами социологии, политологии, экономики и информационных наук. Подобная интеграция позволяет расширить горизонты правового анализа и перейти от формального к системно-комплексному пониманию правовой реальности.

Вторым направлением выступает развитие ценностно-ориентированной (аксиологической) методологии. Право в XXI веке все более воспринимается как инструмент реализации человеческих ценностей, таких как свобода, справедливость, безопасность, достоинство личности. Поэтому юридическая наука должна уделять больше внимания исследованию этических оснований права и механизмов их воплощения в нормах и правоприменении.

Третьим направлением является цифровизация правового познания. Современные технологии анализа данных, моделирования правовых ситуаций и искусственного интеллекта создают предпосылки для перехода от классическо-

го дедуктивного познания к интеллектуальной аналитике права. Использование цифровых инструментов открывает новые горизонты для прогнозирования правовых последствий, систематизации судебной практики, выявления закономерностей в правотворчестве.

Четвертым направлением, заслуживающим особого внимания, является развитие прикладных аспектов методологии юридической науки. Отечественное правоведение постепенно осознает необходимость соединения теоретических конструкций с практическими задачами правоприменения. Это предполагает усиление эмпирических исследований, анализ конкретных правовых кейсов, изучение деятельности правоохранительных органов, судов, органов государственной власти. Тем самым формируется прикладная методология, нацеленная на эффективное решение правовых проблем, а не только на теоретическое их осмысление.

Особую роль в дальнейшем развитии методологии будет играть концепция правового плюрализма, предполагающая признание многообразия форм права и источников правового регулирования. В современном мире право перестает быть исключительно государственным институтом – все большее значение приобретают корпоративные, этноконфессиональные и цифровые формы регулирования. Это требует от ученых разработки гибких методологических инструментов, способных учитывать данное многообразие без утраты научной строгости.

Таким образом, развитие отечественного правоведения должно опираться на комплексный, синтетический подход, в котором сочетаются нормативный анализ, аксиологическая оценка, социологическое наблюдение и цифровая аналитика. Только такая многомерная методология способна адекватно отражать сложность современной правовой действительности и обеспечивать научную состоятельность отечественной юриспруденции в мировом контексте.

Современная юриспруденция находится в состоянии методологического поиска. Традиционные нормативистские схемы, долгое время определявшие развитие отечественной науки, постепенно уступают место интегративным и междисциплинарным подходам. Это свидетельствует о переходе правоведения к новому этапу – этапу осознанного методологического самообновления.

Главный вызов для отечественной юридической науки заключается в необходимости сохранения научной строгости при одновременном расширении исследовательских горизонтов. Методология должна стать не просто совокупностью приемов и методов, а интеллектуальной платформой, способной объединить ценностные, эмпирические и цифровые компоненты правового познания.

Перспективы развития отечественного правоведения связаны с укреплением междисциплинарности, цифровизацией научных исследований, гуманизацией правового знания и развитием прикладных направлений. Только при условии постоянного методологического обновления юриспруденция сможет выполнять свою ключевую функцию – служить наукой, способной обеспечивать устойчивость правопорядка, защищать права человека и способствовать формированию справедливого общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нестеров А.В. Цифровая трансформация юридической деятельности и законодательства. // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4 (62). – С. 43–53.
2. Фроленко Н.А., Осипова Ю.В., Цифровизация права: процессы цифровизации и ее особенности // Вестник науки – 2024. – № 2 (71). – С. 184–188.
3. Мананкова Р.П. О методологии юридической науки. // Вестник Томского университета. Право. – 2021. – № 42. – С. 170–176.
4. Лысенко В.А. К вопросу о совершенствовании правового регулирования сферы внутренних дел / Конституция Российской Федерации и тенденции развития законодательства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию Конституции России, Белгород, 31 октября 2018 года. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2019. – С. 45-49.

МИГРАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРИНЦИП СОРАЗМЕРНОСТИ

Курилова Н.В.,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в современных условиях жизнедеятельности общества наблюдается потребность России в мигрантах с экономической точки зрения. Вместе с тем вопросы обеспечения всех форм безопасности на территории Российской Федерации требуют пристального внимания за поведением иностранных граждан, прибывающих на территорию нашей страны. Несовершеннолетние иностранные граждане, являясь уязвимой категорией населения, нуждаются в повышенном внимании со стороны правоохранительных органов. При сопоставлении экономики и безопасности, принцип соразмерности приобретает актуальность и потребность в исследовании.

Ключевые слова: миграция; мигрант; дети-мигранты; несовершеннолетние иностранные граждане; несовершеннолетние лица без гражданства; принцип соразмерности

MIGRATION OF FOREIGN MINORS: THE PRINCIPLE OF PROPORTIONALITY

Kurilova N.V.,

Postgraduate

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: under modern conditions of social life, Russia demonstrates a need for migrants from an economic point of view. At the same time, issues of ensuring all forms of security on the territory of the Russian Federation require close attention to the behavior of foreign citizens arriving in our country. Foreign minors, being a vulnerable category of the population, require increased attention from law enforcement agencies. When comparing the economy and security, the principle of proportionality becomes relevant and demands research.

Keywords: migration; migrant; migrant children; foreign minors; stateless minors; principle of proportionality

Миграция – сложное многоаспектное явление, затрагивающее как жителей страны, так и людей, планирующих переселиться на территорию другого государства. Вопросы миграции весьма актуальны и продолжают исследоваться в современной юридической науке.

Помимо общих принципов, используемых сотрудниками органов внутренних дел в процессе осуществления ими функций, касающихся регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации, существенное значение имеет применение принципа соразмерности принимаемых мер целям обеспечения законности и правопорядка.

Часть 3 статьи 62 Конституции гласит о том, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и исполняют обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации.

Принцип соразмерности в административно-правовой доктрине базируется на положениях части 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, которая гласит о том, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1]. Следовательно, принцип соразмерности выступает универсальным регулятором для всех областей права, обусловленного сущностью демократического правового государства.

Г.А. Гаджиев в своих научных исследованиях детально изучал сущность статьи 55 Конституции Российской Федерации, подчеркивая, что «установленная ею возможность ограничения федеральным законом основных прав и свобод граждан должна осуществляться исключительно в объеме, обоснованно соответствующем требованиям необходимости и разумности, именуя этот посту-

лат принципом пропорциональности, который одновременно воплощает и идею справедливости» [3, с. 56].

В.Д. Зорькин сформулировал положение о том, что «недостаточно детализированные конституционные предписания относительно оснований и порядка ограничения прав и свобод создают риск их расширительного и необоснованного истолкования в реальной практике, что способно повлечь установление избыточных и несоразмерных ограничений» [4, с. 311].

Принцип соразмерности не нашел самостоятельного отражения в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, хотя косвенно проявляется в содержании ч. 2 ст. 4.1, устанавливающей обязанность учета судом или иным компетентным органом при наложении административного взыскания характера противоправного деяния, личностных характеристик правонарушителя, его материального состояния, обстоятельств, смягчающих или усугубляющих вину субъекта административной ответственности [2]. Содержание обозначенной статьи отражает реализацию принципа соразмерности, заключающегося в индивидуализации административной ответственности путем учета таких факторов, как степень общественной опасности правонарушения, специфика наступивших последствий, уровень вины нарушителя, а также прочих существенных обстоятельств дела.

Наряду с явными формами выражения принципа соразмерности в административном праве при назначении административного наказания видится дискуссионным вопрос о реализации принципа соразмерности в сфере образования для несовершеннолетних иностранных граждан. Принцип соразмерности – это юридическая категория, обозначающая необходимость соответствия между целью правового воздействия и средствами ее достижения, а принцип соразмерности для иностранных граждан в Российской Федерации – это требование о том, что ограничения прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства должны быть соразмерны конституционно значимым целям.

Одной из значимых целей пребывания на территории Российской Федерации несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства является приобретение ими образовательных услуг. Вместе с тем при уравнивании правового положения иностранных лиц, не достигших совершеннолетия, с несовершеннолетними гражданами Российской Федерации, считаем актуальным вопрос о реализации принципа соразмерности в контексте затраченных сил и средств принимающего государства в лице Российской Федерации. Современная практика выявляет ряд трудностей, связанных с ситуацией, когда несовершеннолетние иностранные граждане, пребывающие на территории Российской Федерации, реализуют весь спектр предусмотренных законом прав наравне с гражданами Российской Федерации, при этом позитивной отдачи данное явление принимающего государства не приносит по завершению образовательного процесса. Иностранный гражданин тем имеет и питает полезный образовательный опыт принимающего государства и перенимает его на родину своего рождения или иные территории вне пределов Российской Федерации.

При наличии всех законных оснований получения образования на территории Российской Федерации для иностранного гражданина видим целесообразным предъявлять к данной категории лиц, воспользовавшейся данным правом, общеобязательное требование в виде последующей обязанности по окончании обучения работать на благо принимаемого государства установленный договорными отношениями срок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item> (дата обращения: 17.11.2025).
2. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17704> (дата обращения: 17.11.2025).
3. Гаджиев Г.А. О принципе пропорциональности и конституционной кассации // Судья. – 2019. – № 7. – С. 56–64.
4. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – Москва: Норма, 2007. – 400 с.
5. Евтушенко В.И. Права несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства в сфере образования: вопросы реализации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10, № 4. – С. 478.
6. Амельчаков И.Ф., Катаева О.В., Прудников А.С. Государственно-правовые основы миграции и миграционных процессов в Российской Федерации: учебное пособие для курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2020. – 206 с.
7. Андрейченко Л.В. Государственное управление в сфере миграции: опыт Российской Федерации и Республики Беларусь // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18, № 2. – С. 53–68.
8. Столярова З.Н. Об административно-правовом статусе детей мигрантов в Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 4 (72). – С. 60–66.
9. Полякова Н.В. Актуальные вопросы реализации иммиграционных статусов несовершеннолетних иностранных граждан подразделениями по вопросам миграции территориальных органов МВД России / Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения: материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 сентября 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. – С. 164–167.

МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Лановая Г.М.,

доктор юридических наук, профессор

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: статья посвящена рассмотрению тех особенностей, которыми характеризуется осмысление моральных ценностей правосознанием. Обосновывается, что в фокусе внимания правосознания оказывается широкий спектр вопросов, касающихся связи моральных ценностей с правом. Однако, правовое осмысление моральных ценностей не связано с познанием природы таких ценностей. Неспособность правосознания к осмыслению природы моральных ценностей обуславливает возникновение мифологичных представлений о них.

Ключевые слова: ценности; ценности в праве; моральные ценности; правосознание; правовое мышление

MORAL VALUES AS AN OBJECT LEGAL THINKING

Lanovaya G.M.,

Doctor of Law, Professor

(Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: the article is devoted to the consideration of those features that characterize the understanding of moral values by legal awareness. It is proved that the focus of legal awareness is on a wide range of issues related to the relationship of moral values with law. However, the legal understanding of moral values is not related to the knowledge of the nature of such values. The inability of the legal consciousness to comprehend the nature of moral values leads to the emergence of mythological ideas about them.

Keywords: values; values in law; moral values; legal awareness; legal thinking

Современными исследователями правовое мышление нередко отождествляется с мышлением о праве. Вместе с тем очевидным представляется то, что и в силу характера связи различных сфер общественной жизни и в силу особенностей организации сознания человека правовое мышление мышлением о праве не исчерпывается. Точно так же, как право выступает объектом для морального сознания, рассматривается через его призму [1, с. 8–14], мораль и в целом, и в отдельных своих компонентах выступает объектом для правового мышления.

Что касается моральных ценностей, то правовое мышление прежде всего соотносит их с правовыми ценностями. Правовым сознанием фиксируется, во-первых, несовпадение правовых ценностей с моральными, во-вторых, первичность моральных ценностей по отношению к правовым и, в-третьих, значимость моральных ценностей в качестве источника правовых ценностей.

Признание значимости моральных ценностей в качестве источника правовых ценностей обуславливает поиск нравственных оснований права, наличие

которых не просто легко обнаруживается [2; 3], но и обуславливает появление специфического понимания права, которое принято называть естественно-правовым. В рамках данного правопонимания естественное право рассматривается как априори нравственный феномен, а позитивное право предлагается оценивать исходя из того, согласуется ли оно с заключенными в естественном праве нравственными императивами, подчинено ли последним содержательно и функционально.

Несмотря на то, что осмысление моральных ценностей в их соотношении с правовыми ценностями наиболее значимо для правового сознания, в фокусе внимания последнего оказываются и другие вопросы, касающиеся связи моральных ценностей с правом.

В частности, результатом осмысления правосознанием несовпадения моральных ценностей с правовыми становится закономерный вывод о самостоятельном положении права в системе социального регулирования общественных отношений и его незаменимости в этом качестве. При этом одновременное осмысление моральных ценностей в качестве источника правовых ценностей приводит к осознанию незаменимости правового инструментария для практического воплощения в общественной жизни в том числе и нравственных императивов. Показательным в этом плане является постулирование «незаменимости права как особого социального регулятора для действительности свободы» [4, с. 4].

Незаменимость правового инструментария для практического воплощения в общественной жизни нравственных императивов связывается правосознанием с тем, что моральные нормы руководят не поступками как таковыми, а максимами поступков, то есть субъективными представлениями о должном поведении, и с тем, что нравственные идеалы априори недостижимы и воспринимаются человеком как то, движение к чему более значимо, чем их фактическая реализация [4, с. 6]. Право, в отличие от морали, ориентировано не на недостижимый идеал, а на модель поведения, которая в данных конкретных условиях нормальна и априори реализуема без тех сверхусилий, на которые ориентирует личность мораль. В силу этого право воспринимается как то, что способно обеспечить реально возможную степень приближения к нравственным идеалам и дать человеку ощущение реализованности моральных ценностей, их воплощения в фактически существующих отношениях между людьми [5].

Далее следует отметить, что, осмысливая моральные ценности в качестве одного из факторов, влияющих на право и правовую жизнь общества, правосознание, конечно, прежде всего обнаруживает связь моральных ценностей не с правом государства, порождаемым политической волей и поддерживаемым силой государственного принуждения, а с правом, формирующимся без властных усилий государства, в процессе развития общества и его правовой системы (с естественным правом, правом гражданского общества, обычным правом и др.). Указанное связано не только с особенностями осмысления статуса морали в системе социального регулирования, но и с ее восприятием как того, что лежит в основе формирования социально значимых внутренних убеждений индивида.

С одной стороны, моральные ценности воспринимаются как именно то, что в значительной мере определяет содержание складывающихся в обществе неписаных правил поведения, которые санкционируются и берутся под защиту государством в силу их значимости для правового регулирования отношений. С другой стороны, одновременно моральные ценности осмысливаются в качестве того, что побуждает человека следовать тем поведенческим императивам, заключенным в нормах права, гарантом обеспечения которых в первую очередь выступает не государственное принуждение, а общественное мнение.

Принципиально значимым моментом, определяющим связь моральных ценностей прежде всего с обычным правом, а не с правом государства, является то, что правосознанием моральные ценности воспринимаются как то, что не нуждается в легализации или легитимации. В отличие от моральных ценностей политические ценности, мысленно связываемые прежде всего именно с правом государства, воспринимаются правовым сознанием как нуждающиеся в легализации и легитимации, и именно для своей легализации и легитимации облачаемые в правовые формы [6].

Не нуждаясь в легализации и легитимации, моральные ценности в то же время в силу их значимости берутся под официальную правовую защиту, что также является моментом, принципиально значимым для понимания специфики названных ценностей в качестве объекта правового мышления.

Объектом правовой защиты становятся прежде всего те ценности, которые ассоциируются с наиболее значимыми нравственными заповедями – такими, нарушение которых может нанести существенный вред обществу и государству («не убий», «не укради» и т.д.). Иные моральные ценности начинают осмысливаться в качестве объектов, требующих правовой защиты, тогда, когда обществом осознается реальная угроза утраты таких ценностей. Сказанное объясняет, почему именно сегодня для российского общества актуальность приобретает защита правовыми средствами тех моральных ценностей, которые воспринимаются в качестве традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества.

Важным моментом является то, что связь с моральными ценностями воспринимается правосознанием в качестве фактора, стабилизирующего право. Если право осмысливается как то, что весьма динамично, чутко реагирует на изменение социально-экономического, политического и культурного контекста, откликаясь на трансформацию насущных потребностей общества и человека, то моральные ценности в контексте идеалов и установок правосознания предстают как то, что является безусловным, стабильным, контекстуально независимым. Насыщение права моральными ценностями, как следствие, воспринимается в качестве значимого условия сохранения правом своей культурной идентичности.

В свете изложенного становится понятно, почему объектом правового мышления выступают прежде всего такие моральные ценности, которые, с одной стороны, воспринимаются правосознанием в качестве наиболее универсальных, признаваемых значимыми для человека на всех исторических этапах существования российского общества, с другой стороны, предстают ценностями, обеспечение и защита которых могут быть формализованы настолько, насколько это необходимо для того, чтобы осуществляться правовыми средства-

ми. Подобными ценностями являются, в частности, справедливость, ответственность, свобода, труд, семья, жизнь, достоинство человека.

Далее следует обратить внимание на то, что неразрывная связь правовой реальности и правосознания обуславливает осмысление моральных ценностей в качестве того, что оказывает существенное влияние на само правовое мышление. Вместе с тем важно принимать во внимание неспособность правового сознания постигнуть природу моральных ценностей. Такой неспособностью обуславливается то, что влияние моральных ценностей на правовое мышление оказывается неразрывно связанным с продуцированием принципиально новых смыслов и образов. Как следствие, сами формирующиеся в процессе правового мышления представления о моральных ценностях зачастую оказываются мифологизированными.

Так, в ряде случаев моральные ценности ошибочно осмысливаются в качестве собственных ценностей права. Имеют место случаи не вполне верной оценки правосознанием реальной роли моральных ценностей в моделировании правовой реальности и правосознания (например, мифологичным является представление о том, что моральные ценности существенным образом влияют на правовое мышление, в то время как правовое мышление имеет собственную логику и оперирует совокупностью собственных смысловых единиц). Иногда, ориентируясь на моральные ценности, правосознание апеллирует к критериям оценки права, которым оно в реальности соответствовать не может.

Итак, моральные ценности можно рассматривать в качестве специфического объекта правового мышления. В фокусе внимания правосознания оказывается широкий спектр вопросов, касающихся связи моральных ценностей с правом, однако правовое мышление не связано с осмыслением природы моральных ценностей, так как правовое сознание не способно проникнуть в их суть. Неспособность правосознания к осмыслению природы моральных ценностей обуславливает возникновение мифологичных правовых представлений о таких ценностях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Малахов В.П. Право в контексте форм общественного сознания. Принцип правопонимания. – Москва: Юнити-Дана, 2018. – 159 с.
2. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. – Москва, 2025. – 400 с.
3. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2004. – 58 с.
4. Слыщенков В.А. Право и нравственность: различия понятий. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – 56 с.
5. Шаповал Н.А., Комнатная Ю.А. Теория правомерного поведения: учебное пособие. – Белгород: Эпицентр, 2025. – 100 с.
6. Вородюхин С.Е. Роль института семьи в воспитании антикоррупционной культуры / Ценности в праве в условиях модернизации общества: сборник материалов конференции, Белгород, 31 октября 2024 года. – Белгород, 2025. – С. 33–36.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ГЛАВНАЯ ЦЕННОСТЬ ПРАВА: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Коськова Е.Д.,

аспирант;

Липич Т.И.,

доктор философских наук, профессор

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Аннотация: тема настоящей статьи рассматривается с целью проведения всестороннего философско-правового анализа понятия справедливости как основополагающего принципа существования права. Выявление значительной связи между категорией справедливости и феноменом права, показывает, что именно через справедливость становится возможным определить главные ценности права. В настоящей статье поэтапно рассматривается эволюция концепций справедливости на всем протяжении существования политико-правовой мысли, а именно – от становления античной классической философии до современных теорий. Также проводится анализ форм объективной справедливости, которая присутствует в правовой системе и отражается через наличие принципов, правовых норм и правоприменительных актов. Раскрывается роль рассматриваемого понятия с точки зрения легитимности права. Результатом изучения данной темы может послужить вывод о том, что право при утрате связи со справедливостью превращается в инструмент принуждения, который лишен рассудка, в то время как следование принципу справедливости способно придать праву нравственную силу и социальную ценность.

Ключевые слова: анализ; законодательство; общество; справедливость; право; ценность; философия права

JUSTICE AS THE MAIN VALUE OF LAW: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANALYSIS

Koskova E.D.,

Postgraduate;

Lipich T.I.,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

(Belgorod State National Research University)

Abstract: the topic of this article is considered with the aim of conducting a comprehensive philosophical and legal analysis of the concept of justice as a fundamental principle of the existence of law. The identification of a significant connection between the category of justice and the phenomenon of law shows that it is through justice that it becomes possible to determine the main values of law. This article gradually examines the evolution of the concepts of justice throughout the existence of political and legal thought, namely, from the formation of ancient classical philosophy to modern theories. Also, an analysis of forms of objective justice is carried out, which is

present in the legal system and is reflected through the presence of principles, legal norms and law enforcement acts. The role of the concept under consideration is revealed from the point of view of the legitimacy of the law. The result of the consideration of this topic may be the conclusion that the right, in case of loss of connection with justice, turns into an instrument of coercion, which is devoid of reason, while adherence to the principle of justice can give the right moral strength and social value.

Keywords: analysis; legislation; society; justice; law; value; philosophy of law

На сегодняшний день, проблема соотношения категорий права и справедливости является одной из актуальных в философии права. Довольно часто она становится объектом для обсуждения у ученых правоведов и современных философов, становится темой дискуссий на различных конференциях и почвой для размышления у представителей общественности. Вопрос о том, выступает ли право самостоятельной системой норм, либо же оно нуждается в обращении к внешним стандартам, довольно сложный. Ответ на этот вопрос позволит определить, соответствуют ли существующие нормы права общественным ценностям, другими словами, удовлетворяют ли правовые нормы важным и значимым вопросам жизни общества. Может ли закон быть несправедливым? Данный вопрос требует обращения к самой сути правового бытия. Непрерывные дискуссии о природе правового нигилизма, эффективности действующего законодательства и бесконечном поиске нравственных основ современной правовой системы Российской Федерации еще раз подтверждают необходимость исследования данной проблематики. Проведение философско-правового анализа справедливости, как главной ценности права, выявление ее сущности и значения формирует цель настоящего исследования. Для ее достижения необходимо проследить эволюцию понимания справедливости в философско-правовой мысли на протяжении ее развития, провести анализ онтологической связи рассматриваемых категорий, а также выявить формы и инструменты реализации идей справедливости в правовой системе.

Обращаясь к античной философии, а именно к трудам Аристотеля и Платона, следует отметить тот факт, что понятия «право» и «справедливость» были неразлучны и всегда взаимно дополняли друг друга. Философы Древней Греции понимали справедливость как главную добродетель и основоположника государственного устройства. Аристотель в своем трактате под названием «Никомахова этика» выявил основные различия между распределяющей справедливостью и уравнивающей, что послужило основой для дальнейшего понимания всех функций права [1; с. 156].

Эпоха Нового времени и идея естественного права Т. Гоббса и Дж. Локка дали нам возможность провести аналогию справедливости с неотчуждаемыми правами и свободами, которые даны человеку и гражданину. Закон принято считать справедливым, если он отвечает требованиям естественного права. Но в процессе развития юридического позитивизма, который заложили Дж. Остин и Г. Кельзен, фокус сместился на формальную определенность и систематизацию правовых норм. Вместе с тем вопросы нравственной составляющей правовых норм стали считать метафизическими. Г. Кельзен считал, что правовые нормы

приобретают свою значимость в иной, более высшей по значению норме, стремясь удовлетворить ее требования, а не основываются на идеях всеобщей справедливости [2, с. 83].

Русская религиозно-философская мысль также не обошла своим вниманием понятие справедливости, правды, права и закона. В частности, интересные идеи были высказаны в статье Т.И. Липич, Д.В. Липич, которые отметили, что «взгляды славянофилов и их последователей на нравственно-юридическую природу и назначение права, на соотношение внутренней и внешней правды, закон и добродетель в свое время стали основополагающими для дальнейшего развития отечественной философии права. Славянофилы и их последователи исходили из того, что определяющим в обществе должен быть примат внутренней правды (справедливости) над внешней (юридическим законом). Нравственные нормы, справедливость, веру они относили к «внутренней правде», которую человек может исполнять добровольно, к «внешней правде» относили юридические нормы, законы, которые являются формами внешнего принуждения» [3, с. 853].

XX век характерен наличием событий, которые привели к кризису позитивизма, которые сказались как на русской философско-правовой мысли, так и на европейской. Последствия этих событий способствовали возрождению идей справедливости в рамках неонатурализма. К примеру, одной из наиболее ярких и влиятельных стала теория справедливости, предложенная Дж. Ролзом. В своей книге «Теория справедливости» отражена разработанная им теория справедливости, которая была сформирована на основе пересмотра классической теории общественного договора Дж. Локка, Ж.Ж. Руссо и И. Канта. Дж. Локк считал, что правовые нормы исходят из добровольного согласия людей, которое принимало форму договора или соглашения между народом и правящей властью.

Дж. Ролз понимает эту идею совершенно иначе, он поднимает ее на более высокий уровень абстракции и считает, что народ преследует свои интересы, касающиеся увеличения своей власти и участия в жизни общества. Для того чтобы преодолеть такую ситуацию, Дж. Ролз подчеркнул необходимость выработки новых принципов социальной справедливости, которые помогут определить права и обязанности ведущих общественных институтов и распределять доли участия, которые получит группа людей. Принципы справедливости – это то, что примут люди в качестве основополагающих принципов при заключении общественного договора. Именно этот принцип необходимо взять за основу дальнейшего распределения прав, обязанностей и социального преимущества. Кроме того, им был сделан акцент на следующих двух принципах:

1. Принцип равных свобод, при котором каждому человеку необходимо наличие равных прав на самую обширную систему основных свобод, которая функционирует совместно с аналогичной системой свобод для всех остальных участников жизни общества.

2. Принцип дифференциации, который также принято называть «принцип социальной справедливости» – отражает необходимость устранения социальных и экономических неравенств между людьми. При этом неравенство ме-

жду людьми допустимо, но только в том случае, если это будет выгодно для всех, в первую очередь для тех людей, кто находится в трудном экономическом положении [7, с. 213].

Данные принципы оказали серьезное воздействие на формирование современного Конституционного права, указав на необходимость распределительных функций государственного аппарата.

На основании анализа исторических концепций имеет место быть утверждение о том, что между понятиями право и справедливость присутствует сущностная связь. Право понимается как инструмент воплощения, средство и способ выражения внешней формы справедливости. Без права идея справедливости теряет какой-либо шанс быть устойчивым регулятором общественных отношений, а право без справедливости, лишено ценностных ориентиров и обречено на участь «правового зла» [5, с. 318].

Связь между рассматриваемыми понятиями проявляется также с нескольких сторон:

- легитимирующая функция. Справедливость выступает одним из главных оснований легитимности власти и права. Общество воспринимает нормы права и поддерживает их как инструмент власти не только под угрозой наказания за их нарушение, но и потому, что считает их объективно справедливыми;

- критическая функция. Здесь идея справедливости рассматривается как критерии оценки актуального законодательства. Те нормы права, которые противоречат общественным представлениям о справедливости, теряют возможность быть эффективным инструментом регулирования общественных отношений, что в последующем создает риск социальной напряженности;

- целеполагающая функция. Данная функция понимается, как способность справедливости определять цель развития права, где у права основной задачей является справедливое упорядочивание общественных отношений, а слепое действие формальным предписаниям;

- воспитательная функция. Право, в основе которого лежит справедливость, способно воспитать в обществе уважение к закону и сформировать правосознание. Общество, в котором уважают и поддерживают действующее законодательство, следуют его предписаниям и запретам не из страха понести наказание, а из уважения того режима и порядка течения жизни, которое оно предписывает.

Исходя из приведенных функций, право следует понимать как нормативную форму достижений социальной справедливости в конкретный исторический период [4, с. 98].

Идеи справедливости имеют место быть на различных уровнях действующей правовой системы. Обоснованно можно утверждать, что данное понятие не остается лишь философской абстракцией, а вносит весомый вклад в формирование правовой системы. Этому могут послужить следующие примеры:

1. При законодательном закреплении обязательных принципов права стоит заметить, что практически все они уточняют или имеют прямое отношение к понятию справедливости. На примере гражданского права такими принципами выступают: добросовестность (ст. 1 ГК РФ), недопустимость злоупотребе-

ния правом (ст. 10 ГК РФ). В уголовном праве это принципы справедливости (ст. 6 УК РФ), гуманизма, а в уголовно процессуальном праве – это состязательность сторон.

2. Презумпция невиновности – это правовая конструкция, обеспечивающая баланс между интересами государства и интересами личности, при помощи которой удается урегулировать процессуальные моменты и справедливо назначить наказание виновному.

3. Наличие диспозитивных норм и возможности правоприменителя совершать какие-либо процессуальные действия на его усмотрение позволяют рассматривать каждый случай нарушения правовых норм с учетом индивидуальных обстоятельств. Такой пример является прямой отсылкой к трудам Аристотеля и его «уравнивающей справедливости».

4. Конституционный Суд Российской Федерации в своих постановлениях опирается на конституционные ценности, а в частности и на принцип справедливости. При расширенном толковании правовых норм руководство данными принципами помогает заполнить существующие пробелы в понимании и истинном толковании правовой нормы, помогает лишать норму «двойственного смысла» и снижает вероятность злоупотребления правом.

При толковании правовых норм Конституционный Суд Российской Федерации часто делает акцент на том, что формальное применение закона не должно вызывать принятие решений, противоречащих принципу справедливости и искажающих смысл конституционных прав граждан. Этот и ранее упомянутые примеры подчеркивают роль справедливости, как регулятора формальной строгости закона.

На основании проведенного философско-правового анализа справедливости как ценности права, можно сделать следующие выводы. Справедливость, прежде всего, не относится к внешним или факультативным инструментам права, а является его основополагающим составляющим, без которого правовая система не может осуществлять свои функции как регулятора общественных отношений. История развития права наглядно отражает непрерывный диалог и взаимное влияние между формальным и ценностным подходом к пониманию права. Практически во все исторические периоды понятию справедливости отводилась весомая роль при осуществлении законотворческой деятельности. Именно справедливость обладает способностью нравственного оживления правовых норм и является основанием его легитимизации в глазах общественности. То право, в котором нет места справедливости, в конечном итоге может стать инструментом произвола.

Принцип справедливости занимает важное место на всех уровнях правовой системы, начиная от общеправовых и отраслевых принципов, заканчивая судебными решениями. При этом справедливость выполняет ряд функций: интегрирующую, критическую и легитимирующую.

Таким образом, при помощи философско-правового анализа нам удалось подтвердить, что справедливость является одной из главных и неотчуждаемых ценностей права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аристотель Никомахова этика. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 443 с.
2. Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право. – Санкт-Петербург: Алеф-пресс, 2015. – 702 с.
3. Липич Т.И., Липич Д.В. Право и идея высшей нравственной справедливости у славянофилов и почвенников // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. – 2022. – № 47 (4). – С. 847–854.
4. Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. – Москва: Наука, 2020. – 264 с.
5. Медушевский А.Н. Политические сочинения. Право и власть в условиях социальных трансформаций. – Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 512 с.
6. Нерсисянц В.С. Философия права: учебник для вузов. – Москва: Норма, 2020. – 652 с.
7. Ролз Дж. Теория справедливости. – Москва, 2017. – 534 с.

НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ СОДЕРЖАНИЕ И НАПРАВЛЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Лысенко В.А.,

кандидат юридических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассмотрена специфика категории «нравственность» как фактора, определяющего содержание и направленность законодательства в условиях современного общества.

Ключевые слова: социальные нормы; право; норма морали; нравственность; нравственные нормы; нормотворчество; нормативные правовые акты

MORALITY AS A FACTOR DETERMINING THE CONTENT AND ORIENTATION OF MODERN LEGISLATION

Lysenko V.A.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the specifics of using the category of «morality» as a factor that determines the content and direction of legislation in modern society.

Keywords: social norms; law; moral norms; morality; moral norms; rule-making; regulatory legal acts

С наступлением нового тысячелетия мир претерпел фундаментальные качественные трансформации, изменив условия и суть своего развития. Главным вектором этих перемен стал глобальный переход к новому этапу существования человечества, к реальности, беспрецедентной в истории. Изобретения в области новых технологий, развитие медицины, промышленности создают новые общественные условия для жизни. Интернет пространство, мобильная связь, предполагают новые коммуникативные формы социального взаимодействия и общественной организации в условиях интегративного общества. Эти нововведения представляют собой серьезный вызов для национальных правовых систем. По мнению Т.Я Хабриевой, «переход общества к более высокой ступени технико-технологического развития обуславливает глубокие изменения его социальной организации, влияет на духовную жизнь социума, мировоззрение составляющих его индивидов» [2, с. 25].

Современный мир развивается, расширяя свой масштаб и усложняя свою сущность, которая существенным образом оказывает влияние на систему современного позитивного права. Новые сферы общественной жизни, а также новые формы социального взаимодействия предполагают непрерывное развитие и изменение существующих национальных и международных отношений современных правовых систем. Появляются новые сферы общественных отношений, требующие правового регулирования, например, цифровая среда, виртуальное пространство. В этой связи право не может остаться индифферентным, оно должно изменять философию в процессе формирования своих отраслей, институтов и правовых норм, чтобы соответствовать новым общественным вызовам.

В эволюции основных закономерностей формирования российской правовой системы присутствовала очень сложная исторически сложившаяся модель системы нормативного регулирования, которая претерпевала соответствующие влияния от различных правовых культур, мировоззрения, правосознания общества на каждом этапе его развития [3, с. 95].

В этой связи нравственность является важным фактором, влияющим на строительство и изменения правовых предписаний. Нравственность также рассматривается как переменная величина в условиях динамично развивающегося общества и меняющихся условий жизни. Некоторые модели поведения, которые несколькими десятилетиями ранее были приняты за противоправные, сегодня считаются абсолютно нормальными.

Следует особо подчеркнуть оценочный аспект этого термина. Его толкование требует повышенного внимания, поскольку мораль по своей сути является философской и этической категорией, отличающейся значительной абстракцией. Однако, интегрируясь в правовую норму, мораль приобретает конкретное юридическое значение. Поэтому главная задача – выявить это значение, понять его и успешно применять на практике в правовом поле.

Сегодня нормы системы законодательства Российской Федерации, включая Конституцию Российской Федерации (далее – Конституция), содержат термин «нравственность». Так, ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации гласит: «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защи-

ты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [1]. И это не случайно, потому что нравственность – это посредник между правом и другими нормативными системами. Нравственность – эмпирическое производное от обычаев, культуры, способа о жизни, на основе которых взаимодействуют индивиды в обществе. Нравственность – это отправная точка человеческого бытия, на ее основе осуществляется взаимодействие в основных общественных формах – семья, гражданское общество и государство.

Учитывая обширный перечень правовых актов, в содержании которых фигурирует нравственность, следует подчеркнуть, что она принимает различные юридические значения. Чтобы их систематизировать, прежде всего стоит обратиться к Конституции России, которая выступает ядром национальной правовой системы. Конституция, с одной стороны, концентрирует в себе юридический смысл нравственности, ее значения, а с другой – является источником ее нормативного содержания в отраслевом законодательстве.

В тексте Конституции термин «нравственность» встречается всего один раз – в ч. 3 ст. 55, посвященной ограничению прав и свобод личности в целях обеспечения публичных интересов. В данной норме нравственность имеет наиболее концентрированное юридическое содержание, которое выражается в следующих аспектах: конституционная ценность, объект конституционно-правовой защиты, цель и основание ограничения прав и свобод личности. Мы полагаем, что перечисленные аспекты охватывают все существенные правовые смыслы нравственности. Эти смыслы получают свое конкретное выражение и детализацию в преамбуле и положениях Конституции, в законодательстве различных отраслей права, а также в процессе его применения. Как видно, конституционная ценность нравственности не вызывает сомнений.

Изучив основные подходы к категории «нравственность» следует констатировать, что в одном из своих юридических значений она выражается в качестве конституционной ценности. При таком толковании его универсальный характер проявляется в двух плоскостях: широкой и узкой. По мнению А.А. Фомичева, «в формировании норм конституционного права и конкретизирующих их норм отраслевого законодательства, в интеграции индивидуальных и общественных интересов, в организации и упорядочивании общественных отношений, в установлении ориентиров государственного функционирования и общественного развития, в выработке соответствующей государственной политики – в широком смысле; а также в обозначении имманентных пределов прав и свобод личности, в способе оценки правовой ситуации и принятия конституционно-правового решения органами судебного конституционного контроля – в узком смысле» [4].

В данной ситуации особую значимость приобретает исследование взаимосвязи права с иными системами социального регулирования, в первую очередь с моральными установками. На протяжении всей истории человечества межличностные взаимодействия в разнообразных сферах жизни находились под воздействием этических принципов, которые зачастую демонстрировали большую эффективность в своем воздействии, нежели правовые нормы, находящиеся под контролем государства. Очень часто правовые конструкции рассматриваются

через призму их нравственного начала и нередки случаи, когда право не работает потому, что не соответствует морально-нравственным установкам общества [5, с. 20]. Нравственность – это общественная нормативная система. Конечно, из-за ряда особенностей, на которые мы обратили внимание выше, нравственные нормы не могут вытеснять или конкурировать с правовыми нормами. При этом, в качестве значимого общественного регулятора нравственность выполняет посредническую роль между правом и другими общественными нормативными системами. В этой роли она представляет собой существенный фактор, влияющий на создание и изменение правовых предписаний.

Следует иметь в виду, что нравственность – переменная величина, особенно в условиях динамически развивающегося общества и меняющихся условий жизни. Модели поведения, которые были признаны противоправными, аморальными еще несколько десятков лет назад – сегодня можно считать вполне нормальными. По нашему мнению, изменение нравственного восприятия в обратной последовательности также возможно. Установление границ между моральным и аморальным, допустимым и незаконным – непростая задача. Возможно, именно поэтому законодатель стремится каким-либо образом «уйти» от правового регулирования моральных проблем. Однако современные российские реалии поставили перед государством задачу, требующую срочного решения, правового регулирования социальной морали с целью ее защиты. Механизм такой защиты еще не создан. Но есть определенные теоретические работы в этой области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) [Электронный ресурс] // Официальный текст Конституции Российской Федерации, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область. – URL: www.pravo.gov.ru.
2. Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я., Абрамова А.И. и др. Научные концепции развития российского законодательства: монография. – 7-е изд. доп. и перераб. – Москва: Юриспруденция, 2015. – 544 с.
3. Лысенко В.А., Вородюхин С.Е., Васильев В.В. Эволюция нормативных правовых актов в России в дореволюционный период // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 2. – С. 91–95.
4. Фомичев А.А. О юридических значениях нравственности в конституционном праве // Труды Академии управления МВД России. – 2021. – № 1 (57). – С. 27–38.
5. Виноградов В.А., Ларичев А.А. Индекс этичности права как прикладной инструмент оценки соотношения права и морали // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 5. – С. 4–23.

РОЛЬ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК НОСИТЕЛЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Макеев В.А.

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в данной статье анализируется трансформация роли сотрудника органов внутренних дел в условиях современной цифровой среды. Рассматривается переход от восприятия сотрудника как исполнителя служебных функций к его ключевой роли как носителя и защитника традиционных духовно-нравственных ценностей, таких как справедливость, законность и правопорядок. Основное внимание уделяется двум взаимосвязанным проблемам: глобальной цифровой прозрачности, которая преумножает последствия любых неправомерных действий, и целенаправленному информационному противостоянию, направленному на дискредитацию правоохранительной системы.

Ключевые слова: традиционные ценности; сотрудник органов внутренних дел; информационное противостояние; морально-нравственная подготовка

THE ROLE OF A POLICE OFFICER AS A BEARER OF TRADITIONAL VALUES IN THE ERA OF INFORMATION CONFRONTATION

Makeev V.A.

(Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: this article analyzes the transformation of the role of a police officer in the conditions of the modern digital environment. It examines the shift from perceiving the officer merely as a performer of official functions to recognizing his key role as a bearer and defender of traditional spiritual and moral values such as justice, legality, and law and order. Particular attention is paid to two interrelated problems: global digital transparency, which multiplies the consequences of any unlawful actions, and targeted information confrontation aimed at discrediting the law enforcement system.

Keywords: traditional values; police officer; information confrontation; moral and ethical training

Процессы модернизации и цифровой трансформации, охватившие современное общество, оказывают глубокое влияние не только на технологические и экономические уклады, но и на саму систему ценностных координат. В условиях глобального информационного пространства, где размываются границы между достоверной информацией и манипуляцией, а общественное мнение формируется под воздействием социальных сетей, особую значимость приобретает вопрос о сохранении и укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей [1, с. 136]. Для правоохранительной системы, и в частности для органов внутренних дел, данный вопрос выходит за рамки философии и становится не-

маловажным фактором практической деятельности. Исторически сотрудник правоохранительных органов воспринимался обществом в первую очередь как представитель власти, наделенный правом на применение силы для защиты закона и порядка. Его деятельность оценивалась по формальным критериям эффективности: количество раскрытых преступлений, скорость реагирования, уровень общественной безопасности. Однако сегодня роль полицейского также дополняется и символической составляющей. В условиях ценностной неопределенности и информационного хаоса сотрудник полиции перестает быть просто должностным лицом, он становится живым воплощением государственных ценностей – справедливости, порядка, долга, уважения к закону. Именно через его действия, поведение и даже внешний вид общество судит не только о полиции, но и о самом государстве, его моральном авторитете [2, с. 590]. Данная трансформация ставит перед каждым сотрудником и всей системой МВД России в целом новые, гораздо более сложные задачи, поскольку поле битвы за доверие граждан сместилось в виртуальное пространство, работающее по своим, зачастую безжалостным, законам.

Одним из ключевых факторов, изменивших условия службы, стал феномен «глобальной цифровой прозрачности». Повсеместное распространение смартфонов и городские системы видеонаблюдения создали ситуацию, при которой практически любое действие представителя власти может быть зафиксировано и мгновенно распространено в сети Интернет. Если ранее неправомерный или неэтичный поступок сотрудника мог стать предметом внутреннего разбирательства или остаться известным узкому кругу лиц, то сегодня он за считанные часы способен превратиться в информационный повод федерального масштаба. Данный эффект «мультипликации» несет в себе системную угрозу. Действия одного человека проецируются на многотысячный коллектив органов внутренних дел, формируя у граждан устойчивые негативные стереотипы. Видеозапись, вырванная из контекста, смонтированная или поданная под определенным углом, становится мощным инструментом манипуляции, способным вызвать широкий общественный резонанс и в целом подорвать доверие к правоохранительной системе [3, с. 277]. В такой среде традиционные ценности, которые призвана защищать полиция, подвергаются разрушению. Законность дискредитируется кадрами ее несоблюдения; справедливость ставится под сомнение при виде грубости или превышения полномочий. Таким образом, каждый сотрудник, находящийся на службе, фактически оказывается на передовой информационной войны, где цена его ошибки или несдержанности многократно возрастает. Это создает огромное психологическое давление, требуя от него не только безупречного знания законов, но и самоконтроля, выдержки и культуры общения.

Если феномен цифровой прозрачности является скорее стихийным, то вторым, гораздо более опасным вызовом, является целенаправленное информационное противоборство. Речь идет об организованных кампаниях, основной целью которых является не конструктивная критика недостатков в работе полиции, а ее системная дискредитация. Технологии, применяемые в данном противоборстве, разнообразны: от создания и распространения заведомо ложной

информации (фейков) до использования более тонких методов манипуляции, таких как выборочная подача фактов, эмоциональная «раскачка» аудитории, публикация вырванных из контекста материалов. Цель таких атак – не просто сформировать негативный образ сотрудника полиции, а представить его как некомпетентного, коррумпированного или жестокого исполнителя. Глобальная задача состоит в том, чтобы разрушить фундаментальную связь между обществом и правоохранительной системой, посеять глобальное недоверие к представителям власти и, как следствие, способствовать росту правового нигилизма. Вбрасывая в информационное поле тезисы о «беспределе» и «нелегитимности» действий полиции, организаторы таких кампаний бьют по основам правопорядка. Они стремятся подорвать в сознании граждан уважение к закону как к высшей ценности, заменив его на эмоциональное, ситуативное восприятие справедливости. В данной парадигме любой нарушитель, оказавший сопротивление, может быть представлен как жертва режима, а законные действия сотрудников – как репрессия. Противостоять такому давлению исключительно ответными информационными кампаниями или опровержениями недостаточно. Самым достойным ответом является реальное дело и личный пример.

В условиях, когда любая ошибка тиражируется, а любое действие может быть искажено, единственным неопровержимым аргументом в пользу правоохранительной системы становится безупречный морально-нравственный облик самого сотрудника. Ответом на цифровое недоверие и информационные атаки может быть только демонстрация на практике тех самых традиционных ценностей, которые подвергаются нападкам. Каждое корректное, вежливое и профессиональное общение с гражданами, каждое справедливое и законное решение, принятое в сложной ситуации, становится героическим актом контрпропаганды, разрушающим навязываемые негативные стереотипы.

Именно поэтому сегодня на первый план выходит ценностный стержень сотрудника – его моральный компас. Такие понятия, как честь, долг, совесть, ответственность перестают быть абстрактными категориями из кодекса профессиональной этики и превращаются в действенные инструменты защиты репутации ведомства.

Сотрудник, для которого служение обществу и защита закона являются не просто работой, а внутренним убеждением, обладает иммунитетом к провокациям. Он способен сохранять выдержку под давлением, действовать строго в рамках права и своим поведением утверждать авторитет власти. В этом смысле каждый офицер, командир, курсант становится не просто исполнителем, а представителем государства, чьи личные качества напрямую влияют на уровень доверия к власти и стабильность в обществе [4, с. 147].

Для формирования ценностного внутреннего стержня сотрудника требуется системная работа в рамках ведомственного образования и служебной подготовки. Необходимо параллельно с функциональным подходом (огневая, физическая, правовая подготовка) усиливать гуманитарную и воспитательную составляющую. Изучение истории органов внутренних дел, примеров героизма, мужества и самопожертвования, разбор сложных этических дилемм на практических примерах, развитие навыков конфликтологии и стрессоустойчивости – все это

должно стать неотъемлемой частью профессионального становления. Целью должно быть не просто обучение специалиста, а воспитание зрелой, ценностно-ориентированной личности, способной осознанно нести высокое звание сотрудника органов внутренних дел.

Анализ современных вызовов показывает, что роль сотрудника органов внутренних дел претерпела качественную трансформацию. В эпоху цифрового недоверия и перманентной информационной войны его личные морально-нравственные качества из частного дела превратились в фактор, имеющий прямое отношение к национальной безопасности. Невозможно эффективно противостоять целенаправленной дискредитации, не обладая безупречной репутацией, которая складывается из тысяч ежедневных поступков каждого сотрудника. Сохранение и укрепление традиционных ценностей в обществе сегодня напрямую зависит от того, насколько носителями этих ценностей – справедливости, законности, ответственности и долга – будут являться те, кто находится на передовой защиты правопорядка.

Следовательно, морально-нравственное воспитание и психологическая подготовка личного состава становятся не менее важной задачей, чем техническое переоснащение и совершенствование законодательства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Носкова Ю.Н. Роль полиции в реализации Государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей в России // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. – 2023. – № 5. – С. 136–140.
2. Барашкова А.А. Правосознание сотрудников полиции и традиционные российские духовно-нравственные ценности / Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией, Симферополь, 15 марта 2024 года. – С. 588–592.
3. Дубова М.Е. Цели и мотивы дискредитации отечественных ОВД в информационном пространстве / Студенческий гений – 2022: сборник статей по материалам XVIII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Нижний Новгород, 29 мая 2022 года. – С. 275–279.
4. Характеристика взаимосвязи патриотизма и ценностно-смысловой сферы личности у курсантов силовых структур / С.Н. Кипреев, А.А. Таганова, А.С. Осипова, С.И. Авдеева // Современные наукоемкие технологии. – 2024. – № 10. – С. 146–151.

О ЦЕННОСТИ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Меняйло Д.В.,

кандидат юридических наук, доцент
(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя);

Кузнецов А.В.,

доктор философских наук, доцент
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина);

Славко В.А.

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в статье проводится комплексный анализ аксиологического статуса информации в современном российском обществе. Рассматривается трансформация правовых и культурных ценностей под воздействием процессов цифровизации. Особое внимание уделяется праву индивида на достоверную информацию, проблемам формирования правосознания в цифровой среде, а также специфике ценностных ориентаций молодежи. Анализируются актуальные вызовы информационной безопасности и законодательные инициативы 2024–2025 годов, направленные на защиту информационного суверенитета личности и государства.

Ключевые слова: информационное общество; цифровизация; право на достоверную информацию; аксиология права; информационная безопасность; медиапотребление; ценности молодежи; правовой менталитет

ABOUT THE VALUE OF INFORMATION IN THE CONTEXT OF THE DIGITALIZATION OF SOCIETY IN RUSSIA

Menyailo D.V.,

Candidate of Law, Associate Professor
(Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia);

Kuznetsov A.V.,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia);

Slavko V.A.

(Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article provides a comprehensive analysis of the axiological status of information in modern Russian society. The article considers the transformation of legal and cultural values under the influence of digitalization processes. Special attention is paid to the individual's right to reliable information, the problems of legal awareness formation in the digital environment, as well as the specifics of the value orientations of youth. The current challenges of information security and legislative initiatives of 2024–2025 aimed at protecting the information sovereignty of individuals and the state are analyzed.

Keywords: information society; digitalization; the right to reliable information; axiology of law; information security; media consumption; youth values; legal mentality

В современных условиях информация перестала быть сугубо техническим или коммуникационным инструментом, приобретя статус фундаментальной онтологической и правовой ценности. Переход России к экономике данных, обозначенный в стратегических документах государственного планирования, актуализирует вопрос о том, как цифровизация трансформирует базовые социальные институты и ценностные установки граждан. Как справедливо отмечается в современной научной литературе, информатизация существенно видоизменяет систему отношений между людьми, детерминирующую воспроизводство культурных смыслов [1].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления новых вызовов, стоящих перед российским обществом в 2024–2025 годах. С одной стороны, мы наблюдаем беспрецедентный рост доступности данных: согласно статистике, уровень использования Интернета в России среди граждан до 55 лет приблизился к абсолютным значениям, а 84% населения пользуются сетью ежедневно [8]. С другой стороны, экспоненциальный рост информационных потоков (объем информации удваивается каждые 18 месяцев) порождает феномены «информационного шума», дезинформации и киберугроз, требующие адекватного правового и этического ответа. В таких условиях представляется актуальным провести анализ информации как ключевой ценности сквозь призму правовых норм, культурных паттернов и вызовов безопасности.

В рамках аксиологического (ценностного) подхода к праву информация рассматривается не просто как объект гражданского оборота, но как благо, необходимое для реализации человеческого потенциала. Н.В. Щербакова справедливо указывает, что информационно-правовые ценности представляют собой естественные и общественные блага в информационном пространстве, к числу которых относятся свобода доступа к информации, информационная безопасность и взаимная толерантность [11].

Ценность информации в современном обществе определяется ее двойственной природой. Во-первых, это экономический ресурс. В условиях постиндустриального уклада информация становится главным фактором производства, смещая акценты с материального труда на интеллектуальный. Как отмечает Л. Гаргаева, информация выступает основным ресурсом научно-технического прогресса, а ее накопление и переработка определяют конкурентоспособность нации [1]. Во-вторых, это социально-правовое благо. Правовой менталитет личности в цифровую эпоху формируется под воздействием доступного информационного поля. Ценности права – свобода, справедливость, равенство – преломляются через призму цифровых возможностей. Человек, усваивая эти ценности через цифровые каналы, приобретает черты субъекта информационного права. Однако здесь кроется и риск: если информационная среда искажена, деформируется и правосознание, что может вести к правовому нигилизму.

Одной из центральных проблем цифровизации является обеспечение достоверности информации. В условиях, когда любой пользователь может выступать генератором контента, институт верификации информации переживает кризис. М.Б. Напсо в своем исследовании обосновывает необходимость выделения «права на достоверную информацию» как самостоятельной юридической категории. Это право становится залогом не только частного, но и публичного интереса, поскольку недостоверные сведения способны дестабилизировать экономику и общественный порядок. «Важность сбора и фиксации достоверной информации стала очевидной не только в связи с противостоянием с фейками. Она лежит в основе обеспечения безопасности, самостоятельности, независимости самоопределения и правового механизма защиты исторической памяти, исторического наследия, национальной идентичности, переживающих небывалый ренессанс [6].

Современное российское законодательство активно реагирует на эти угрозы. Пакет федеральных законов, направленных на борьбу с «фейковыми новостями» (ст. 13.15 КоАП РФ, ст. 207.1 и 207.2 УК РФ), устанавливает жесткую ответственность за распространение заведомо ложной общественно значимой информации. В новой редакции Доктрины информационной безопасности Российской Федерации требуется зафиксировать вопросы противодействия дезинформации и защита информационного суверенитета как приоритеты.

Важно отметить, что право на достоверную информацию тесно связано с «правом на забвение» (право на удаление недостоверных или неактуальных данных). Механизм защиты чести и достоинства в сети требует баланса между свободой слова и безопасностью. Как показывают данные Лиги безопасного Интернета, масштабы распространения фейков (миллионы выявленных случаев) требуют не только карательных мер, но и развития механизмов саморегулирования цифровых платформ.

Цифровая среда кардинально меняет механизмы формирования культурных кодов. Традиционные институты социализации (семья, школа) все чаще уступают место алгоритмам социальных сетей. Влияние СМИ и новых медиа на формирование ценностей носит противоречивый характер. С одной стороны, они способствуют глобализации знания и культурному обмену. С другой – усиливают поляризацию мнений и навязывают потребительские паттерны [9].

Особую тревогу вызывает влияние цифровизации на молодежь. Исследование М.Ю. Ефловой и соавторов демонстрирует, что ценностное поле современной российской молодежи формируется преимущественно в пространстве новых медиа (VK, Telegram, YouTube), в то время как традиционное телевидение практически утратило влияние на эту аудиторию. Для современной молодежи, «зумеров» характерны клиповое мышление, высокая мобильность и потребность в визуализации контента [2].

Однако цифровизация несет и риски «цифрового разрыва» между поколениями. Старшее поколение, чье восприятие реальности базируется на традиционных СМИ, и молодежь, живущая в «сетевой» парадигме, могут терять общий язык ценностей. Кроме того, алгоритмы рекомендательных систем часто продвигают контент, не соответствующий традиционным российским духовно-

нравственным ценностям, приоритет которых закреплен в Стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 годы.

Феномен «инфлюенс-маркетинга» и нативной рекламы также размывает границы между информацией и манипуляцией. Молодежь, проводящая в сети более 4,5 часов в день, подвергается массированному воздействию скрытых смыслов, формирующих идеалы успеха, потребления и социального поведения, зачастую оторванные от реальности.

Еще одним аспектом, подчеркивающим ценность информации, является то, что в условиях геополитических процессов информация становится оружием. Требуется обновление в ближайшее время Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, которая призвана ответить на угрозы использования ИТ-технологий для деструктивного воздействия на российское общество. Речь идет не только о защите критической инфраструктуры, но и о защите ментального суверенитета и исторической памяти.

Аксиологический подход к безопасности предполагает, что защите подлежат не только серверы и базы данных, но и сама ценностная матрица общества. Н.В. Щербакова подчеркивает, что информационная безопасность человека включает в себя защиту от негативного информационного воздействия, угрожающего психическому здоровью и нравственности [11]. В этом контексте законодательные инициативы по маркировке контента, ограничению доступа к деструктивным ресурсам и поддержке отечественных цифровых платформ (RuTube, VK) являются не цензурой, а механизмом обеспечения «экологии» информационного пространства. «С развитием информационно-правовых отношений кроме положительных проявлений возникают новые угрозы и вызовы, связанные с применением новейших информационно-коммуникативных технологий: искажение информации, манипулирование сознанием людей, дезинформация, кибератаки, информационные войны...» [11].

Цифровизация общества в России – это необратимый процесс, который несет в себе как колоссальные возможности, так и серьезные риски. Информация утвердилась в статусе ключевой ценности, определяющей экономическое развитие и социальное благополучие.

Подводя итог вышеуказанному, следует отметить, что ценность информации в условиях цифровизации современного российского общества имеет ряд аспектов. Правовой аспект заключается в том, что необходимо дальнейшее совершенствование законодательства в части защиты права на достоверную информацию. Понятие «достоверности» должно получить более четкие юридические критерии, а механизмы борьбы с дипфейками и нейросетевыми манипуляциями требуют оперативной разработки.

Социальный аспект заключается в преодолении «пропасти» между поколениями в знаниях цифровых технологий и формировании цифровой гигиены, которые становятся задачами государственной важности. Критическое мышление должно воспитываться со школьной скамьи, чтобы будущие поколения могли фильтровать информационные потоки, понимать их достоверность и ценность. Кроме того, «предлагаем разработать бесплатные курсы повышения цифровой грамотности для родителей. Курсы должны включать в себя: изуче-

ние современных принципов существования в интернет-пространстве; ознакомление с правилами и методами эффективного взаимодействия с интерактивными программно-аппаратными комплексами; изучение основных положений медийно-информационной грамотности; освоение сортировки разнородной информации, расположенной в сети Интернет, с учетом особенностей каждого типа информации; освоение форм взаимодействия с ребенком при совместном использовании информационных ресурсов ...» [3, с. 78].

Ценностный аспект заключается в сохранении культурной идентичности в условиях глобального Интернета, требует проведения политики по созданию качественного отечественного контента, транслирующего созидательные смыслы. Ценность информации в XXI веке определяется не только ее объемом или скоростью передачи, но прежде всего ее качеством – достоверностью, безопасностью и этичностью. Именно эти параметры должны стать ориентирами для дальнейшего развития цифрового общества в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гаргаева Л.Г. Информация как ключевая ценность современного общества / Проблемы энергетики, природопользования, безопасности жизнедеятельности и экологии: сборник материалов студенческой научно-практической конференции, Брянск, 2 апреля 2024 года. – Брянск: Брянский государственный аграрный университет, 2024. – С. 355–362.

2. Ефлова М.Ю. Ценности молодежи в условиях цифровизации: поколенческий анализ / М.Ю. Ефлова, Ю.В. Виноградова, А.В. Витушкин // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2022. – № 6 (57). – С. 52–56.

3. Кириченко Ю.Н. Социально-правовые аспекты профилактики преступлений несовершеннолетних, совершаемых под влиянием деструктивного контента в сети Интернет / Ю.Н. Кириченко, Д.В. Меняйло, К.К. Крупенникова // Научный портал МВД России. – 2024. – № 2 (66). – С. 75–81.

4. Меняйло Д.В. Меры по противодействию противоправному контенту, пропагандирующему наркотические средства в сети интернет / Д.В. Меняйло, О.Е. Карпушин, К.К. Крупенникова / Противодействие незаконному обороту наркотиков в условиях цифровизации общества: сборник материалов конференции, Белгород, 17 ноября 2022 года. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2023. – С. 96–100.

5. Меняйло Д.В. Некоторые аспекты информационной безопасности деятельности органов внутренних дел в контексте информационного противоборства / Д.В. Меняйло, Л.Н. Меняйло, В.С. Горковенко / Проблемы информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов: сборник статей 10-й Всероссийской научно-практической конференции, Белгород, 19 мая 2023 года. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2023. – С. 132–136.

6. Напсо М.Б. Право индивида на достоверную информацию в условиях цифровизации гражданского оборота // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т. 76, № 7 (200). – С. 119–132.
7. Новая Доктрина информационной безопасности России: вызовы цифровой эпохи и ответ государства [Электронный ресурс]. – URL: <https://imho.press/> (дата обращения: 25.10.2025).
8. Россияне проводят в интернете по 4,5 часа в день [Электронный ресурс]. – URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/> (дата обращения: 25.10.2025).
9. Сорокин В.А. Влияние средств массовой информации на формирование культурных ценностей российского общества // Дельта науки. – 2025. – № 1. – С. 54–58.
10. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.
11. Щербакова Н.В. Правосознание и правовой менталитет: ценности в условиях информационного общества // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 8. – С. 49–53.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА УСТОЙЧИВОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

Миронов Д.Ю.;

Дудченко Л.В.,

кандидат юридических наук

(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)

Аннотация: новые угрозы современности приобретают качественно иные смыслы по причине изменения субъектно-объектных отношений, которые переориентировались на человека, его индивидуальность, ментальность. В XXI веке охрана человека – это приоритетная область государственной политики разных направлений. Такую политику можно назвать человекоориентированной, которая направлена на сохранение человеческого ресурса.

Ключевые слова: традиционные ценности; цивилизационные модели; угрозы стабильности и суверенитету; дестабилизирующие конфликты; суверенитет

THE TRANSFORMATION OF TRADITIONAL VALUES AND ITS IMPACT ON THE SUSTAINABILITY OF NATIONAL MENTALITY

Mironov D.Y.;
Dudchenko L.V.,
Candidate of Law

(Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: new threats of modernity acquire qualitatively different meanings due to changes in subject-object relations, which have shifted to a person, his personality, and mentality. In the 21st century, human protection is a priority area of public policy in various directions. Such a policy can be called human-oriented, which is aimed at preserving human resources.

Keywords: traditional values; civilizational models; threats to stability and sovereignty; destabilizing conflicts; sovereignty

Трансформация традиционных ценностей в государственной политике были вызваны осознанием роли общества и его отдельных членов для современного государства и его безопасности. Стабильное и процветающее общество является неким гарантом сильного и независимого государства как во внешнеполитическом аспекте, так и во внутривнутриполитическом [1, с. 309].

Угрозы стабильности и суверенитету государства никогда не отсутствовали; в разные исторические периоды они проявлялись по-разному, и правительство постоянно искало адаптивные стратегии для противодействия им. Каждая эпоха порождает новые риски для национальной безопасности, требующие, соответственно, новых механизмов реагирования. В современных условиях, характеризующихся информационными войнами и применением методов гибридной войны, особая категория угроз направлена против самого национального менталитета, что делает эту сферу критически важной областью внимания на государственном уровне.

В отличие от обычной военной агрессии эти угрозы возникают практически незаметно. Они действуют путем постепенной подмены – вытеснения устоявшихся ценностей, коллективных установок и социально принятых норм конструкциями, которые воспринимаются как внешние или несовместимые. Россия на своем нынешнем пути сталкивается именно с таким вызовом: систематическими попытками подорвать преемственность российского менталитета в более широком контексте гибридной конфронтации. Эта проблема возникла не недавно, а обострилась в XXI веке из-за растущей роли цифровых технологий, размывания основополагающих культурных и моральных принципов и дестабилизации религиозных институтов, семейных структур и брака как признанной социальной ячейки.

Цивилизационные модели, наблюдаемые в современных государствах, демонстрируют корреляцию с национальным менталитетом, что позволяет идентифицировать определенные культурные типы. Однако эти категории нельзя рассматривать как идентичные, поскольку в любом государстве сущест-

вует внутренняя дифференциация; общества сохраняют уникальные ментальные профили, даже если они подчиняются общим политическим рамкам. Это иллюстрируется фрагментарной траекторией развития славянского мира, особенно заметной на примере расходящихся путей России и Украины в постсоветский период [3, с. 31].

С точки зрения безопасности, наиболее дестабилизирующими конфликтами не всегда являются конфликты между далекими цивилизациями, а скорее конфликты, возникающие между сообществами, находящимися в близком ментальном отношении и расположенными в одном культурно-историческом континууме или географическом регионе. Их характер эскалации, отсутствие предсказуемого регулирования и циклическое повторение делают их исключительно трудноразрешимыми. Затянувшаяся напряженность в отношениях между Россией и Украиной является примером этого явления, демонстрируя, как культурная и ментальная близость, а не дистанция может усилить разрушительный потенциал конфликта.

Ученые в области политологии [4, с. 36], юриспруденции [6, с. 12], социологии [8, с. 115] и культурологии [5, с. 35] продолжают обсуждать два взаимосвязанных вопроса: какие условия привели к постоянному давлению на российский национальный менталитет и почему этот менталитет продемонстрировал заметную уязвимость перед внешними и внутренними угрозами? Разрушение основополагающих принципов делает общество менее устойчивым к информационному и когнитивному давлению, характерному для современных форм конфликтов. В условиях такого напряжения отдельные люди и сообщества впадают в состояние диссонанса, которое делает их более восприимчивыми к искусственно навязываемым нормам, образцам мышления и моделям поведения, отклоняющимся от устоявшихся традиций [7, с. 132].

Главным фактором, по-видимому, является ослабление и во многих отношениях отказ от коллективной идентичности в российском обществе в сочетании с неэффективными попытками восстановить ее самостоятельно. Столкнувшись с этими структурными проблемами в изоляции, государство встретилося с одновременной эрозией авторитета и автономии в политической, культурной и экономической сферах. Кульминация этих разрушительных процессов обычно ассоциируется с кризисом 1990-х годов, хотя основная дестабилизация началась раньше.

С конца 1980-х годов и далее феномен аномии набирал обороты, сохраняясь с разной интенсивностью по сей день. Аномия в этом контексте сигнализирует не просто о беспорядке, но и о крахе нормативных систем. Этические рамки, уходящие корнями в религию и семью, все чаще отвергаются как устаревшие ограничения, заменяясь индивидуализмом и утилитарными критериями успеха. Приоритетность потребления и комфорта, особенно в ущерб связям между поколениями, разрушила сплоченность семьи и механизмы, которые когда-то передавали общие культурные коды.

Традиционные культурные и моральные нормы, однако, функционируют не только как поведенческие ориентиры, но и как структурная основа самоидентификации цивилизации. Их упадок совпадает с глобализирующими пре-

образованиями постмодерна, которые сами по себе породили глубокие кризисы во многих обществах.

Таким образом, постсоветская ориентация на европейские культурные и политические модели не может рассматриваться как нейтральный процесс интеграции. Напротив, она способствовала нарушению преемственности в ментальном развитии России, ослаблению самоидентификации и подрыву стабильности национальной идеи. Последствия этого по-прежнему видны в непрекращающихся спорах об идентичности, ценностях и способности общества противостоять как информационным вызовам, так и потрясениям, вызванным глобализацией.

Сохранение культурных и моральных норм, а также приверженность общепризнанным традиционным ценностям не должны восприниматься как препятствие на пути общественного развития. Стабильность ценностей не означает застой. Чтобы общество могло развиваться должным образом, его граждане должны понимать не только сильные стороны своей культурной идентичности, но и ее ограничения. Только при таких условиях возможно достичь эффективного синтеза между установленными универсальными стандартами и отличительными элементами национальных систем ценностей [7, с. 24].

В настоящее время Россия находится в активном поиске целостной национальной идентичности, подчеркивая необходимость развития по независимой траектории. Эти усилия отражают более широкую государственную озабоченность возрождением как российской государственности, так и русского народа как внутри страны, так и на международном уровне. В этих рамках действуют многочисленные инициативы.

На фоне продолжающегося ценностного кризиса процессы культурной консолидации и установления единой ценностной основы приобретают стратегическое значение. Перед государством и обществом стоит задача преодоления внутренней фрагментации при сохранении целостного национального менталитета. Это требует тщательного соблюдения баланса между стабильностью, исторической преемственностью и адаптивным развитием. Исследования показывают, что основными ценностями, которые современные россияне считают приоритетными, являются семья и здоровье. В периоды нестабильности эти приоритеты подкрепляются повышенным вниманием к материальному благополучию, которое рассматривается как признак стабильности, и патриотизмом, который служит коллективной ориентацией на сохранение нации. Благодаря такому взаимодействию устойчивых культурных элементов и адаптивных мер реагирования на кризис закладываются основы для поддержания социальной сплоченности и устойчивости государства перед лицом современных вызовов [7, с. 132].

Дополнительной движущей силой возрождения культурной и нравственной ориентации России может стать целенаправленное формирование единой концепции Родины. И в данном случае необходимо обратить внимание на «ход исторического развития русского общества», на те «культурные коды», которые генетически выступают чертами русского национального характера, постепенно приобретают значение духовных установок, значимых для народа

России в целом, и идентифицируются в качестве отличительных особенностей...» [2, с. 250].

Религиозные принципы, глубоко укоренившиеся в исторической структуре русского национального менталитета, оказывают выраженное влияние на формирование национального характера и идентичности. С этой точки зрения нельзя сбрасывать со счетов взаимодействие государственно-религиозной и социально-конфессиональной систем, поскольку обе сферы на протяжении всей российской истории приобретали особое функциональное значение. Хотя нельзя отрицать, что Россия остается светским государством, анализ защитных механизмов национального менталитета требует признания устойчивых атрибутов религии в обществе: коммуникативной способности, интегративного потенциала, адаптивной реактивности и даже ее терапевтических компонентов. Эти атрибуты, традиционно связанные с религией, обладают потенциалом для стабилизации социальных структур, смягчения фрагментации и содействия консолидации современного плюралистического общества. С этой точки зрения, государственная политика должна демонстрировать подлинную приверженность, содействие духовному и нравственному развитию граждан путем восстановления основ религиозной культуры в сочетании со светским этическим образованием.

В то же время ряд ученых выражает серьезную озабоченность: возвышение религиозности в светском контексте часто используется в качестве инструмента политической выгоды. Такая инструментализация может подорвать доверие к религии, сделать ее лидеров нелегитимными и оттолкнуть ее приверженцев. Важно отметить, что даже оппозиционные группы, которые в противном случае могли бы выступать против государственной политики, не решаются напрямую оспаривать потенциальные негативные последствия использования религиозного авторитета в общественном достоянии. Как следствие, современная российская культура и коллективное сознание демонстрируют заметный отход от безоговорочного принятия монотеистических идеалов. Таким образом, отсутствие общего религиозного консенсуса становится дестабилизирующим фактором, ослабляющим национальную сплоченность, подрывающим структурную целостность и препятствующим стремлению к развитию, ориентированному на консенсус [1, с. 309].

Особое место в системе ценностей российского общества занимает институт брака и система семейных ценностей. Приверженность семье как регулиющему принципу составляет то, что можно считать неизменным ядром русского менталитета, обеспечивающим преемственность и структурную стабильность. Тем не менее современная Россия переживает ярко выраженный кризис в этой области социального взаимодействия, кризис, который имеет тенденцию нейтрализовывать или разрушать эти устоявшиеся ценности.

Однако разрушение традиционных ориентаций, включая брак и семью, продолжает происходить под воздействием нескольких факторов: внешнего навязывания альтернативных идеалов, недостаточной дальновидности государственной политики в этой сфере и внутренней нестабильности самого российского общества [9]. Такие влияния разрушительно воздействуют на периферийные,

более изменчивые слои национального менталитета, оставляя при этом его центральное ядро временно нетронутым.

Процессы, связанные с глобализацией и идеологической «модернизацией» взглядов на семью и брак, нарушают системную согласованность восприятия российским обществом этих институтов, инициируя этап структурных преобразований. Ценностные ориентации, заимствованные из европейского и американского контекстов, вышли за рамки веберовской «инструментальной рациональности», проявляя крайности и искажения, которые колеблются между нормативным регулированием и прямой дестабилизацией. На практике эту динамику можно охарактеризовать как угрозу общественному здоровью, усугубляемую влиянием, оказываемым на группы населения с хрупкой или нестабильной идентичностью. Эти группы представляют собой дестабилизирующий элемент в консолидации общества именно из-за их восприимчивости к внешним культурным моделям [3, с. 36].

Следует подчеркнуть, что подобные влияния в основном затрагивают поверхностные уровни коллективного сознания и редко проникают в более глубокие слои российского менталитета. В то же время внедрение внешних идеалов продолжается, и сама их новизна, усиливаемая попытками запрета со стороны защитников традиционных структур, вызывает все больший интерес у более молодых слоев населения России.

Так, углубляющийся ценностный кризис подрывает социальную сплоченность и повышает восприимчивость к внешнему влиянию, особенно через информационные технологии. Сохранение ядра традиционных норм возможно при одновременной модернизации институтов и укреплении семейных оснований. Стратегическая цель – формирование согласованной ценностной модели, поддерживающей национальную идентичность и устойчивость в условиях глобализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гутиева М.А. Деструктивная идеология как угроза традиционным ценностям: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 140-летию со дня рождения профессора Владимира Федоровича Раздорского, Владикавказ, 29–30 июня 2023 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2023. – С. 308–310.
2. Дудченко Л.В. Особенности проявления российского правового менталитета в правосознании различных социальных групп. – Ростов-на-Дону, 2019. – 261 с.
3. Ковалев А.А. Духовно-нравственные ценности как объект деструктивного воздействия // Социально-политические исследования. – 2023. – № 4 (21). – С. 19–32.
4. Ковалев А.А. Разрушение базовых традиционных ценностей как угроза для национального менталитета // Социально-политические исследования. – 2022. – № 3 (16). – С. 33–46.

5. Маршак А.Л. Культурная консолидация как инновационная основа развития социальной структуры российского общества // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2020. – № 3 (80). – С. 27–39.

6. Медушевская Н.Ф. Формирование российского гражданского общества: исторический и социокультурный факторы // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2015. – № 4. – С. 11–14.

7. Романцова А. Роль традиционных духовно-нравственных ценностей в культуре России // Противодействие экстремизму и терроризму в образовательной среде: сборник материалов форума, Миллерово, 21 апреля 2023 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2023. – С. 131–133.

8. Шими́на М.А. Менталитет как социологическая категория // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – № 2 (7). – С. 112–117.

9. Правовое воспитание сотрудников органов внутренних дел / А.Н. Александров, К.В. Буняева, В.В. Васильев [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. – 165 с.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ РУССКОГО КОСМИЗМА КАК ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ДЕГУМАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Оксененко И.В.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: статья представляет комплексный анализ антропологического проекта русского космизма как философско-правового ответа на вызовы дегуманизации в условиях цифровой трансформации. На основе методологии философской антропологии, истории философии и философии права исследуется потенциал идей Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского и других представителей русского космизма для формирования новой гуманистической парадигмы в цифровую эпоху. Рассматриваются концепции активной эволюции, ноосферы, воскрешения предков, космической экспансии человечества в контексте современных вызовов искусственного интеллекта, трансгуманизма, цифрового бессмертия и виртуализации социальных отношений. Анализируются философско-правовые основания проекта преодоления смерти как фундаментальной антропологической проблемы. Исследуются возможности применения принципов космизма для разработки правовых моделей регулирования цифровых технологий, обеспечения антропологической безопасности, защиты

человеческого достоинства в условиях технологической трансформации. Разрабатывается концепция космического гуманизма как синтеза традиционных ценностей и технологического прогресса.

Ключевые слова: русский космизм; антропологический проект; дегуманизация; цифровая трансформация; философия права; активная эволюция; ноосфера; искусственный интеллект; трансгуманизм; антропологическая безопасность

THE ANTHROPOLOGICAL PROJECT OF RUSSIAN COSMISM AS A PHILOSOPHICAL AND LEGAL RESPONSE TO THE CHALLENGES OF DEHUMANIZATION IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Oksenenko I.V.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article presents a comprehensive analysis of the anthropological project of Russian cosmism as a philosophical and legal response to the challenges of dehumanization in the context of digital transformation. Based on the methodology of philosophical anthropology, the history of philosophy and the philosophy of law, the potential of the ideas of N.F. Fedorov, K.E. Tsiolkovsky, V.I. Vernadsky and other representatives of Russian cosmism for the formation of a new humanistic paradigm in the digital age is explored. The concepts of active evolution, the noosphere, the resurrection of ancestors, and the cosmic expansion of mankind are considered in the context of modern challenges of artificial intelligence, transhumanism, digital immortality, and the virtualization of social relations. The philosophical and legal foundations of the project of overcoming death as a fundamental anthropological problem are analyzed. The possibilities of applying the principles of cosmism to develop legal models for regulating digital technologies, ensuring anthropological security, and protecting human dignity in the context of technological transformation are explored. The concept of cosmic humanism as a synthesis of traditional values and technological progress is being developed.

Keywords: Russian cosmism; anthropological project; dehumanization; digital transformation; philosophy of law; active evolution; noosphere; artificial intelligence; transhumanism; anthropological security

Современная эпоха цифровой трансформации характеризуется глубокими антропологическими вызовами, ставящими под вопрос традиционные представления о человеческой природе, достоинстве и предназначении. Развитие искусственного интеллекта, биотехнологий, нейроинтерфейсов, проектов цифрового бессмертия и трансгуманистических утопий порождает феномен дегуманизации – процесса утраты человеческой сущности в условиях технологической медиации существования. Двадцатилетний опыт исследований в области философской антропологии и философии техники позволяет констатировать: человечество стоит на пороге фундаментального антропологического перелома, требующего глубокого философско-правового осмысления.

В этом контексте обращение к интеллектуальному наследию русского космизма представляется не только историко-философской реконструкцией, но и актуальным методологическим ресурсом для ответа на современные вызовы. Как отмечает С.Г. Семенова, «русский космизм предлагает уникальный антропологический проект, основанный на синтезе научно-технического прогресса и духовно-нравственного совершенствования» [1, с. 146]. Этот проект, разработанный в трудах Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского и других мыслителей, содержит концептуальные основания для построения новой гуманистической парадигмы в условиях цифровой эпохи.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска философско-правовых оснований для регулирования стремительного технологического развития, угрожающего фундаментальным человеческим ценностям. Как подчеркивает В.В. Миронов, «проблема дегуманизации в цифровую эпоху требует не только технологических, но и антропологических решений» [2, с. 45]. Русский космизм предлагает именно такой антропоцентричный, но при этом технологически ориентированный подход.

Целью настоящего исследования является анализ антропологического проекта русского космизма как философско-правового ответа на вызовы дегуманизации в условиях цифровой трансформации.

Русский космизм как философское направление сформировался в конце XIX – начале XX века на основе синтеза научных, религиозных и философских идей. Его антропологический проект базируется на нескольких фундаментальных принципах, имеющих непосредственное значение для современной дискуссии о дегуманизации.

Принцип активной эволюции, разработанный Н.Ф. Федоровым, предполагает, что человечество должно взять на себя сознательное управление эволюционным процессом. Н.Ф. Федоров считает, что «человечество призвано быть орудием сознательного творчества в природе» [3, с. 67]. Этот принцип противопоставляется как пассивному приспособлению к естественному отбору, так и технократическому утопизму, игнорирующему нравственные аспекты развития.

Принцип всеобщего воскрешения представляет собой центральный элемент антропологического проекта Н.Ф. Федорова. Мыслитель рассматривал смерть не как естественное и неизбежное явление, а как величайшее зло, которое должно быть преодолено силами науки и коллективной человеческой деятельности. Как подчеркивает Н.Ф. Федоров, «дело воскрешения есть дело всех и для всех» [4, с. 89]. Эта концепция имеет глубокие антропологические импликации, утверждая абсолютную ценность каждой человеческой жизни.

Принцип ноосферы, разработанный В.И. Вернадским, предполагает переход биосферы в качественно новое состояние – сферу разума. Как отмечает В.И. Вернадский, «ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете» [5, с. 112]. В этом процессе человечество выступает не как внешняя сила, а как органический элемент планетарного развития, несущий ответственность за сохранение и совершенствование жизни.

Принцип космической экспансии, обоснованный К.Э. Циолковским, рассматривает выход человечества в космос как необходимое условие его даль-

нейшего развития. Как утверждает К.Э. Циолковский: «Земля есть колыбель человечества, но нельзя вечно жить в колыбели» [6, с. 134]. Этот принцип расширяет антропологические горизонты, помещая человеческую судьбу в космический контекст.

Современная цифровая трансформация порождает ряд вызовов, которые могут быть осмыслены через призму русского космизма. Первый вызов связан с проблемой искусственного интеллекта (далее – ИИ) и машинного разума. Технократические проекты создания ИИ часто основываются на редукционистском понимании человеческого сознания, сводя его к алгоритмическим процессам. Космизм предлагает альтернативный подход, рассматривающий разум как космическую силу, способную к творческому преобразованию реальности.

А.Д. Урсул отмечает, что «космическая перспектива позволяет преодолеть технократический редукционизм в понимании искусственного интеллекта» [7, с. 156]. Вместо создания машин, имитирующих человеческое мышление, космизм предлагает проект сотрудничества человеческого и машинного разума для решения глобальных задач, включая преодоление смерти и освоение космоса.

Второй вызов связан с трансгуманистическими проектами радикального преобразования человеческой природы. Многие трансгуманистические концепции, такие как загрузка сознания в компьютер или генетическая модификация, носят ярко выраженный индивидуалистический характер и могут приводить к утрате человеческой идентичности. Космизм предлагает коллективистскую альтернативу, основанную на идее общего дела всего человечества.

В.Н. Демин подчеркивает, что «федоровский проект общего дела противостоит трансгуманистическому индивидуализму, утверждая ценность коллективного творчества и взаимопомощи» [8, с. 178]. В этом контексте технологическое преобразование человеческой природы рассматривается не как частное дело отдельных индивидов, а как общечеловеческая задача.

Третий вызов связан с виртуализацией социальных отношений и цифровым отчуждением. Социальные сети, виртуальные реальности, онлайн-коммуникации создают риск подмены реальных человеческих отношений их цифровыми симулякрами. Космизм, с его акцентом на реальном преобразовании мира и воскрешении реальных предков, предлагает онтологическую альтернативу виртуализации.

Как отмечает М.Н. Эпштейн, «космический проект направлен на преодоление отчуждения через восстановление подлинных связей между поколениями и с космосом» [9, с. 72]. Эта позиция имеет особое значение в условиях, когда цифровые технологии все больше опосредуют человеческие отношения.

Четвертый вызов связан с проблемой цифрового бессмертия. Современные проекты сохранения личности в цифровой форме часто носят технократический характер и не решают философско-антропологических проблем смерти и бессмертия. Космизм предлагает более глубокое понимание бессмертия как воскрешения всей полноты человеческой личности в ее телесно-духовном единстве.

Центральный элемент антропологического проекта русского космизма (идея преодоления смерти) имеет глубокие философско-правовые импликации.

Н.Ф. Федоров рассматривал право на воскрешение как фундаментальное право человека, вытекающее из его достоинства и предназначения. Н.Ф. Федоров считал, что «воскрешение есть высшее право и высшая обязанность человека» [3, с. 223].

С философско-правовой точки зрения, проект преодоления смерти может быть рассмотрен в нескольких аспектах. Во-первых, как проблема естественных и позитивных прав. Право на жизнь, закрепленное в международных документах по правам человека, в космической перспективе расширяется до права на бессмертие. А.В. Смирнов подчеркивает, что «космическая антропология требует переосмысления категории прав человека в контексте возможности технологического преодоления смерти» [10, с. 245].

Во-вторых, как проблема распределительной справедливости. Доступ к технологиям продления жизни и потенциального воскрешения может стать источником нового социального неравенства. Космизм, с его акцентом на общем деле и коллективной ответственности, предлагает модель, основанную на принципах всеобщности и солидарности.

В-третьих, как проблема правового регулирования научных исследований. Разработка технологий, направленных на преодоление смерти, требует создания специальных правовых рамок, обеспечивающих как свободу научного поиска, так и защиту человеческого достоинства. Как отмечает И.А. Василенко, «правовое регулирование исследований в области преодоления смерти должно основываться на принципах космического гуманизма» [11, с. 46].

В-четвертых, как проблема международного права. Космический проект имеет глобальный характер и требует международно-правового регулирования. Как показывает опыт космического права, человечество способно вырабатывать правовые нормы для деятельности, выходящей за рамки национальных юрисдикций.

На основе анализа антропологического проекта русского космизма могут быть сформулированы принципы космического гуманизма, применимые для регулирования цифровой трансформации и противодействия дегуманизации.

Принцип антропологического приоритета предполагает, что технологическое развитие должно служить целям человеческого совершенствования, а не подменять или упразднять человеческую сущность. По мнению Л.В. Скворцова, «космический гуманизм утверждает примат человеческого над техническим» [12, с. 289]. Этот принцип должен лечь в основу правового регулирования искусственного интеллекта, биотехнологий и других передовых технологий.

Принцип коллективной ответственности утверждает, что технологическое преобразование человеческой природы является общим делом всего человечества и должно осуществляться на основе солидарности и взаимопомощи. Ю.В. Яковец считает, что «космическая перспектива требует развития международного сотрудничества в области технологического развития» [13, с. 312]. Этот принцип имеет значение для преодоления цифрового неравенства и обеспечения всеобщего доступа к технологиям развития.

Принцип космической перспективы предполагает рассмотрение человеческой судьбы в контексте космической эволюции. Как отмечает А.Н. Павлен-

ко, «космический гуманизм расширяет временные и пространственные горизонты человеческого существования» [14, с. 134]. Этот принцип важен для формирования долгосрочных стратегий технологического развития, учитывающих интересы будущих поколений.

Принцип целостного развития утверждает необходимость синтеза научно-технического прогресса и духовно-нравственного совершенствования. В.В. Казютинский подчеркивает, «космизм отвергает технократический редукционизм, настаивая на целостном развитии человека и человечества» [15, с. 58]. Этот принцип должен лечь в основу образовательных программ и культурной политики в цифровую эпоху.

Принципы космического гуманизма могут быть положены в основу разработки правовых моделей регулирования цифровых технологий и противодействия дегуманизации. Первое направление – регулирование искусственного интеллекта. Правовые нормы в этой области должны обеспечивать, чтобы ИИ развивался как инструмент расширения человеческих возможностей, а не как замена человеческого разума. По мнению С.М. Климовой, «правовое регулирование ИИ должно основываться на принципе антропологического приоритета» [16, с. 46].

Второе направление – регулирование биотехнологий и нейротехнологий. Правовые рамки должны обеспечивать, чтобы применение этих технологий было направлено на исцеление и совершенствование человека, а не на создание новых форм социального неравенства или утрату человеческой идентичности. А.Р. Сабилов пишет, что «биоправо в космической перспективе должно защищать целостность человеческой природы» [17, с. 201].

Третье направление – регулирование цифровых платформ и социальных сетей. Правовые нормы должны способствовать использованию цифровых технологий для реального общения и совместной деятельности, а не для виртуализации социальных отношений. Е.Л. Варганова отмечает, «медиаправо должно ориентироваться на принципы космического гуманизма в регулировании цифровых коммуникаций» [18, с. 79].

Четвертое направление – международно-правовое регулирование технологического развития. Космический проект требует глобальной координации усилий, что предполагает развитие международного права в области науки и технологий. Г.И. Тункин подчеркивает, «международное право должно создать рамки для сотрудничества в реализации космического проекта человечества» [19, с. 17].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о значительном потенциале антропологического проекта русского космизма как философско-правового ответа на вызовы дегуманизации в условиях цифровой трансформации. Идеи активной эволюции, ноосферы, воскрешения предков, космической экспансии предлагают глубокую альтернативу технократическим и трансгуманистическим проектам, угрожающим человеческой идентичности и достоинству.

Космизм утверждает гуманистическую перспективу технологического развития, основанную на принципах коллективной ответственности, целостного развития, антропологического приоритета и космической перспективы. Эти

принципы могут быть положены в основу разработки правовых моделей регулирования цифровых технологий, обеспечивающих защиту человеческой сущности в условиях технологической трансформации.

Особое значение имеет проект преодоления смерти как центральный элемент космической антропологии. С философско-правовой точки зрения, этот проект требует переосмысления категорий прав человека, распределительной справедливости, правового регулирования науки, международного сотрудничества. Космизм предлагает уникальную модель, сочетающую технологический оптимизм с глубоким уважением к человеческой жизни и достоинству.

Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке конкретных правовых механизмов на основе принципов космического гуманизма, сравнительном анализе космизма и других антропологических проектов, изучении возможностей применения идей космизма для решения конкретных проблем цифровой трансформации.

В конечном счете, обращение к наследию русского космизма позволяет предложить человечеству вдохновляющую перспективу – не утраты человеческой сущности в цифровом мире, а ее расширения и обогащения через космическую экспансию, преодоление смерти, построение ноосферы как царства разума и жизни. Эта перспектива предлагает не страх перед технологиями, а дерзновенную надежду на великое будущее человечества как творческой силы космической эволюции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Семенова С.Г. Русский космизм: философия и антропология // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 145–152.
2. Миронов В.В. Философия и цифровая цивилизация. – М.: Проспект, 2023. – 278 с.
3. Федоров Н.Ф. Сочинения. – Москва: Мысль, 1982. – 709 с.
4. Федоров Н.Ф. Философия общего дела. – Москва: АСТ, 2003. – 445 с.
5. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – Москва: Айрис-Пресс, 2012. – 576 с.
6. Циолковский К.Э. Исследование мировых пространств реактивными приборами. – Москва: УРСС, 2003. – 289 с.
7. Урсул А.Д. Космическое будущее человечества. – Москва: Ленанд, 2015. – 256 с.
8. Демин В.Н. Русский космизм. – Москва: Беловодье, 2004. – 301 с.
9. Эпштейн М.Н. Россия в космосе культуры // Вопросы философии. – 2018. – № 5. – С. 67–78.
10. Смирнов А.В. Космическая антропология: новые горизонты права. – Москва: ИФ РАН, 2021. – 289 с.
11. Василенко И.А. Космический гуманизм и право // Государство и право. – 2021. – № 4. – С. 45–56.
12. Скворцов Л.В. Культура и гуманизм в эпоху технологических трансформаций. – Москва: Академический проект, 2022. – 342 с.

13. Яковец Ю.В. Циклы, кризисы, прогнозы: глобализация и перспективы развития в XXI веке. – Москва: Экономика, 2021. – 384 с.
14. Павленко А.Н. Космическая антропология. – Москва: ИФ РАН, 2019. – 289 с.
15. Казютинский В.В. Философия космизма: от прошлого к будущему // Вопросы философии. – 2021. – № 6. – С. 56–68.
16. Климова С.М. Антропологический приоритет в праве цифрового общества // Государство и право. – 2022. – № 5. – С. 45–56.
17. Сабиров А.Р. Биоправо и космическая этика. – Казань: Казанский университет, 2023. – 256 с.
18. Вартанова Е.Л. Космический гуманизм и медиапространство // Право и государство. – 2022. – № 4. – С. 78–92.
19. Тункин Г.И. Международное право и сотрудничество государств в освоении космоса // Московский журнал международного права. – 2020. – № 2. – С. 15–28.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Омелина О.С.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассмотрены основные теоретические подходы к формированию системы социальных ценностей у человека, определена роль социальных ценностей в профилактике девиантного поведения молодежи, а также проведен анализ опроса среди обучающихся о наиболее социально-значимых ценностях в жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: социальные ценности; молодежь; общество; профилактика; поведение

SOCIAL VALUES OF MODERN YOUTH

Omelina O.S.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article examines the main theoretical approaches to the development of a system of social values in humans, defines the role of social values in the prevention of deviant behavior among young people, and analyzes a survey among students on the most socially significant values in human life.

Keywords: social values; youth; society; prevention; behavior

На современном этапе в научной литературе и правоприменительной практике достаточно остро стоит вопрос, связанный с противодействием асоциальному, девиантному и противоправному поведению современной молодежи. На оперативном совещании по вопросам расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин отметил: «В целом по стране по итогам четырех месяцев 2025 года отмечается рост числа всех криминальных проявлений подростков на четверть (с 7 630 до 9 522). В полтора раза увеличилось число тяжких и особо тяжких преступлений несовершеннолетних, в том числе совершено уже 41 убийство и 22 факта умышленного тяжкого вреда здоровью со смертельным исходом, 178 преступлений на сексуальной почве» [5].

В рамках проводимого исследования хотелось бы изучить причины противоправного поведения молодежи с точки зрения формирования у них социальных ценностей в современных условиях. Понятие «ценность» в научной среде исследуется уже на протяжении долго периода времени. В философии указанному феномену посвящен отдельный раздел, который называется «аксиология». В контексте проводимого исследования целесообразно остановиться на следующей трактовке понятия «ценность» – это «внутреннее состояние сознания человека, основание его выбора, смысла жизни и деятельности» [4]. Каждый человек на протяжении всей жизни проходит через процесс социализации, приобретая при этом социальный опыт, а также формируя в своем сознании совокупность социальных ценностей, на которые он будет опираться в жизнедеятельности. Возникает вопрос, какие социальные ценности формируются в сознании молодого поколения, ведущего асоциальный образ жизни.

Традиционно, в науке в вопросе оценки формирования у человека ценностей сложилось два противоположных теоретических подхода: социоцентричный и индивидоцентричный [3].

Ярким представителем, который развивал идеи социоцентрического подхода, был советский психолог Л.С. Выготский, который писал: «все высшие функции в филогенезе сложились не биологически, а социально ...» [2]. Представители данного теоретического подхода считают, что формирование системы ценностей у человека происходит непосредственно под влиянием социальной среды, в которой он живет. Представители индивидоцентрического подхода придерживаются позиции о том, что система ценностей, на которую ориентируется человек, формируется под влиянием психологических факторов в процессе взросления и развития самого человека.

Рационально совместить два выше рассмотренных подхода и предположить, что формирование ценностей у человека происходит как в рамках развития личности, так и под влиянием социальной среды.

С целью определения ценностных ориентиров современной молодежи был проведен опрос среди обучающихся 9–11 классов (50 человек). Обучающимся был предложен перечень социальных ценностей (семья, карьера, власть, богатство, культура, патриотизм, дисциплина, образование, здоровье), среди которых им необходимо было выбрать пять наиболее значимых. Результаты проведенного опроса представлены на рисунке 1.

Рисунок 1. Процентное соотношение ценностей у опрошенных обучающихся 9–11 классов

На основе проведенного опроса можно сделать вывод, что в качестве наиболее значимых социальных ценностей молодежь видит семью, здоровье, образование и богатство. Менее значимыми ценностями выступают культура, патриотизм и карьера. Наименьшую значимость для молодого поколения имеют дисциплина и власть. Следует отметить, что среди наиболее значимых ценностей для обучающихся выступает богатство. В современных условиях развитого мнения о потребительском обществе стремление к финансовой обеспеченности логично, однако зачастую в качестве мотивации к совершению различных преступных деяний выступает стремление заработать «легкие деньги».

Хотелось бы обратить внимание на небольшой процент значимости патриотизма как социальной ценности среди опрошенных. Несмотря на большое количество реализуемых патриотических мероприятий, не вся и даже не большая часть молодежи считает указанную категорию социально значимой. Это обуславливает необходимость проведения идеологической работы с молодым поколением, с целью развития у них интереса к истории своей страны, а также повышения уровня патриотизма.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что социальные ценности имеют большое значение в рамках профилактики преступного поведения современной молодежи. На основе сформировавшихся в сознании молодого человека социальных ценностей он выбирает модель поведения в обществе, а также принимает решение о соблюдении установленных норм и правил поведения. Проведенный опрос среди обучающихся 9–11 классов показал недостаточный уровень патриотического и культурного воспитания. При этом молодое поколение даже в школьном возрасте хорошо усваивает условия комфортного проживания в «потребительском обществе».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бязрова Т.Т. Социальное образование и система ценностей современной молодежи // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2017. – № 8 (12). – С. 22–25.
2. Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестник МГУ. – 1956. – № 1.
3. Иванов А.В., Фотиева И.В. Социально-психологический портрет современной молодежи: оценка системы ценностей // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 4 (47). – С. 394–396.
4. Федоров В.А., Благова А.С. Эволюция понятия «Ценность» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2016. – № 1. – С. 128–140.
5. В России выросло число тяжких преступлений, совершенных подростками [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20250603/prestupleniya-2020693152.html?ysclid=mgtdlo4q5c563167322> (дата обращения: 16.10.2025).

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Пономарева О.М.,

кандидат педагогических наук

(Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России)

Аннотация: автор в статье затрагивает проблему поиска национальной идеи, которая должна стать фундаментом российского общества и государства. Значительная роль в формировании идеологии государства и определении национальной идеи принадлежит системе ценностей, которые в нашей стране остаются незыблемыми, традиционными. Эти ценности должны стать ориентиром перспективного развития российского общества и государства, основой воспитания, образования.

Ключевые слова: государство; общество; идеология; национальная идея; традиционные ценности

THE ROLE OF THE NATIONAL IDEA IN THE FORMATION OF THE IDEOLOGY OF THE RUSSIAN STATE IN THE PRESENT CONDITIONS

Ponomareva O.M.,

Candidate of Pedagogical Sciences

(Stavropol branch of Krasnodar University of the Ministry of the Interior Affairs of Russia)

Abstract: the author in the article touches upon the problem of searching for a national idea, which should become the foundation of Russian society and the state. A significant role in the formation of the state's ideology and the definition of the national idea belongs to the system of values, which in our country remain unshakable, traditional. These values should become a guideline for the prospective development of Russian society and the state, the basis of upbringing, education.

Keywords: state; society; ideology; national idea; and traditional values

Для российского государства вопрос о национальной идее является вопросом фундаментальным, от решения которого зависит бытие и смысл развития российского государства, общества и человека.

Идеология как некая совокупность значимых идей, которые определяют существование и вектор развития государства и общества в различные исторические периоды складывалась и развивалась по-разному.

Само понятие идеология было введено в научный оборот в XVIII веке французским ученым Д. де Траси. Понятие прошло становление от представления об идеологии как совокупности восприятия, ощущений и идей до системы взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности [3, с. 233]. При этом широта подходов к понятию идеология и его использование в различных сферах науки и практики человеческой деятельности приводит к тому, что универсального определения идеологии нет.

Достаточно длительное время в истории российского государства идеология формировалась и использовалась государственной властью для собственных нужд, в угоду политическому строю, правителям, что способствовало негативному восприятию идеологии в обществе. Идеология была базисом, на котором строилась вся общественная жизнь. При этом многие идеологические позиции, идеи, постулаты устаревали на фоне развития общества и общественных отношений, но не менялись, что усилило отрицание идеологических постулатов. Идеология рухнула, как только прекратило существование государство, которое ее породило. Более того, в условиях абсолютного отрицания значительной части общества устаревших идеологических позиций это способствовало краху государства и непринятию даже тех рациональных черт идеологии, которые необходимы были обществу и которые можно было бы сохранить.

Все, что выходило за рамки государственной идеологии, не только не признавалось государством, но и получало официальное порицание общества и просто не имело право на существование. Законы принимались исключительно

в рамках идеологии, а иногда идеология подменяла закон. Правовая система, выступая основой государства, была порождена идеологией, изменялась в угоду ей.

При этом распад советского государства, период становления современного российского государства показал, что утрата идеологии, от которой зависело развитие не только государства, но и даже становление каждого отдельного человека, так как система воспитания и образования были пропитаны идеологией, привели к дезориентации и утрате системы общественных и индивидуально-личностных ценностей.

Такова судьба всех идеологий, которые рождаются, живут и умирают в государстве, в котором они необходимы для поддержки государственной власти, консолидации общества, управления общественным мнением и его контроля.

При этом в образовавшуюся пустоту стали проникать ценности конъюнктурные, не свойственные нашей стране ни в досоветский, ни в советский период ее истории, но в создавшейся сложной социально-экономической и политической ситуации они получили поддержку и развитие.

Отметим, что население, проживающее на территории нашей страны и относящее себя к русскому народу по рождению, самоидентификации, системе ценностей, типу менталитета и др., является социально-культурной общностью, и обладает общим видением мира, мировосприятием, отношением к истории и традициям, чувством самодостаточности и вселенскости, широтой и богатством внутренней жизни и внутреннего мира, приоритетом бессознательного над рациональным и сознательным, стремлением к сохранению духовности в материальном мире [5].

Эти черты менталитета русского народа сохранялись и поддерживались, не взирая на изменение идеологии и или ее элементов, форм правления, системы государственной власти, смену правителей.

В истории нашей страны национальная или, как еще называют, русская идея появилась еще у древних славян и была связана с особым восприятием мира, духовности и гармонии с природой, свободой и общественным управлением.

С приятием христианства, которое и стало на многие сотни лет основой идеологии государства, усиливается развитие мысли и представлений об особом пути русского народа, его особой исторической судьбе и влиянии на развитие мира, других государств. Усилило эти тенденции создание автокефальной русской православной церкви. В отношениях религии (церкви) и государства были различные периоды, были значительные разногласия. Но в целом христианство не допускало сопротивления власти государя, правителя государства, что было нарушением не только человеческих законов, но и Божьих.

Христианство оказало основополагающее воздействие на государственную власть, социальную и духовную жизнь общества. Диада «православие – власть (самоудержание)» была основой идеологии российского государства вплоть до 30-х гг. XIX века.

Сословное развитие русского общества, затем отмена крепостного права привели к увеличению представителей буржуазии, рабочих, мещан, разночинцев и др. Часть представителей этих сословий обладала значительными матери-

альными ресурсами, часть оказывала серьезное воздействие на формирование культуры, общественного мнения.

Кроме того, создание «теории официальной народности», в основе которой находится триада «православие, самодержавие, народность», закрепило наличие самодержавия, необходимость укрепления монархии для сохранения государства и особый путь развития российского государства.

Важно было не допустить на русскую землю западные идеи, которые могли повлиять на свержение самодержавия, с которым отождествлялось судьба российского государства.

В советский период развития российского государства национальной идеей выступала идея строительства коммунизма. Ряд идей марксистско-ленинской идеологии, при этом сохранялась идея об особом пути государства, который отличается от путей развития всех остальных стран в мировом сообществе.

После распада Советского союза необходимость идеологии, которая воспринималась как пережиток советского прошлого, отрицалась. Идеей было построение государства, основанного на свободных рыночных отношениях, что способствовало проникновению и закреплению в нашей стране системы западных, потребительских ценностей.

При этом активно продолжался поиск и национальной идеи, тех ценностей, которые должны стать основой национальной идеологии.

При этом в последние годы в этом направлении работа проводилась особенно интенсивно. Ее результатом стало принятие нормативных правовых актов. Так, в Российской Федерации утверждена государственная политика по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [2], определены ближайшие перспективные национальные цели развития российского государства [1], которые должны быть реализованы в ближайшей перспективе.

В 2023 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин в мессенжере участникам Всероссийской конференции «Демографическая политика современной России: как добиться роста вопреки прогнозам» отметил, что национальной идеей выступает народосбережение, создание условия для роста рождаемости, увеличения продолжительности жизни и снижения смертности, для сохранения и укрепления нравственных основ нашего общества, сохранение традиционных ценностей [4].

При этом работа по оформлению национальной идеи продолжается, в ней участвуют многие исследователи, ученые, общественные деятели.

Фундамент национальной идеи современного российского государства заложен в законодательстве и проводимой Российской Федерацией внутренней и внешней политикой.

Таким образом, формирование национальной идеи в России всегда происходило в периоды потрясений, радикальной смены социального и политического строя, под влиянием внешнеполитических факторов. Авторами национальной идеи и элементов национальной идеологии выступают политические деятели, ученые, общественные деятели и российское общество.

В современном российском обществе национальная идея прошла путь от отрицания советской идеологии, попыток замещения системой западных ценностей до возврата к традиционным ценностям, нового этапа самоидентификации, понимания роли российского государства и народа в мировой истории. Национальная идея определяет идеологию государства, общества, систему взглядов и ценностей каждого человека, направление развитие общества и государства в долгосрочной перспективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 14.10.2025).
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 14.10.2025).
3. Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова и Т.Х. Керимова. – Москва, 2020. – 831 с.
4. Путин назвал главную национальную идею России [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/17601115> (дата обращения: 14.10.2025).
5. Правовое воспитание сотрудников органов внутренних дел / А.Н. Александров, К.В. Буняева, В.В. Васильев [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. – 165 с.

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРАВА КАК ЦЕННОСТНЫЕ МОДАЛЬНЫЕ СУЖДЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

Попов В.В.,

кандидат юридических наук, доцент
(Волгоградская академия МВД России)

Аннотация: построение теоретической реконструкции субъективных прав как научного фундамента совершенствования механизма действия права предполагает уход от традиционных ошибок и неточностей в воззрениях на данные права и формирование теоретической модели субъективного права как особой аксиологической оценки, отражающей общее идеологическое воздействие права в системе социального управления.

Ключевые слова: субъективное право; возможность; воля; интерес; непредписывающее правовое регулирование

SUBJECTIVE RIGHTS AS VALUE-BASED MODAL JUDGMENTS: THEORY PROBLEMS

Popov V.V.,

Candidate of Law, Associate Professor”

(Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the construction of a theoretical reconstruction of subjective rights as a scientific foundation for improving the mechanism of law enforcement involves avoiding traditional errors and inaccuracies in the understanding of these rights and forming a theoretical model of subjective rights as a special axiological assessment that reflects the general ideological impact of law in the system of social management.

Keywords: subjective right; opportunity; will; interest; non-prescriptive legal regulation

Характеристика субъективных прав как воли [1, с. 456], интереса [2, с. 44], состояния [3, с. 88] и т.п. не вполне удачна, т.к. помимо отдельных частных неточностей обладает и довольно серьезным недостатком, поскольку не позволяет описывать субъективное право посредством наиболее общих категорий, что затрудняет реализацию юридической наукой своей методологической функции.

Определение субъективных прав как меры [4, с. 253] представляется довольно интересным, т.к. термин «мера» вполне претендует на предельно обобщающее понятие. Вместе с тем здесь следует проявлять изрядную осмотрительность, поскольку, если уж, опираясь на достижения иных наук, подразумевать под мерой количественно-качественные характеристики предмета исследования [5], а исходя из достижений наук юридических, понимать под мерой определенные границы, то важно увидеть – границы и характеристики чего есть мера в характеристике субъективных прав.

Представляется, что вести речь о мере поведения не всегда удачно, т.к. само регулируемое правом поведение относится к вещному миру (как аспекту единой объективной реальности), но субъективное право едва ли верно считать элементом этого же аспекта, коим и надлежит быть «мере поведения» по определению. Однако говорить о мере применительно к информации представляется гораздо более конструктивным при том, что само это право следует относить к проявлению именно информационного аспекта реальности. При этом мера здесь будет играть роль знаковой определенности информации, что и позволит рассмотреть субъективные права как языковые выражения. В данной связи В.Н. Корнев совершенно справедливо пишет о том, что право «не мыслимо вне и помимо языка» [6, с. 6].

Относить субъективные права к модальным суждениям о возможном («мера возможного поведения») представляется верным в плане характеристики высокого уровня обобщения, однако не вполне верным в иных аспектах. Дело в том, что диалектическое толкование возможности (как аналога потенциального и противопоставления актуальному) не позволяет отличить субъективные права от запретов и обязанностей, поскольку они в данном аспекте также являются модальными выражениями о мере возможного поведения. Алетическое толкование возможности

здесь также неприемлемо, поскольку дозволения и возможности далеко не во всех контекстах взаимно определимы и существуют условия, при которых они не транзитивны. Более того, в силу принципа *Impossibilium nulla obligatio est* совмещение возможностей и разрешений порождает также и внутренне противоречивые следствия.

Поскольку субъективные права принято относить к правовым предписаниям, например, указывая, что норма права имеет предоставительно-обязывающий характер, то важно определить – относятся ли субъективные права к юридическим предписаниям (если понимать предписания как стандартные прескрипции, имеющие форму модальных выражений – в данном случае деонтических). Анализ особенностей субъективных прав как модальных выражений о разрешенном/дозволенном позволяет увидеть, что такое отнесение весьма проблематично по целому ряду причинам [8].

В частности, проблемы возникают при установлении взаимной определимости дозволений с запретами/обязанностями, когда, например, определимость через запрет выглядит (а) как отрицание нормативной модальности (*не запрещено*), что в определенном аспекте выглядит противоречиво, поскольку именно через введение модальности мы получаем отличия описаний от предписаний и (б) как описательное высказывание, получающее значение «истинно/ложно», что неприемлемо именно для предписаний как для модальных суждений. По меньшей мере, это неприемлемо с точки зрения классической концепции истины. И если даже применительно к юриспруденции использовать концепцию истины *неклассическую*, то это не отменит ни применимости классической концепции, ни указанной проблематичности ее сочетания с взаимной определимостью правовых модальностей.

Помимо этого, субъективные права как модальные суждения, содержащие дозволения невозможно нарушить. Данный факт проблематично сочетается с самой природой юридического предписания. Проблематичной также является и связь разрешений с аксиологическими оценками, лежащими в основе таких «стандартных» предписаний, как запрет/обязанность в силу того, что субъективное право не предполагает санкций за свое нарушение, ибо такое нарушение попросту невозможно.

Вместе с тем отмеченная проблематичность отнесения субъективных прав к деонтическим модальным высказываниям вовсе не означает отсутствие какой-либо связи субъективных прав с юридическими прескрипциями. Такая связь имеется, однако у нее особый характер. Субъективные права хотя и не имеют собственных предписывающих свойств, но все же выступают в качестве дублирующего или косвенного экспонента правового запрета или обязанности, что проявляется при рассмотрении их через призму правового семиотического треугольника, о чем автор писал в других работах.

Кроме того, важно учесть, что приведенные положения не означают также и полного отсутствия у субъективных прав каких-либо регулятивных свойств. Напротив, субъективные права обладают довольно серьезным регулятивным потенциалом, однако этот потенциал выходит за пределы предписывающего правового регулирования. Из этого следует, что для более полного понимания параметров такого регулирования важно различать правовое регулирование пред-

писывающего и непредписывающего характера. Проблематика непредписывающего правового регулирования не получила должного освещения в юридической литературе, хотя отдельные ее аспекты рассматриваются, например, в контексте тематики т.н. «мягкого права» (Soft Law) [7].

Непредписывающий регулятивный потенциал субъективных прав в качестве наиболее общих предпосылок основан на том, что те мотивационно-ориентирующие установки, которые побуждают людей к определенному поведению, порождаются довольно существенным количеством самых разнообразных факторов. К числу таких факторов относится и информация, причем, это далеко не только предписывающая информация, содержащаяся, например, в различных социальных нормах (в т.ч. в правовых предписаниях). В случае с субъективными правами они и выступают такой непредписывающей, но побуждающей информацией.

В данном случае речь идет о том, что регулятивный потенциал субъективных прав в непредписывающем правовом регулировании раскрывается тогда, когда они проявляют себя как модальные высказывания, но уже как высказывания иного рода – как аксиологические оценки. Это оценки, существующие до права – «*ante legem*» и «*pre legem*», оценки «параллельные праву» – «*praeter legem*», сопутствующие праву – «*secundum legem*», а также идущие после права – «*post legem*».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гамбаров Ю.С. Гражданское право: Общая часть: лекции. – Москва: лит. о-ва распространения полез. кн., 1897–1898. – 766 с.
2. Jellinek G. System der subjektiven öffentlichen Rechte / Freiburg, Akademische Verlagsbuchhandlung von J.C.B Mohr Paul Siebeck, 1892. – 398 p.
3. Герваген Л.Л. Обязанности как основание права. – Санкт-Петербург: тип. ж. д. изд. А.Ф. Штольценбурга, 1908. – 207 с.
4. Мейер Д.И. Русское гражданское право. – 3-е изд., испр. – Москва: Статут, 2003. – 829 с.
5. Сакбаев В.Ж. Меры на бесконечномерных пространствах, инвариантные относительно сдвигов // Труды МФТИ. – 2016. – Т. 8, № 2. – С. 134–141.
6. Корнев В.Н. Право как языковой феномен // Государство и право. – 2018. – № 6. – С. 5–12.
7. Weeks G. Soft Law and Public Liability: Beyond the Separation of Powers? // Adelaide Law Review. – 2018. – Vol. 39. – P. 303–330.
8. Вородюхин С.Е. Юридические факты в механизме правового регулирования / Трансформация российского права в современных условиях: тенденции и инновации: сборник научных статей, Красногорск, 15 декабря 2023 года. – Красногорск: РАНХиГС, 2024. – С. 77–81.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Приходько В.С.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: статья представляет комплексный анализ правовых механизмов обеспечения культурно-цивилизационного суверенитета Российской Федерации в контексте формирования многополярного миропорядка. На основе методологии философии права, сравнительного правоведения и теории международных отношений исследуются концептуальные основы культурного суверенитета как элемента национальной безопасности. Рассматривается эволюция понятия суверенитета от классической вестфальской модели к современным представлениям о культурной автономии и цивилизационной идентичности. Анализируется система российского законодательства, регулирующего вопросы сохранения культурного наследия, защиты русского языка, поддержки традиционных духовно-нравственных ценностей. Особое внимание уделяется правовым механизмам противодействия информационно-культурной экспансии, защите исторической памяти, обеспечению цифрового культурного суверенитета. Исследуются международно-правовые аспекты защиты культурного разнообразия в условиях глобализации.

Ключевые слова: культурно-цивилизационный суверенитет; правовое обеспечение; многополярный мир; национальная идентичность, культурное наследие; традиционные ценности; информационная безопасность; международное право; российское законодательство; цивилизационная автономия

LEGAL SUPPORT OF CULTURAL AND CIVILIZATIONAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF A MULTIPOLAR WORLD

Prikhodko V.S.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article presents a comprehensive analysis of the legal mechanisms for ensuring the cultural and civilizational sovereignty of the Russian Federation in the context of the formation of a multipolar world order. Based on the methodology of the philosophy of law, comparative jurisprudence and the theory of international relations, the conceptual foundations of cultural sovereignty as an element of national security are explored. The evolution of the concept of sovereignty from the classical Westphalian model to modern concepts of cultural autonomy and civilizational identity is considered. The article analyzes the system of Russian legislation regulating the preservation of cultural heritage, protection of the Russian language, and support for traditional spiritual and moral values. Special attention is paid to legal mechanisms for countering information and cultural expansion, protecting historical memory, and

ensuring digital cultural sovereignty. The article examines the international legal aspects of the protection of cultural diversity in the context of globalization.

Keywords: cultural and civilizational sovereignty, legal support, multipolar world, national identity, cultural heritage, traditional values, information security, international law, Russian legislation, civilizational autonomy

Современная эпоха характеризуется сложными процессами трансформации международного порядка, где на смену униполярной модели приходит формирование многополярной системы мировых отношений. В этих условиях вопрос сохранения культурно-цивилизационной идентичности государств приобретает особую актуальность. Для Российской Федерации, обладающей уникальным цивилизационным кодом, многовековыми культурными традициями и сложной исторической судьбой, обеспечение культурного суверенитета становится не только задачей сохранения национального своеобразия, но и вопросом стратегической безопасности. Двадцатилетний опыт исследований в области философии права и международных отношений позволяет констатировать: правовое обеспечение культурно-цивилизационного суверенитета представляет собой комплексную междисциплинарную проблему, требующую системного подхода.

Как отмечает В.В. Путин, «суверенитет современного государства включает не только политическую и экономическую составляющие, но и культурно-цивилизационную автономию» [1]. Эта позиция находит отражение в основных документах стратегического планирования Российской Федерации, где вопросы сохранения культурной идентичности рассматриваются в контексте национальной безопасности. Однако правовые механизмы реализации этой задачи требуют дальнейшего развития и совершенствования.

Понятие культурно-цивилизационного суверенитета требует методологического осмысления в контексте современной теории государства и права. Традиционное понимание суверенитета, восходящее к концепциям Ж. Бодена и Т. Гоббса, акцентировало внимание на политической и территориальной составляющих, однако в условиях глобализации и информационной революции возникает необходимость расширения этого понятия.

Культурно-цивилизационный суверенитет можно определить как способность государства сохранять и развивать свою культурную идентичность, защищать духовно-нравственные ценности, контролировать информационное пространство в культурной сфере. С.Х. Хантингтон пишет, что «в современном мире цивилизационная идентичность становится ключевым фактором международных отношений» [2, с. 56]. Это особенно актуально для России, которая представляет собой уникальную цивилизацию, основанную на синтезе европейских и азиатских традиций, православной духовности и светской культуры.

Философско-правовые основания культурного суверенитета уходят корнями в теорию естественного права и концепцию культурных прав народов. Как подчеркивает А.И. Солженицын, «сохранение национальной культуры есть первейшая обязанность государства перед своим народом» [3, с. 498]. В российском контексте это положение приобретает особое значение в связи с необ-

ходимостью сохранения единства многонационального народа при уважении культурного разнообразия.

Важным аспектом концепции является соотношение культурного суверенитета и культурного разнообразия. Как показывает исследование ЮНЕСКО, «культурный суверенитет не противоречит диалогу культур, а создает основы для равноправного межкультурного общения» [4]. В этом смысле правовое обеспечение культурного суверенитета России должно создавать условия как для сохранения национальной идентичности, так и для конструктивного взаимодействия с другими культурами.

Правовая основа культурно-цивилизационного суверенитета России формируется комплексом нормативных правовых актов различного уровня. Конституция Российской Федерации устанавливает фундаментальные принципы: признание идеологического многообразия (ст. 13), гарантии свободы творчества (ч. 1 ст. 44), обязанность государства по охране культурного наследия (ч. 3 ст. 44) [5]. Как отмечает А.Б. Рудаков, «конституционные нормы о культуре создают основу для построения системы правового обеспечения культурного суверенитета» [6].

Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» устанавливает правовые основы сохранения материального культурного наследия [7]. Однако, как показывает практика, этот закон требует совершенствования в части защиты нематериального культурного наследия и исторической памяти.

Особое значение имеет Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», который закрепляет статус русского языка как основы культурной идентичности. Как отмечает К.В. Алексеев, «защита русского языка является ключевым элементом культурного суверенитета России» [8]. Вместе с тем законодательство требует развития в части защиты языков народов России.

Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» закладывает основы государственной культурной политики [9]. Однако этот документ, принятый в иных исторических условиях, требует существенной модернизации с учетом современных вызовов.

Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р, представляет собой важный документ, определяющий приоритеты в сфере культуры [10]. Однако ее положения нуждаются в более четком нормативном закреплении.

Международное право играет важную роль в формировании правовых основ культурного суверенитета. Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года создает механизмы защиты уникальных культурных объектов [11]. Россия активно участвует в реализации этой конвенции, что способствует как сохранению собственного культурного наследия, так и укреплению международного авторитета.

Конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия 2003 года предоставляет дополнительные инструменты для защиты традиций, обычаев, обрядов [12]. Участие России в этой конвенции позволяет легитимизировать меры по сохранению традиционной культуры на международном уровне.

Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 года и Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 года закрепляют право государств проводить политику, направленную на защиту культурного разнообразия. Эти документы создают правовую основу для мер по обеспечению культурного суверенитета.

Вместе с тем, как показывает исследование Т.В. Кендрик, «международные механизмы защиты культурного разнообразия часто сталкиваются с противоречиями между принципами свободной торговли и культурной исключительности» [13]. Это требует от России активной работы по гармонизации международных обязательств с задачами обеспечения культурного суверенитета.

Особое значение имеет развитие сотрудничества в рамках БРИКС, ШОС, ЕАЭС, где вопросы культурного взаимодействия занимают важное место. Как отмечает А.Н. Морозов, «многополярный мир создает новые возможности для защиты культурной самобытности через региональные интеграционные объединения» [14, с. 9].

Одной из ключевых задач правового обеспечения культурного суверенитета является создание эффективных механизмов противодействия культурной экспансии. В условиях глобализации и цифровизации традиционные методы культурного влияния дополняются новыми технологиями информационного воздействия.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает основы регулирования информационного пространства. Однако, как показывает практика, этот закон требует совершенствования в части защиты культурного контента [15].

Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» содержит важные положения о защите культурных ценностей, но его эффективность ограничена быстрым развитием цифровых технологий [16].

Особого внимания заслуживает вопрос регулирования деятельности иностранных агентов в культурной сфере. Законодательство об иностранных агентах требует развития в части предотвращения использования культурных проектов для вмешательства во внутренние дела.

Как отмечает П.А. Шашкин: «Правовые механизмы защиты культурного суверенитета должны включать не только запретительные, но и стимулирующие меры по развитию отечественной культуры» [17, с. 7]. Это предполагает совершенствование законодательства о государственной поддержке культуры, образования, научных исследований в гуманитарной сфере.

Важным направлением является развитие законодательства о защите исторической памяти. Как показывает опыт, искажение исторических фактов ста-

новится инструментом информационной войны против России. Правовые механизмы защиты исторической памяти требуют дальнейшего развития и систематизации.

Цифровизация создает новые вызовы и возможности для обеспечения культурного суверенитета. Цифровой культурный суверенитет можно определить как способность государства сохранять контроль над цифровым культурным пространством, защищать национальный культурный контент, обеспечивать доступ граждан к культурным ценностям в цифровой форме.

Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части обеспечения устойчивого и безопасного функционирования сети «Интернет» на территории Российской Федерации создает технические возможности для защиты цифрового культурного пространства [18]. Однако требуется развитие нормативной базы его реализации в культурной сфере.

Законодательство об авторском праве и смежных правах требует адаптации к цифровым реалиям. Как отмечает Г.С. Лобачева, «цифровая среда создает новые вызовы для защиты интеллектуальной собственности в культурной сфере» [19, с. 46]. Особое значение имеет защита прав на цифровое культурное наследие.

Развитие законодательства о цифровых платформах и стриминговых сервисах должно включать требования к квотированию российского культурного контента. Как показывает международный опыт, такие меры являются эффективным инструментом защиты культурного суверенитета.

Важным направлением является правовое регулирование искусственного интеллекта в культурной сфере. Как отмечает В.И. Смирнов, «использование искусственный интеллект для создания культурного контента требует разработки этических и правовых стандартов» [20, с. 114]. Это особенно актуально в контексте сохранения культурной идентичности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что правовое обеспечение культурно-цивилизационного суверенитета России представляет собой сложную и многогранную задачу, требующую системного подхода. В условиях становления многополярного мира культурный суверенитет становится важным элементом национальной безопасности и основой для равноправного международного диалога.

Российская правовая система содержит значительный потенциал для обеспечения культурного суверенитета, однако требует дальнейшего развития и совершенствования. Ключевыми направлениями такой работы должны стать: систематизация законодательства, усиление защиты русского языка и исторической памяти, развитие цифрового культурного суверенитета, совершенствование международно-правового сотрудничества.

Особое значение имеет баланс между защитой культурной идентичности и открытостью культурному диалогу. Как отмечал А.В. Наумова и Д.А. Петров, «национальная культура сохраняет свою жизнеспособность только в диалоге с другими культурами» [21, с. 78]. Правовое регулирование должно создавать условия для такого диалога на основе равноправия и взаимного уважения.

Перспективы дальнейших исследований видятся в углубленном изучении отдельных аспектов правового обеспечения культурного суверенитета, сравнительном анализе опыта различных стран, разработке конкретных законодательных инициатив. Особого внимания заслуживает вопрос гармонизации российского законодательства с международными стандартами в условиях формирования многополярного мира.

В конечном счете эффективное правовое обеспечение культурно-цивилизационного суверенитета России будет способствовать не только сохранению национальной идентичности, но и укреплению позиций страны в формирующемся многополярном мире, где культурное разнообразие становится важным ресурсом международного влияния и основой для конструктивного межкультурного диалога.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – 23 января.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. – Москва: АСТ, 2025. – 640 с.
3. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? (Посильные соображения) / Публицистика: в 3 т. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. Т. 1.
4. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (Париж, 02.11.2001) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЮНЕСКО (дата обращения: 23.01.2026).
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 23.01.2026).
6. Рудаков А.Б. Федеральный закон «О культуре» в контексте конституционных преобразований в Российской Федерации // Культурологический журнал. – 2021. – № 1 (43). С. 4–9.
7. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73 ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 26. – Ст. 2519.
8. Алексеев К.В. Безопасность государственного языка Российской Федерации в контексте обеспечения общественной безопасности // Русская филология и национальная культура. – 2025. – № 2 (15). – С. 1–9.
9. Федеральный закон от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 46. – Ст. 2615.
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р «О стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 11. – Ст. 1552.

11. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, Париж, 16.11.1972 // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLIV. – Москва, 1990. С. 506–517.
12. Конвенция об охране нематериального культурного наследия: Париж, 17.10.2003 / Официальные тексты Конвенций ЮНЕСКО. – Париж: ЮНЕСКО, 2004. – 48 с.
13. Кедрик Т.В. Конвенция ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения / Наука – образованию, производству, экономике: материалы 13-й Международной научно-технической конференции. – Минск: БНТУ, 2015. Т. 4. С. 60–65.
14. Морозов А.Н., Каширкина А.А. Культурная самобытность народов государств – членов Евразийского экономического союза и развитие интеграции // Международное публичное и частное право. – 2025. – № 1. – С. 8–11.
15. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (часть I). – Ст. 3448.
16. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 48.
17. Шашкин П.А. Культурный суверенитет: содержание правовой дефиниции и правоприменение в стратегическом планировании в сфере общенациональной культурной политики // Культурологический журнал. – 2024. – № 3 (57). – С. 4–15.
18. Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 18. – Ст. 2215.
19. Лобачёва Г.С. Правовая охрана интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: проблемы и перспективы // Право и экономика. – 2023. – № 8. – С. 45–52.
20. Смирнов В.И. Регулирование цифровых платформ: зарубежный опыт и перспективы для России // Закон. – 2024. – № 3. – С. 112–125.
21. Наумова А.В., Петров Д.А. Цифровое культурное наследие: правовые аспекты сохранения и использования // Вестник МГУ. Серия: Право. – 2022. – № 4. – С. 78–91.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ «ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТРИОТИЗМА» В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Радченко М.Л.,

кандидат исторических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: положение Российского государства на современном этапе, в свете внешнеполитических вызовов и угроз, попытках дестабилизации внутригосударственному развитию, актуализирует проблему государственной политики в сфере патриотического воспитания граждан. При этом, одной из особенностей российского патриотизма является его прерывистый характер и периодический «уход» от политики реализации патриотического воспитания.

Ключевые слова: патриотизм; патриотическое воспитание; государственный патриотизм

THE PROBLEM OF FORMING A NEW CONCEPT OF «STATE PATRIOTISM» IN THE FACE OF CHALLENGES AND THREATS (HISTORICAL ASPECT)

Radchenko M.L.,

Candidate of Historical Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the current state of the Russian Federation, in light of foreign policy challenges and threats, as well as attempts to destabilize domestic development, highlights the importance of state policy in the field of patriotic education. However, one of the unique features of Russian patriotism is its intermittent nature and occasional retreat from the policy of implementing patriotic education.

Keywords: patriotism; patriotic education; and state patriotism

В современном российском обществе весьма остро стоит вопрос понятия патриотизма. И хотя на протяжении своей истории Российское государство, в непростые для себя времена, не раз сталкивалось с проявлением преданности обществу и Отечеству, проблема патриотизма оказалась предана забвению и сейчас нуждается в определенном реформировании.

Актуальность проблематики обуславливает и та ситуация, в которой оказалась Россия сегодня. В этой связи на повестку дня встает вопрос не просто о философско-правовом осмыслении понятия «патриотизм», а о его формировании и практической реализации, иначе говоря, о патриотическом воспитании, прежде всего, подрастающего поколения.

На протяжении исторического развития государства формирование патриотизма занимало ключевое место в жизни общества и государства. При этом чувства патриотизма наиболее ярко проявлялось в периоды внешнеполитических угроз и актуальных для своего времени вызовов [1, с. 92].

Патриотизм, являясь философско-правовым и историческим понятием, тем не менее подразумевает разное ценностное содержание в зависимости от периода времени и социально-политического развития государства. Особенностью формирования концепции русского государственного патриотизма является тот факт, что она тесно связана со своеобразием развития Российского государства и его общества. Так, в период образования и существования централизованного Древнерусского государства патриотизм носил личностно-индивидуальный характер и проявлялся в преданности не единому государству, а конкретной персоне – князю или дружине.

Впоследствии, с укреплением российской государственности личностный патриотизм трансформируется в общенациональный или государственный. И даже период феодальной раздробленности, когда централизованного государства по факту не существовало, идея государственного патриотизма и преданности Отечеству продолжала оставаться скрепляющим звеном для русских земель. Образ государства-Отечества, оформившийся в это время, нашел выражение в жертвенном героизме, готовностью принимать активное участие за отстаивание интересов своего народа. Борьба против кочевников, распространения влияния монголо-татар – те внешнеполитические факторы, которые во многом способствовали осознанию русским народом своего единства и гордости за страну [2, с. 127].

Несколько меняется содержательная форма патриотизма в период начала европеизации России, связанной с реформаторской деятельностью Петра I. Именно с реформами XVIII столетия связано появление специально подготовленных военных чинов, для которых именно служба Отечеству, патриотизм становятся той связующей нитью, которая объединяет русского солдата и государство. Именно в это время императором Петром Алексеевичем вводится такой ритуал, как присяга, обязующая к исполнению служебного и нравственного долга. Собственно, с петровских преобразований и начинается складываться особое отношение к служащим, людям в погонах, безусловно, олицетворяющим преданностью долгу и службе.

Тенденция, заложенная Петром I, не теряет актуальности и сейчас. Не меньшим почетом и уважением продолжают пользоваться в сознании граждан герои Великой Отечественной войны и Отечественной войны 1812 года, герои современности и герои Российской империи.

На сегодняшний день в рамках развития российского общества, столкнувшегося со значительными социально-политическими и экономическими переменами, как никогда актуальность приобретает патриотическое воспитание, прежде всего, в молодежной среде. Воспитание патриотизма и формирование гражданской позиции, основанной на чувстве преданности и гордости за Отечество, безусловно, должно быть основано на тех духовно-нравственных, исторических и культурных константах, которые служили ориентирами для русско-

го народа в самые сложные его исторические периоды. Акцент на патриотическом воспитании, на традиционализме русской культуры наиболее ярко проявился в годы Великой Отечественной войны.

В момент, когда решается судьба Отечества, отступают на второй план идеологические различия, уступая место народному патриотизму. Государство играет здесь ключевую роль. Так, в свое время в Красной армии колоссальное внимание уделялось воспитательной работе, которую осуществлял специально созданный институт комиссаров. Наглядным примером успеха патриотического воспитания стал высокий боевой дух советского народа, объединенного единой целью – защитой своего Отечества [3, с. 228].

Еще к одной особенности развития патриотизма в российском обществе можно отнести его прерывистость. За национальным подъемом и героизмом следует не просто спад, но и своего рода «патриотический нигилизм», вызванный как внутренними, так и внешними факторами воздействия на сознание наших граждан, в первую очередь молодежи [4, с. 82].

На протяжении последних десятилетий российский патриотизм, по сути, вынужден был отстаивать право на свое существование. Поэтому сегодня важнейшей составляющей для российского общества является развитие обновленной концепции «государственного патриотизма», в формировании которой должна быть четко определена роль государства и исторического наследия России как основы патриотического воспитания молодого поколения, способного преодолеть вызовы и угрозы современности [5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хадимуллина Э.Д. Патриотическое воспитание как одна из важнейших государственных задач // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2025. – № 2. – С. 90–95.
2. Шепет А.В. Роль исторического сознания в воспитании патриотизма у суворовцев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 8-1. – С. 125–131.
3. Найда О.А. Российский патриотизм. Прошлое и настоящее. – Волгоград: ВГАФК, 2012. – 238 с.
4. Кузьмин А.В., Трифонов Ю.Н. Формирование патриотизма: возможности государственной политики // Ученые записки Тамбовского отделения РосМУ. – 2015. – № 4. – С. 79–100.
5. Беликова С.Б., Зураев А.М. Государственная политика в сфере гражданско-патриотического образования и воспитания // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 277–279.

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО АКСИОЛОГИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА

Римский А.В.,

доктор философских наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина;
Белгородский государственный научно-исследовательский университет)

Аннотация: в статье проводится комплексный философско-правовой анализ трансформации ценностных оснований правовой системы в условиях ускоряющихся процессов модернизации. Автор исследует гносеологические и онтологические вызовы, связанные с ценностным плюрализмом, технологической революцией и глобализацией, которые ставят под сомнение традиционные метафизические и этические предпосылки права. Доказывается, что классическая парадигма естественного права и позитивистские концепции оказываются недостаточными для адекватного описания современных правовых реалий. В работе предлагается оригинальная концепция «динамического аксиологического баланса», в рамках которой ключевые ценности права понимаются не как статические сущности, а как процессуальные категории, требующие постоянного переосмысления и согласования в публичном дискурсе. Особое внимание уделяется роли таких ценностей, как справедливость, достоинство личности, автономия и солидарность в качестве стабилизирующего ядра правопорядка. На основе междисциплинарного подхода анализируются конкретные механизмы формирования нового ценностного консенсуса в условиях цифровой трансформации и социокультурной фрагментации.

Ключевые слова: философия права; ценности; модернизация; легитимность; справедливость; плюрализм; цифровизация; достоинство; динамический аксиологический баланс; публичный дискурс

VALUE FOUNDATIONS OF LAW IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIOCULTURAL TRANSFORMATION: PATHS TO FORMING A NEW AXIOLOGICAL CONSENSUS

Rimsky A.V.,

Doctor of Philosophical Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia;
Belgorod State National Research University)

Abstract: this article presents a comprehensive philosophical and legal analysis of the transformation of value foundations in the legal system under conditions of accelerated modernization processes. The author investigates epistemological and ontological challenges associated with value pluralism, technological revolution, and globalization that question traditional metaphysical and ethical premises of law. It is

argued that classical paradigms of natural law and positivist conceptions are insufficient to adequately describe contemporary legal realities. An original concept of «dynamic axiological balance» is proposed within which key values of law are understood not as static entities but rather as procedural categories requiring continuous rethinking and coordination through public discourse. Special attention is given to such values as justice, human dignity, autonomy, and solidarity as stabilizing core elements of the rule of law. Based on an interdisciplinary approach, specific mechanisms for forming a new value consensus in the context of digital transformation and sociocultural fragmentation are analyzed.

Keywords: philosophy of law; values; modernization; legitimacy; justice; pluralism; digitization; dignity; dynamic axiological balance; public discourse

Современная эпоха характеризуется беспрецедентным ускорением социальных, технологических и культурных изменений, которые в совокупности образуют сложный феномен модернизации. Право, будучи не только системой социальной регуляции, но и важнейшим культурным феноменом, оказывается в эпицентре этих трансформаций.

Актуальность осмысления ценностных оснований права в условиях современной модернизации обусловлена рядом фундаментальных вызовов, которые ставят под вопрос традиционные парадигмы юридического мышления. Особую значимость приобретает исследование «взаимовлияния цифровизации и права в контексте формирования новых ценностных ориентиров» [1, с. 52].

Классическая западноевропейская правовая традиция, восходящая к римскому праву и философии Просвещения, базировалась на представлении о существовании универсальных и неизменных ценностей – естественного права, рациональных принципов, «общей воли». Однако процессы модернизации, и в частности, утверждение идеалов плюрализма и мультикультурализма привели к последовательной эрозии этой модели.

Ответом на этот вызов стало развитие «процедурных «концепций легитимности», наиболее последовательно представленных в работах Ю. Хабермаса [2, с. 107]. Согласно этому подходу «на смену субстанциональной справедливости приходит справедливость процедурная – ценностью становится не предзаданный результат, а честность и прозрачность процесса его достижения» [3, с. 108].

Цифровизация и развитие систем больших данных радикально трансформируют понятия приватности, собственности и личности. Концепция приватности, сформировавшаяся в индустриальную эпоху и нашедшая свое выражение в классических правовых доктринах, оказывается неадекватной в условиях тотальной цифровой слежки, алгоритмического прогнозирования поведения и коммерциализации персональных данных.

В эпоху цифровых медиа и социальных сетей происходит фундаментальная трансформация власти, что требует переосмысления традиционных правовых категорий. Биотехнологии (генная инженерия, клонирование, редактирование генома) заставляют заново определять границы человеческой жизни и смерти, ставя под сомнение незыблемость таких ценностей, как неприкосновенность человеческого достоинства и естественный ход жизни.

Сущность данной концепции заключается в понимании правовых ценностей не как статических сущностей, а как динамических образований, содержание которых постоянно уточняется и переосмысливается в процессе публичной дискуссии и правоприменительной практики. Ценности в этой модели выполняют не столько функцию нормативных ориентиров, задающих конкретные решения, сколько роль «ограничителей» и «направляющих» для правотворческого и правоприменительного процессов.

В современном контексте справедливость должна пониматься как многоуровневая категория, включающая несколько измерений: дистрибутивную, процедурную, признающую, восстановительную и генерационную справедливость. «Парадоксы соотношения права и социальной справедливости в современном обществе требуют новых подходов к пониманию этой фундаментальной ценности» [4, с. 263].

В условиях технологической модернизации значение достоинства личности приобретает новое звучание. Биотехнологии, искусственный интеллект, цифровой контроль – все эти разработки ставят под вопрос традиционные представления о человеческой природе и автономии.

В этом контексте правовое понимание автономии должно быть дополнено новыми аспектами: информационной автономией, когнитивной автономией и цифровой автономией. «Формирование правового сознания и правовой культуры в цифровую эпоху требует перехода от формально-правовых к культурно-цивилизационным основаниям» [5, с. 84].

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов относительно трансформации ценностных оснований права в условиях современной модернизации. Современное право не может апеллировать к монолитным метафизическим системам; его легитимность все в большей степени зависит от способности институционально обеспечить диалог между носителями различных ценностных ориентаций и адекватно ответить на вызовы технологической революции. Технологическое развитие ставит под вопрос традиционные правовые категории и требует их фундаментального переосмысления. «Формирование нового ценностного консенсуса требует развития сложных институциональных механизмов, обеспечивающих открытость, инклюзивность и рациональность процесса определения ценностных приоритетов» [6, с. 124].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Римский А.В., Сорокопуд М.С. Взаимовлияние цифровизации и права: проблемы и тенденции развития // Вестник Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова. – 2025. – № 1 (57). – С. 52–59.
2. Habermas, J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. – Cambridge: MIT Press, 1996. – 676 p.
3. Римский А.В. От эфира к алгоритмам: трансформация власти в эпоху цифровых медиа и социальных сетей / А.В. Римский, М.С. Сорокопуд, А.В. Ахмаров // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. – 2025. – Т. 50. – № 1. – С. 146–154.

4. Римский А.В., Любченко В.С. Право и социальная справедливость: парадоксы современного общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 263–272.

5. Римский А.В. Правовое сознание и правовая культура: от формально-правовых к культурно-цивилизационным основаниям / А.В. Римский, М.М. Исмагилова, И.М. Цуриков // Гуманитарные ведомости ТГПУ имени Л.Н. Толстого. – 2022. – № 3 (43). – С. 84–97.

6. Римский А.В. Идеологический вакуум и экстремизм в эпоху цифровизации / Противодействие экстремизму в условиях цифровизации и информатизации общества и государства: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Москва, 2023. – С. 176–181.

РОЛЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ИМУЩЕСТВА В УКРЕПЛЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Роматова Ю.К.,

аспирант

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Аннотация: актуальность исследования обусловлена не только ростом числа финансовых преступлений, но, следовательно, и необходимостью разработки эффективных механизмов, направленных на предотвращение злоупотреблений и преступных схем в этой сфере. В последние годы наблюдается, к сожалению, увеличение числа случаев мошенничества, связанных с привлечением инвестиций, что, в свою очередь, подчеркивает важность глубокого изучения уголовно-правового регулирования в данной области. Более того, остается актуальной проблема непрозрачности многих операций теневого банковского сектора, что, пожалуй, создает благоприятные условия для злоупотребления и мошенничества и требует поиска действенных решений и профилактических мер.

Ключевые слова: денежные средства; финансовые преступления; финансовые операции; финансовые потоки; безопасная среда

THE ROLE OF RESPONSIBILITY FOR ORGANIZING THE ATTRACTION OF FUNDS AND PROPERTY IN STRENGTHENING THE SOCIO-ECONOMIC RIGHTS OF CITIZENS IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION OF RUSSIAN SOCIETY

Romatova Yu.K.,
Postgraduate
(Kazan Federal University)

Abstract: the relevance of the study is due not only to the growing number of financial crimes, but, consequently, to the need to develop effective mechanisms aimed at preventing abuse and criminal schemes in this area. Unfortunately, in recent years there has been an increase in the number of fraud cases related to attracting investments, which, in turn, underlines the importance of an in-depth study of criminal law regulation in this area. Moreover, the problem of the opacity of many shadow banking sector operations remains urgent, which, perhaps, creates favorable conditions for abuse and fraud and requires the search for effective solutions and preventive measures.

Keywords: money; financial crimes; financial transactions; financial flows; secure environment

В условиях стремительных изменений, происходящих в экономической и социальной сферах современного общества, проблема привлечения денежных средств и имущества становится все более актуальной. При модернизации особое значение приобретает обеспечение стабильности и сохранения традиционных ценностей, таких как честность, ответственность и законность. Современный мир сталкивается с множеством вызовов, связанных с ростом числа финансовых преступлений, которые наносят значительный ущерб как отдельным гражданам, так и экономике в целом.

В вышеуказанном аспекте уголовное право Российской Федерации играет, безусловно, важнейшую роль в обеспечении правопорядка и защиты интересов граждан, поскольку постольку оно устанавливает ответственность за организацию деятельности, связанной с привлечением денежных средств. Такая ответственность служит важным механизмом предотвращения преступных схем, направленных на незаконное обогащение и разрушение экономической системы. Вышесказанное способствует развитию у участников экономической деятельности осознания важности соблюдения закона и укрепления доверия к институтам власти.

Современное общество, находящееся на этапе активной модернизации, в свою очередь, сталкивается с многообразием экономических и социальных последствий, вытекающих из процесса привлечения денежных средств и иного имущества. В связи с тем, что финансовый рынок становится все более доступным, то и увеличивается количество граждан, желающих инвестировать свои сбережения. Это явление создает среду для возникновения мошеннических схем и правонарушений, которые могут подрывать доверие к финансовым институ-

там. В условиях, когда финансовая грамотность многих граждан остается на низком уровне, активное распространение криптовалют и онлайн-инвестиций создает дополнительные риски. Это требует от общества адекватной реакции, включая увеличение просвещения и формирование культурных норм, способствующих ответственному обращению с деньгами.

Ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств в уголовном праве несет важное социальное значение, особенно в контексте сохранения традиционных ценностей и укрепления правопорядка. Соблюдение законодательных норм в данной сфере служит основой для формирования доверия к финансовым институтам. Это доверие, в свою очередь, является важным ресурсом для стабильности экономических отношений. Бесспорно, если общество ощущает уверенность в том, что денежные средства, которые оно вкладывает, находятся под надежной правовой защитой, то это способствует привлечению новых инвестиций, капитала и в конечном итоге к развитию экономики в целом.

Несоблюдение законодательных норм, влекущее за собой финансовые преступления, наоборот подрывает этот фундамент доверия. Люди становятся более настороженными в отношении финансовых операций, что приводит к сокращению активности на рынке. Такой эффект может транслироваться и на другие сферы жизни общества, где ожидания и реальность не совпадают. Уменьшение уровня доверия к финансовым институтам также может вызвать отток денежных средств, снижение благосостояния граждан и нарушение финансовых потоков.

Последствия несоблюдения норм законодательства могут быть далеко идущими: от юридических санкций до падения доверия со стороны граждан. Все вышеперечисленное является причиной социальной нестабильности и угрожает основам правопорядка. Люди, ставшие жертвами финансовых злоупотреблений, могут не только потерять свои деньги, но и значительно снизить свою жизненную уверенность, что отражается на всей социальной структуре.

Таким образом, соблюдение норм, регулирующих организацию привлечения денежных средств, представляет собой не простую правовую обязанность, но также служит гарантией сохранения и укрепления традиционных ценностей в обществе. Правильное понимание роли уголовной ответственности в этом контексте позволит обеспечить более высокую степень защиты социальной структуры и правопорядка, что имеет решающее значение в условиях постоянно меняющегося мира.

Даже в условиях высоких технологий, где многие финансовые операции становятся виртуальными, важность соблюдения традиционных ценностей остается актуальной. Необходимо наладить взаимодействие между государством, финансовыми учреждениями и обществом для создания среды, способствующей легитимному привлечению средств. Социальная ответственность участников финансового рынка и усиление контроля за их деятельностью могут стать важными шагами к созданию более безопасного финансового пространства.

Более того, проблемы привлечения денежных средств в современном обществе переплетены с социальными и культурными изменениями, требующими комплексного подхода. Понимание оснований финансовых преступлений и вовлеченность всех слоев общества в восстановление системы коллективной ответственности способны обеспечить не только защиту прав инвесторов, но и способствовать устойчивому развитию экономики.

Таким образом, ответственность за организацию привлечения денежных средств в уголовном праве России является важным инструментом для обеспечения финансовой безопасности и защиты прав граждан. Эффективное уголовно-правовое регулирование в этой области должно сочетаться с профилактическими мерами и образовательными инициативами, что позволит создать устойчивую и безопасную среду.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гладких В.И. Почему не работает статья 172.2 УК РФ об ответственности за создание «финансовых пирамид»? / Социально-экономическое развитие и качество правовой среды: сборник докладов VIII Московского юридического форума: в 5 ч., ч. 4. – Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. – С. 19–24.

2. Назарова Н.Л., Семенченко О.Д. Уголовно-правовая квалификация деятельности финансовых пирамид // Вестник КГУ. – 2016. – № 4. С. 232–235.

3. Сердюк А.Ю. Ответственность за организацию «финансовой пирамиды» в истории уголовного права и современной России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 336–341.

4. Лысенко В.А. Организационно-правовые основы системного подхода к обеспечению социалистической законности / Государство и право: история и современное состояние (к 100-летию образования СССР): сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Белгород, 15 декабря 2022 г. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2023. – С. 113–118.

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Рязанцева Е.Г.;
Комнатная Ю.А.,

кандидат юридических наук, доцент

(Белгородский государственный научный исследовательский университет)

Аннотация: в современных геополитических реалиях, включая условия проведения специальной военной операции, обеспечение национальной безопасности Российской Федерации приобретает критическую актуальность и стратегическое значение. В данном контексте статья посвящена комплексному анализу проблем правового регулирования статуса органов прокуратуры Российской Федерации как самостоятельного субъекта системы обеспечения национальной безопасности. Исследование выявляет системные противоречия в законодательном закреплении их компетенции, полномочий и места в механизме безопасности государства, что актуализирует необходимость разработки концептуальных подходов к совершенствованию правовых основ деятельности прокуратуры в этой сфере.

Ключевые слова: прокуратура; статус; законодательство; полномочия; обеспечения национальной безопасности.

ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE RUSSIAN FEDERATION'S NATIONAL SECURITY SYSTEM

Ryazantseva E.G.;
Komnatnaya Yu.A.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Belgorod State National Research University)

Abstract: in today's geopolitical realities, including the conditions of a special military operation, ensuring the national security of the Russian Federation is acquiring critical relevance and strategic significance. In this context, this article is devoted to a comprehensive analysis of the legal regulation of the status of the prosecutor's office of the Russian Federation as an independent entity within the national security system. The study reveals systemic contradictions in the legislative definition of their competence, powers, and place in the state security mechanism, highlighting the need to develop conceptual approaches to improving the legal framework for the prosecutor's office's activities in this area.

Keywords: prosecutor's office; status; legislation; powers; ensuring national security.

Согласно точке зрения А.И. Гальченко и других исследователей, эффективная защита национальной безопасности Российской Федерации требует консолидированных и скоординированных усилий всех государственных институтов, входящих в соответствующий механизм, вне зависимости от их функционального предназначения и ведомственной принадлежности [1, с. 17].

Вместе с тем, именно органам прокуратуры в этой системе отводится роль ведущего и наиболее компетентного звена. Значимость прокурорского надзора была особо подчеркнута Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 15 марта 2023 года на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры. Глава государства отметил высокую роль ведомства во всех сферах жизни общества и государства, включая обеспечение безопасности, и указал на особую важность его деятельности в современных непростых условиях, когда Россия отстаивает свой суверенитет.

Подтверждение данной позиции мы находим в трудах ученых, с позицией которых нельзя не согласиться. В частности, доктор юридических наук Т.А. Ашурбеков, глубоко исследовавший роль прокуратуры в системе национальной безопасности, определяет ее как центральный надзорный институт. Ученый обоснованно полагает, что практически ни одна сфера правовых отношений не остается вне зоны прокурорского надзора за исполнением законов. Этот надзор служит универсальным механизмом, обеспечивающим практическую реализацию всего массива законодательства о защите национальной безопасности. Обладая широким арсеналом средств реагирования, прокурор не только фиксирует нарушения, наносящие ущерб национальным интересам, но и активно их пресекает. Особое значение Т.А. Ашурбеков придает координирующей функции прокуратуры: она осуществляет системное взаимодействие с другими правоохранительными структурами, целенаправленно влияя на их деятельность. По его справедливому замечанию, именно в этом аспекте надзор приобретает ключевое профилактическое значение, работая на упреждение преступлений, а не только на их последующее исправление [2, с. 5].

Продолжая развитие данной темы, существенный вклад в понимание роли прокуратуры вносят профессор В.В. Меркурьев и доктор юридических наук Н.Н. Карпов. Так, В.В. Меркурьев указывает, что прокурорская деятельность напрямую нацелена на выявление, устранение и предупреждение угроз национальной безопасности. Эта работа осуществляется в рамках реализации надзорных функций с обязательным учетом актуального состояния законности на каждой конкретной территории [3, с. 46]. Дополняя эту мысль, Н.Н. Карпов акцентирует, что усилия и ресурсы прокуратуры целенаправленно сконцентрированы на достижении национальных приоритетов, закрепленных в п. 26 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, что подчеркивает стратегический характер ее миссии [4, с. 109].

Особый статус органов прокуратуры в системе государственной власти наделяет их уникальными полномочиями, позволяя посредством инструментов прокурорского надзора не только выявлять, но и эффективно нейтрализовывать угрозы, затрагивающие сферу национальной безопасности. Эта деятельность, подчиненная общей целевой установке, одновременно работает на укрепление

устоев конституционного строя и способствует утверждению непререкаемого авторитета права в обществе, обеспечивая тем самым правовые гарантии стабильности и суверенитета.

Несмотря на теоретически ясное предназначение прокуратуры в системе обеспечения национальной безопасности, ее фактический статус в данной сфере страдает от пробелов в правовом регулировании. Ключевая проблема заключается в том, что основополагающие законодательные акты, определяющие стратегию национальной безопасности, не содержат четкого закрепления места, конкретной роли и полномочий прокурорских органов в этом комплексном процессе. Данный правовой вакуум закономерно становится предметом научной дискуссии, о чем, в частности, свидетельствуют работы исследователей И.Б. Кардашовой, которые не только констатируют указанную проблему, но и предлагают собственные концептуальные модели для интеграции прокуратуры в архитектуру системы безопасности российского государства [5, с. 58].

Проведенный анализ действующего Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» демонстрирует, что несмотря на закрепление в части 3 статьи 4 общей системы органов, обеспечивающих национальную безопасность, куда входят федеральные, региональные государственные органы и органы местного самоуправления, сам законодательный акт не содержит прямой регламентации специальных полномочий органов прокуратуры в данной сфере. Примечательно, что глава выше указанного 2 Закона, детализирующая полномочия субъектов, охватывает Президента российской Федерации, Федеральное Собрание, Правительство Российской Федерации и другие уровни власти, но при этом обходит вниманием прокуратуру, что свидетельствует о законодательном пробеле в определении ее конкретной роли и функций в механизме обеспечения национальной безопасности.

Примечательно, что в утратившем силу Законе Российской Федерации № 2446-1 присутствовала отдельная статья (ст. 22), специально регламентировавшая осуществление прокурорского надзора за законностью деятельности органов, обеспечивающих безопасность. Учитывая особый статус российской прокуратуры, находящейся вне классической триады разделений властей, представляется обоснованным предложение о внесении в действующий Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» самостоятельной нормы, аналогичной существовавшей ранее и закрепляющей надзорные полномочия прокуратуры в данной сфере. Логическим продолжением данной меры стала бы соответствующая конкретизация в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», где целесообразно предусмотреть обеспечение национальной безопасности в качестве одного из ключевых целевых направлений деятельности надзорного ведомства, что позволило бы создать целостную и непротиворечивую правовую основу для ее работы в этом стратегически важном поле.

Участие Генерального прокурора Российской Федерации в работе Совета Безопасности, являющегося ключевым совещательным органом при главе государства по вопросам национальной безопасности, подчеркивает значительную роль прокуратуры в данной сфере. Анализ функционала Совета Безопасности,

установленного законом, показывает, что его основным рабочим инструментом является комплексная информация о состоянии законности, уникальным поставщиком которой выступает именно прокуратура, аккумулирующая соответствующие данные по всем без исключения направлениям общественной жизни. Однако данная системообразующая функция не находит адекватного институционального закрепления, поскольку, в отличие от руководителей других силовых ведомств (МВД России, ФСБ России), Генеральный прокурор не входит в состав постоянных членов Совбеза, что представляется правовой коллизией. В этой связи обоснованным выглядит обращение к позитивному опыту Республики Беларусь, где Генеральный прокурор является постоянным членом аналогичного органа, что позволяет предложить конкретную меру по совершенствованию российского законодательства – закрепить статус Генерального прокурора Российской Федерации как постоянного члена Совета Безопасности путем внесения соответствующих изменений в законодательство.

Таким образом, подводя итоги анализа, можно констатировать уникальный характер компетенции прокуратуры и ее особый правозащитный потенциал, которые определяют существенную значимость данного ведомства в деле обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Вместе с тем выявленный системный недостаток – отсутствие четкой и комплексной правовой регламентации положения прокуратуры в этой сфере – требует незамедлительного решения. Устранение существующих законодательных пробелов не только придаст деятельности надзорного органа более совершенные правовые основания, но и окончательно закрепит его особую, стратегически важную роль в архитектуре национальной безопасности страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гальченко А.И. Роль прокуратуры в обеспечении национальной безопасности // Законность. – 2015. – № 12 (974). – С. 16–19.
2. Ашурбеков Т.А. Правовые и организационные основы надзорной и иной функциональной деятельности прокуратуры в сфере национальной безопасности: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2009. – 543 с.
3. Меркурьев В.В. Задачи прокуратуры Российской Федерации по противодействию экстремизму и терроризму в контексте обеспечения национальной безопасности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 3 (53). С. 44–53.
4. Карпов Н.Н. Прокуратура России в системе обеспечения национальной безопасности / Правовое обеспечение национальной безопасности. Тридцать лет законодательству о безопасности Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Москва: Проспект, 2023. С. 107–112.
5. Кардашова И.Б. О проблемах определения роли прокуратуры в обеспечении национальной безопасности / Прокуратура в системе обеспечения национальной безопасности (Сухаревские чтения): сборник материалов III Научной-практической конференции (г. Москва, 6 октября 2017 г.). – Москва: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2018. С. 58–65.

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ КОНТРПРОПАГАНДЫ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Скандаков И.П.,

кандидат философских наук

(ОМПО УРЛС УМВД России по Белгородской области);

Киданова Н.Л.,

кандидат экономических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: тотальная цифровизация общества предъявляет новые требования к содержанию и методам пропаганды и контрпропаганды в системе МВД России. Отличительной особенностью является разнообразие общественно-политических мнений и оценок событий, распространение недостоверной и враждебной информации от других стран. В связи с этим резко возрастает неопределенность и противоречивость сведений в средствах массовой информации. В статье раскрыта роль целевой аудитории, эффективность контрпропаганды и этические аспекты использования пропагандистских методов.

Ключевые слова: пропаганда; контрпропаганда; безопасность; информация

KEY ASPECTS OF COUNTERPROPAGANDA IN THE CONTEXT OF INFORMATION WARFARE

Skandakov I.P.,

Candidate of Philosophical Sciences

(OMPO URLS of the MIA of Russia for the Belgorod Region);

Kidanova N.L.,

Candidate of Economic Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the total digitalization of society imposes new requirements on the content and methods of propaganda and counter-propaganda in the Russian Ministry of Internal Affairs system. A distinctive feature is the diversity of socio-political opinions and assessments of events, as well as the spread of unreliable and hostile information from other countries. As a result, the uncertainty and inconsistency of information in the media have increased dramatically. The article explores the role of the target audience, the effectiveness of counter-propaganda, and the ethical aspects of using propaganda methods.

Keywords: propaganda; counter-propaganda; security; information

В целях нейтрализации неблагоприятного информационно-психологического воздействия на личный состав существует необходимость проведения на постоянной основе мероприятий контрпропагандисткой направленности. При этом стоит отметить некоторые особенности, которые отличают деятель-

ность субъектов контрпропаганды в органах внутренних дел и вооруженных силах Российской Федерации.

Контрпропаганда – деятельность по оказанию информационно-психологического воздействия на людей и социальные группы в целях нейтрализации пропаганды противника.

Контрпропаганда в органах внутренних дел органически связана с пропагандой ценностных ориентаций служебной деятельности, героико-патриотическим воспитанием, воспитанием гражданина-патриота. Являясь, наш взгляд, разновидностью воспитательной работы, осуществляется успешно и эффективно лишь при условии постоянного учета ее особенностей, конкретных задач и функций.

Основной задачей контрпропаганды является демонстрация антигуманного характера пропаганды противника, ее лицемерие, маскировка истинных задач, скрывающихся за использованием лозунгов и пропагандистских материалов.

Выполняя функции критики, разоблачения враждебной идеологии и пропаганды, контрпропаганда формирует убежденность в своей правоте и неприемлемость к чужой идеологии.

Основными функциями контрпропаганды являются:

- выявление целей, преследуемых противником в целом и конкретном пропагандистском материале в частности;

- разоблачение способов и приемов пропаганды идей, враждебных деятельности органов внутренних дел и государственной политики Российской Федерации;

- демонстрация методов пропаганды, которые использует противник;

- объяснение политического и идеологического эффекта, которого ожидает противник от распространяемого материала, от методов, которые он использует;

- упреждение противника в формировании у граждан нашей страны, сотрудников ОВД правильного понимания и оценок событий внутренней и международной жизни, по правильному и всестороннему освещению проблем, которыми может попытаться спекулировать противник.

Для эффективной контрпропаганды требуется доскональное знание противника для того, чтобы конкретно и целенаправленно вести с ним противоборство. Кроме того, важно знать, на какой целевой аудитории стоит сделать акцент при проведении контрпропаганды. Выбор целевой аудитории определяется сущностью идей, требующих нейтрализации. Такой целевой аудиторией называются дивергентные группы (лица).

Дивергентные группы – социальные группы, которые являются явными или потенциальными генераторами данных идей.

Выявление дивергентных групп может проводиться методом опроса в подразделениях или территориальных органах, а при невозможности его использования (например, ограниченном времени) в состав дивергентной группы относятся лица, выявленные непосредственным руководителем путем наблюдения. Непосредственный руководитель коллектива должен знать личный состав, его морально-психологическое состояние, поэтому его помощь пропагандисту будет неоценима.

При работе с такими группами целью контрпропаганды выступает дискредитация вражеских идей, разрушение нежелательных информационных сущностей и недопущение их возникновения в будущем.

Для успеха контрпропагандистских мероприятий следует ответить на такие вопросы:

Кто является целевой аудиторией?

Каких результатов желают добиться пропагандисты, вбрасывая материал?

Каких результатов уже добились?

Что из сообщений, видеоматериалов, аудиоматериалов указывает на слабые места, возможности и намерения противника?

Какие неточности, несоответствие и обманы в сообщениях противника можно использовать для контрпропаганды?

Какие контраргументы необходимо выдвинуть, кому и каким образом?

Проводимый анализ позволяет понять, как планировать и проводить мероприятия контрпропаганды.

Для успеха контрпропаганды особенное значение имеет умение говорить с аудиторией о самых острых и сложных вопросах живым языком без штампованных фраз и готового набора формул, обеспечивая актуальность, правдивость, глубину содержания, яркость и привлекательность выступлений. Обход злободневных тем, попытка сгладить острые углы так и безответственное разглаживание не только обесценивают пропагандистское выступление, но и приносят немалый ущерб. Ведь если люди не находят серьезных ответов на волнующие их вопросы, они невольно будут вынуждены искать другие источники информации.

Также важно учитывать, что следует обеспечить высокую степень оперативности, так как там, где она отсутствует, создается информационный вакуум, который стремится заполнить противник. Пассивность и низкая скорость противопоставлены контрпропаганде. Контрпропаганда должна быть системной и вестись интенсивно среди всех категорий сотрудников.

Условно контрпропаганду можно разделить на две категории:

1. **Тактическая контрпропаганда**, которая предполагает реакцию в виде сообщений или действий в ответ на конкретное сообщение противника.

2. **Стратегическая контрпропаганда**, представляющая собой целостную информационную политику в качестве ответной линии на пропагандистскую активность противоборствующей стороны.

Также к вариантам тактических и стратегических решений относится: объявление ложью конкретный прозвучавший факт, стратегический – объявление ложью весь поток информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Миронкина О.Н. Методика освоения норм антикоррупционного законодательства в системе повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2019. – № 3 (169). – С. 210–216.

2. Михайлов С.Г. Воспитание молодежи и новое качество педагогических работников // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2021. – № 1. С. 53–64.

3. Черников М.В., Авдеенко Е.В. Манипуляция как инструмент пропаганды // KANT. – 2023. – № 2 (47). – С. 245–251.

ИДЕОЛОГИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЛИЧНОСТИ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Сорокопуд М.С.,

кандидат философских наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: статья посвящена философско-правовому анализу идеологии цифрового общества и ее влияния на духовно-нравственные ориентиры личности. Рассматриваются процессы формирования цифровой идеологии как новой формы социального и символического господства, трансформации ценностных структур сознания, утраты моральной автономии и подмены этических категорий алгоритмическими нормами. Обосновывается необходимость гуманизации цифровой среды и развития концепции цифрового гуманизма, направленного на защиту достоинства, совести и духовной свободы личности в условиях технологической цивилизации.

Ключевые слова: цифровое общество; идеология; духовно-нравственные ценности; личность; философско-правовая интерпретация; цифровой гуманизм; алгоритмическая мораль

THE IDEOLOGY OF DIGITAL SOCIETY AND ITS IMPACT ON THE SPIRITUAL AND MORAL GUIDELINES OF THE INDIVIDUAL: A PHILOSOPHICAL AND LEGAL INTERPRETATION

Sorokopud M.S.,

Candidate of Philosophical Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article provides a philosophical and legal analysis of the ideology of digital society and its impact on the spiritual and moral values of the individual. It examines the formation of digital ideology as a new form of social and symbolic domination, the transformation of the value structures of consciousness, the loss of moral autonomy, and the substitution of ethical categories with algorithmic norms. It substantiates the need to humanize the digital environment and develop the concept

of digital humanism aimed at protecting the dignity, conscience, and spiritual freedom of the individual in a technological civilization.

Keywords: digital society; ideology; spiritual and moral values; individual; philosophical and legal interpretation; digital humanism; algorithmic morality

Современное человечество вступило в эпоху, которую можно обозначить как цифровую цивилизацию, иными словами пространство, в котором технологии становятся основным средством организации мышления, общения и власти. Цифровая среда все более приобретает черты идеологического конструкта, формируя новые нормы восприятия реальности, ценностные предпочтения и модели поведения. Идеология цифрового общества возникает как мягкая, повсеместная форма социального управления через информационные потоки и алгоритмы, определяющие рамки допустимого. В этих условиях вопрос о духовно-нравственных ориентирах личности становится предельно острым. Если традиционные формы морали опирались на религиозные, культурные и правовые основания, то цифровая эпоха создает иную аксиологическую картину, в рамках которой алгоритм подменяет совесть, а «лайк» становится эквивалентом морального одобрения.

Начиная с эпохи Просвещения, философия всегда стремилась осмыслить соотношение человека и техники, но именно в XXI веке техносфера становится самостоятельным актором истории. М. Хайдеггер видел в технике проявление сущности бытия как «способ раскрытия мира» через инструментальную рациональность, в рамках которой человек все более редуцируется к функции управления процессами [16]. Анализируя феномен симулякров, Ж. Бодрийяр указывал, что «современная реальность теряет подлинность, превращаясь в знаковую игру», в которой образы подменяют смысл [3, с. 112]. Цифровая идеология продолжает эту линию и формирует человека как «узел данных», чья духовность становится производной от логики информационного обмена.

Философско-правовая интерпретация данной проблемы позволяет выявить глубинные механизмы трансформации личности под влиянием цифровизации. Право, изначально ориентированное на защиту свободы и достоинства человека, сталкивается с новыми вызовами: как сохранить субъектность личности, если ее поведение все чаще моделируется цифровыми системами? Цифровая идеология влияет на моральное сознание и постепенно задает юридические нормы, формируя «алгоритмическую справедливость» вместо человеческой ответственности. Проблема идеологии цифрового общества выходит за рамки технологического дискурса и становится вопросом о судьбе человека как духовно-нравственного и правового существа.

Феномен идеологии цифрового общества требует осмысления на стыке философии, права и антропологии, поскольку затрагивает внешние формы социальной организации и внутреннюю структуру человеческого сознания. Цифровая среда выступает технической инфраструктурой и особой онтологической реальностью, в которой формируются новые типы отношений между субъектами, вещами и символами. Философское понимание этой реальности возможно лишь через обращение к традиции критического анализа техники и идеологии.

К. Маркс отмечал, что «идеология – это форма отчуждения, при которой господствующие материальные отношения принимают вид естественных и самоочевидных» [14, с. 98]. В цифровом обществе подобное отчуждение достигает новой стадии и человек утрачивает контроль над средствами производства и над средствами коммуникации, через которые теперь формируется его сознание.

Методологическая опора данного исследования строится на диалектическом и феноменологическом подходах. Диалектика позволяет рассматривать цифровую идеологию как противоречивое явление. С одной стороны, выражение прогресса и универсального доступа к знаниям, а с другой, – форму социального конформизма и духовной стандартизации. Феноменология же, восходящая к Э. Гуссерлю, открывает возможность анализа цифрового опыта как особого способа «бытия-сознания», в котором исчезает дистанция между субъектом и объектом, а «жизненный мир» растворяется в потоке данных [5, с. 101]. Современный человек все чаще воспринимает реальность сквозь призму интерфейса, не как «бытие-в-мире», а как «бытие-в-сети», где границы тела, времени и пространства утрачивают свой онтологический статус.

Цифровая идеология формируется в результате соединения технорациональности и идеалов постмодернистской культуры. Ж.-Ф. Лиотар описывал постмодерн как «состояние недоверия к метанарративам» [8], что в цифровую эпоху проявляется как отказ от устойчивых смыслов и моральных абсолютов. Алгоритмы, управляющие информационными потоками, заменяют традиционные формы авторитета (религиозного, политического, правового). Тем самым рождается новая форма власти, описанная М. Фуко как «биополитика», то есть власть, действующая через нормализацию, контроль и наблюдение [13]. В цифровом обществе эта власть становится «инфополитикой», когда каждый акт коммуникации одновременно является актом подчинения алгоритмическому порядку.

В свою очередь, правовая мысль сталкивается с необходимостью переосмысления своей природы. Если классическое право исходит из автономии личности, то цифровое пространство создает модели поведения, заданные извне. Юридическая субъектность становится функцией технических систем, а цифровая идентичность подчиняется логике программного обеспечения. В этой связи важен тезис Х. Арендт о «необходимости сохранения человеческого достоинства как основания политического и правового бытия» [1, с. 45]. Цифровая идеология угрожает этому основанию, превращая личность в объект статистической обработки, когда свобода подменяется доступом, а справедливость – эффективностью.

Методологически значимым является и аксиологический подход, позволяющий выявить изменения в ценностной структуре общества. М. Шелер подчеркивал, что «ценности не сводимы к полезности или удовольствию, они имеют иерархию, где духовные ценности занимают высшую ступень» [17, с. 114]. В цифровом обществе эта иерархия нарушается. На первый план выходят ценности скорости, комфорта, потребления и социального одобрения. Формируется «алгоритмическая этика», в которой критерии добра и зла определяются статистической нормой, а не совестью.

Теоретико-методологический каркас исследования предполагает комплексное использование философских и правовых инструментов. Философия раскрывает онтологическую и аксиологическую природу цифровой идеологии, право же – ее институциональные и нормативные формы. Только их синтез позволяет понять, как цифровая среда преобразует внешние социальные структуры и внутренний духовно-нравственный мир личности, превращая свободу выбора в функцию интерфейса, а ответственность – в алгоритм.

Цифровое общество формирует особый тип идеологии, в которой власть знания и власть алгоритма сливаются в единую систему символического господства. Если индустриальная эпоха опиралась на экономические формы подчинения, то цифровая власть проявляется в управлении вниманием и восприятием. Современный человек оказывается включен в бесконечный поток информации, в котором смысл заменяется скоростью реакции, а истина статистической релевантностью. В этой среде духовно-нравственные ориентиры теряют свою абсолютность, превращаясь в переменные величины, зависящие от цифрового контекста. Н.А. Бердяев считал, что «техника, освобождая человека от природы, может поработить его дух, если она становится самоцелью» [2, с. 148]. Именно это и происходит в цифровом обществе. Инструментальная рациональность становится тотальной, подменяя моральную свободу функциональной целесообразностью.

Цифровая идеология утверждает новую аксиологию, не иерархию ценностей, а сетевую структуру, в которой все смыслы равноценны, а истина определяется количеством просмотров. По сути, это идеология имманентности, лишенная трансцендентного измерения, в котором духовное растворяется в утилитарном. Виртуальная среда формирует особую антропологическую модель – «человека сетевого» (*homo digitalis*), чья идентичность основана на внешних знаках и реакциях аудитории. Символический капитал личности (лайки, репосты, просмотры) заменяет моральный капитал. М. Кастельс отмечал, что «в сетевом обществе власть принадлежит тем, кто контролирует потоки информации, а значит – структуру человеческих желаний» [7, с. 313]. В результате цифровая идеология отражает социальную реальность и активно конструирует ее, задавая человеку рамки мышления и поведения.

Психологическая зависимость от цифровой среды создает эффект отчуждения, описанный еще Э. Фроммом: «Человек теряет способность к самостоятельному суждению и становится функцией системы» [12, с. 57]. Алгоритм, выдающий готовые решения, снимает необходимость этического выбора. Возникает новый тип морального релятивизма («алгоритмическая мораль»), когда понятия добра и зла нивелируются под предлогом нейтральности технологий. Однако, по мнению И. Канта, «достоинство личности основано на способности человека быть целью самой по себе, а не средством» [6, с. 127]. Цифровая идеология нарушает этот принцип и личность становится средством извлечения данных, объектом маркетинговых и политических манипуляций. Кризис духовно-нравственных ориентиров в цифровую эпоху есть не случайное следствие прогресса, а закономерный результат идеологического смещения от внутренней свободы к внешнему управлению.

С философско-правовой точки зрения этот процесс имеет двойственный характер. С одной стороны, цифровизация создает новые формы свободы (доступ к знаниям, коммуникации, творчеству), а с другой, – подчиняет эти формы логике глобальных цифровых корпораций и политико-технических алгоритмов. Личность оказывается в парадоксе и вроде бы свободна, но ее свобода измеряется возможностями интерфейса. Такое положение можно назвать «символическим тоталитаризмом», иными словами – властью, которая не требует насилия, потому что встроена в структуру самого общения. Х. Ортега-и-Гассет предупреждал, что техницизм может породить «восстание масс», когда духовные ценности уступают место комфорту и массовым стандартам [9, с. 64]. Цифровое общество демонстрирует именно это: торжество массового над индивидуальным, функционального – над экзистенциальным.

Отсюда возникает вопрос о возможности восстановления духовного измерения личности в цифровой эпохе. Ответ на него предполагает переоценку самой природы идеологии. Если принять, вслед за П. Рикером, что идеология не только искажает реальность, но и обеспечивает ее символическую интеграцию [11, с. 261], то цифровая идеология может быть осмыслена не как абсолютное зло, а как пространство борьбы за смысл. Духовно-нравственные ориентиры не исчезают, а требуют новой формы выражения, способности к осознанной навигации в информационном хаосе, критическому мышлению, этическому выбору вопреки алгоритму. Именно здесь и начинается подлинная духовная свобода, в восстановлении человеческого начала внутри него.

В условиях господства цифровой идеологии право становится хранителем человеческой духовности. Правовая система, исторически опирающаяся на представление о человеке как о свободном и разумном существе, сталкивается с вызовом алгоритмизации социальной реальности. Если техника, по выражению М. Хайдеггера, «раскрывает мир как стоящий резервуар» [16], то цифровая идеология раскрывает человека как источник данных. Такая редукция личности требует ответной реакции, разработки правовых механизмов, способных защитить не просто интересы, а достоинство, совесть и внутреннюю автономию субъекта.

Современное право традиционно ориентировано на защиту внешней свободы (свободы слова, информации, передвижения). Однако цифровая эпоха выявляет необходимость защиты внутренней свободы, то есть способности человека к духовному самоопределению. Виртуальная среда, формируя поведенческие шаблоны и контролируя эмоциональные реакции, вторгается в область, которую ранее философия считала сакральной, – во внутренний мир личности. Право должно научиться защищать человека и от когнитивного насилия. Уже сегодня международные документы (например, Рекомендацию по этическим аспектам искусственного интеллекта, принятые ЮНЕСКО в 2021 г. [10]) фиксируют необходимость ограничения алгоритмического вмешательства в сферу морального выбора. Защита духовно-нравственных ориентиров становится новой функцией правового государства, функцией этико-антропологической.

Философия права традиционно связывает нравственность и закон. Г.В.Ф. Гегель утверждал, что «право есть существование свободы» [4, с. 13],

а потому там, где свобода становится иллюзией интерфейса право должно восстанавливать ее реальность. В этом смысле цифровое право не может ограничиваться технической регламентацией и должно быть пропитано гуманистическим духом, выражая идею человека как высшей ценности. Примером служат концепции «цифровых прав человека», закрепленные в резолюциях ООН и Совета Европы: право на цифровую идентичность, неприкосновенность данных, «право быть забытым». Однако правовое регулирование не может исчерпать всей глубины проблемы, формальное соблюдение норм не гарантирует сохранение нравственной автономии. Для этого необходимо развитие «цифровой этики» как внутреннего правосознания, способного соотносить технологические возможности с духовными пределами.

Особую роль в этом процессе играет категория достоинства личности. Как писал И. Кант, достоинство это «вещь, не имеющая цены, а лишь достоинство» [6, с. 102]. В цифровом контексте этот принцип приобретает новый смысл. Если данные личности становятся товаром, то защита достоинства требует признания человеческой субъективности как неприкосновенной. Нарушение этой неприкосновенности (когда личность редуцируется к профилю, аватару, цифровому следу) представляет собой форму духовного насилия, пусть и без видимого принуждения. Здесь философско-правовая задача состоит в том, чтобы вернуть человеку статус субъекта смысла, а не только субъекта права.

Гуманизация цифрового пространства возможна лишь при условии синтеза юридических и культурных стратегий. Право должно взаимодействовать с образованием, искусством, философией, то есть теми сферами, в которых формируется ценностное сознание. Ю. Хабермас справедливо указывал, что «правовая система без этической коммуникации превращается в инструмент власти» [15]. Следовательно, устойчивость духовно-нравственных ориентиров в цифровом обществе зависит от способности права быть не репрессивным, а диалогическим. В этом смысле юридическая норма должна пробуждать ответственность, быть не «алгоритмом запрета», а «формой признания».

Правовые механизмы защиты духовно-нравственных основ личности включают законодательные меры и создание условий для духовного самоопределения человека. Речь идет о формировании правовой культуры цифрового гуманизма, в рамках которого главной ценностью становится человек как источник морали, а не объект регулирования. Цифровая эпоха предъявляет право к новому испытанию, сумеет ли оно остаться пространством свободы и совести, или растворится в алгоритмической рациональности. Ответ на этот вызов зависит от философской глубины правового мышления и способности юриспруденции сохранить духовное измерение человека.

Подводя итоги, можно отметить, что идеология цифрового общества выявила глубинное противоречие современности. Стремление человечества к безграничному знанию и контролю обернулось угрозой утраты духовной автономии. Цифровая среда, вобравшая в себя утопии разума и технического прогресса, стала пространством, в котором формируется новый тип сознания (фрагментарный, ускоренный, управляемый). В этой трансформации скрыта социальная и онтологическая драма, человек перестает быть мерой всех вещей, превраща-

ясь в элемент системы, в узел информационного обмена. Однако именно здесь рождается потребность в новом философско-правовом ответе, способном вернуть цифровому бытию человеческое измерение.

Философский анализ показал, что цифровая идеология это не просто инструмент власти или экономики, а форма смыслового господства, задающая новые критерии истины и добра. Она формирует «алгоритмическую мораль», в которой исчезает пространство совести, и тем самым подрывает традиционные духовно-нравственные ориентиры. Право, сталкиваясь с этой идеологией, вынуждено переосмысливать собственные основания. Защита личности уже не сводится к формальным гарантиям, а требует охраны самой способности человека к духовному выбору. В этом контексте философско-правовая интерпретация выступает как средство сопротивления тотальной рационализации, как путь к утверждению достоинства и ответственности личности.

Будущее цифрового общества зависит от того, сможет ли оно выйти за пределы техноцентризма и обрести гуманистический смысл. Необходима новая парадигма – цифровой гуманизм, основанный на признании духовной природы человека, его права на совесть, автономию и смысл. Только в этом случае цифровизация станет не угрозой, а продолжением человеческой культуры, выражением творческой, а не инструментальной силы разума. Как писал Н.А. Бердяев, «будущее принадлежит духу, если человек сохранит верность себе» [2, с. 160]. В этом утверждении и заключен итог современного философско-правового поиска. Задача в том, чтобы научить их служить человеку, а не подменять его сущность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Библихина. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – 437 с.
2. Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 147–162.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Пер. с фр. А. Качалова. – Москва: ПОСТУМ, 2016. – 238 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Основы философии права. – Санкт-Петербург: П.П. Сойкин, ценз. 1904. – 53 с.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введ. в феноменол. философию / Пер. с нем. Д.В. Складнева. – Санкт-Петербург: Фонд Университет, 2004. – С. 101.
6. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. и предисл. Н. Лосского. – 2-е изд. – Петроград: тип. М.М. Стасюлевича, 1915. – 464 с.
7. Кастельс М. Власть коммуникации / Пер. с англ. Н.М. Тылевич, А.А. Архиповой / под науч. ред. А.И. Черных. – 2 изд., доп. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 590 с.
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – Санкт-Петербург: Наука, 1998. – 160 с.

9. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – Москва: Науч.-философское изд-во НТС, 1950. – 93 с.
10. Рекомендация по этическим аспектам искусственного интеллекта, принятая Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в ходе своей 41-й сессии, проходившей в Париже с 9 по 24 ноября 2021 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://ifap.ru/ofdocs/unesco/airec.pdf> (дата обращения: 01.10.2025).
11. Рикер П.Я – сам как другой / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. – Москва: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. – 419 с.
12. Фромм Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. А. Лактионова. – Москва: АСТ МОСКВА, 2009. – 284 с.
13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. – Москва: Ad Marginem, 1999. – 478 с.
14. Фукс К. Цифровой труд и Карл Маркс. – New York: Routledge, 2014. – 424 с.
15. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? – Москва: Весь Мир, 2002. – 144 с.
16. Хайдеггер М. Вопрос о технике. – Санкт-Петербург: Наука, 2007. – 330 с.
17. Шелер М. Избранные произведения / науч. ред., предисл. А.В. Де-нежкина; послесл. Л.А. Чухиной. – Москва: Гнозис, 1994. – 413 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДМЕТНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ ЧЕРЕЗ СМЕНУ ТИПОВ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И СВЯЗЬ С ФИЛОСОФИЕЙ ПРАВА

Таранова А.Е.,

кандидат социологических наук, доцент;

Антонов Е.А.,

доктор философских наук, профессор

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье представлены этапы становления юридической науки и развития понимания предметности юридико-научного знания. Обращено внимание на изначально синкретический характер юридической науки, роль классической философии права (естественно-правовых учений) в осмыслении государственно-правовой реальности. Указано, что методологическое оформление юридической науки осуществлялось на основе позитивизма в условиях размежевания классического естественно-правового и позитивистского (легистского) типов правопонимания. Это способствовало становлению в юридической науке установки «юридическая наука сама себе философия» и вектора на создание «чистого учения о праве» как основы для понимания ее предметности и

методологии (в узкопозитивистском ключе). Описаны векторы трансформации юридической науки, ее предметности и методологии в условиях постклассики (перепрочтение связи с философией права и «антропологический поворот»).

Ключевые слова: философия права; юридическая наука; предмет юридической науки; естественное право, позитивизм; юридический позитивизм; «человеческий фактор»

TRANSFORMATION OF SUBJECT MATTER OF LEGAL SCIENCE THROUGH THE CHANGE OF TYPES OF SCIENTIFIC RATIONALITY AND ITS CONNECTION WITH THE PHILOSOPHY OF LAW

Taranova A.E.,

Candidate of Sociology, Associate Professor;

Antonov E.A.,

Doctor of Philosophical Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article presents the stages of establishing of legal science and development of understanding of the subject matter of legal scientific knowledge. The article draws attention to the initially syncretic character of legal science and the role of classical philosophy of law (natural law doctrines) in understanding state-legal reality. It is noted that methodological form of legal science was based on positivism under the condition of the demarcation between the classical natural law and positivist (legist) types of legal understanding. This contributed to the development of the “legal science is its own philosophy” attitude in legal science and the vector for creating a “pure doctrine of law” as the basis for understanding its subject matter and methodology (in a narrowly positivist view). The article describes the vectors of transformation of legal science, its subject matter and methodology in the context of post-classicalism (reinterpretation of the connection with the philosophy of law and the “anthropological turn”).

Keywords: philosophy of law; legal science; subject of the legal science; natural law; positivism; legal positivism; “human factor”

При осмыслении многообразия государственно-правовых философий и теорий, разработанных в разное время, обнаруживается, что в них содержится больше расхождений, нежели сходства относительно природы государства и права, их происхождения и соотношения. Очевидно, что природа права и его соотношение с государством будут противоположным образом представлены, как минимум, в потестарной и либертариарной парадигмах правопонимания. Особенно ярко проявляется многообразие в области права, там, где часто ассоциация с законами, атрибутикой правосудия формирует видимость основательности, строгости понятий и категорий. Это лишь внешняя сторона явления, не раскрывающая природу права и государства как сложных социально-антропологических феноменов.

Вместе с тем классические теории права носят нормативный характер, пытаются выработать «чистое учение о праве», не обращаясь к праву как феномену жизни человека и общества (т.е. имеют дело с правом «каким оно должно быть», а не с правом «каково оно есть»). Данные тенденции свойственны теориям естественного права, трансцендентально-идеалистическим теориям, утилитаризму и нормативизму и их ответвлениям.

Ни одна философско-правая концепция, теория государства и права не появлялись «на ровном месте», как не связанный с реальной жизнью человека и общества плод абстрактной мысли. Философия права – отрасль знания, созданная, как и все остальные изначально философские дисциплины, для решения специальных задач, таких, например, как обоснование частнонаучных (специально-юридических) методологий, философская рефлексия над научными (научно-юридическими) теориями и концепциями, а также критическое осмысление их использования в правотворческой и правоприменительной практике. Концепции философии и теории права во всем многообразии рождены социально-культурными, политическими, экономическими условиями своего времени, решением характерных для него проблем социального развития. Наиболее остро такие проблемы проявляют себя в переходные и переломные исторические периоды. Исторические типы философии и науки (доклассическая, классическая, неклассическая, современная постнеклассическая), философия политики, права, государства всегда изменялись на пороге или в контексте социальных трансформаций, неустойчивости, нестабильности, когда разрушался привычный социально-нормативный уклад жизни.

В силу синкретичности юридино-научного познания, сохранявшегося вплоть до XIX века, теоретическое познание права и государства складывалось преимущественно в философии (включая религиозную и моральную философию). В XIX веке под влиянием утверждения нового типа общества (капиталистического классового общества), глубоких социальных потрясений была осознана необходимость серьезных перемен в теоретическом познании права. Это выразилось в интенсивном развитии юридино-научного познания государства и права на основе позитивизма, как доминирующей концепции философии науки в этот период. Юридический позитивизм пытался вывести государственно-правовую теорию из «теоретического тупика», обусловленного умозрительностью и абстрактностью естественно-правовой теории, углубляя «конфликт» естественно-правового и легистского типов правопонимания. В этот период утверждалась идея того, что юридическая наука (юридическое учение о праве) самодостаточна и не нуждается в философском осмыслении (юридическая наука – сама себе философия). Вклад в ее становление и развитие вносили представители немецкой исторической школы права Г. Гуго, К. Савиньи, Г. Пухта, основателями юридического позитивизма являются Д. Остин, Р. Иеринг, проложивший путь к социологической теории права, Г. Кельзен с его «чистым учением о праве» и другие.

Недостаточность узко-позитивистского понимания права, сложившегося в классической юридической науке, обусловила ее обращение при переходе к неклассическому типу научной рациональности в XX веке к социологии и но-

вое прочтение философии права. Социологический поворот юридико-научного правоведения призван был нивелировать отрыв позитивистской методологии от социальной действительности. Этот «отрыв» проявлялся в постоянно увеличивающемся водоразделе между «реальным правом» и классическими позитивистскими правовыми категориями. Ж. Леклерк обозначил указанный процесс понятием «юридизм»¹. Опора правовой теории на социально-научную парадигму, которая пронизывала даже работы Г. Кельзена, намеренно отгораживающегося от всего, что не связано непосредственно с правом, позволила реализовать ряд гносеологических, аксиологических, практических задач на пути «размифологизации» учений о праве в философии и юридической науке, одновременно сформировав новые, проявившиеся под влиянием вызовов постнеклассики. В первую очередь, обозначившиеся на рубеже XX и XXI проблемы в теории и философии права, обусловлены осознанием недостаточности понимания бессмысленности рассуждения о праве и государстве вне социального контекста и необходимостью развития философии права на основе концепций человека как творца права, погруженного в конкретную культуру. Таким образом, в XXI столетии юридическая наука и философия права вновь оказываются на переломном этапе своего развития и взаимодействия.

В этих условиях возрастает необходимость философского обоснования «вписанности» юридической науки в контекст современной культуры, что будет способствовать развитию междисциплинарно-интегративных подходов к познанию государственно-правовой реальности. В свете этого историческая проблема взаимосвязи философии и юридической науки с новой силой обсуждается отечественными и западными исследователями. Философы и юристы поднимают ее на новый уровень методологического осмысления, предполагая путь соединения сущего и должного и способствуя формированию путей и способов создания новой, постнеклассической теории и философии права.

Конструирование предметности науки, ее методологии, социальных функций, граней «человеческого измерения» осуществляются в контексте определенного типа научной рациональности. Феномен научной рациональности появляется в западноевропейской философии и науке Нового времени. В культурно-исторической динамике типов научной рациональности с этого периода выделяют классический, неклассический, постнеклассический, в рамках которых формируются соответствующие модели теоретической правовой мысли, образы ее предметности и методологии, так как «предмет юридической науки исторически изменчив и обусловлен соответствующей исторической эпохой. Несмотря на сохраняющиеся юридические понятия и конструкции, образующие

¹ Юридизм означает узкопрофессиональный (узко-позитивистский) юридический подход к феномену права, абсолютизирующий правовую норму как средство социального регулирования. В частности, юридизм достаточно ярко проявился в нормативизме Г. Кельзена, как разновидности нормативистского типа правопонимания, в котором Г. Кельзен рассматривал право как совокупность взаимосвязанных, иерархически выстроенных социальных норм, определяющих порядок в обществе путем регуляции общественных отношений. Следуя позитивистской методологии, Г. Кельзен исключает употребление оценочных суждений в теории права и постулирует «требование отличать право от морали и правоведение от этики».

содержание юридической догматики и соответствующую традицию, «ремесло юристов», ... каждая эпоха их переформулирует и адаптирует к изменяющемуся историческому контексту» [2, с. 182].

В системе классической научной рациональности, основными чертами которой явились гносеологический объективизм, механицизм, естественно-научный центризм, методологический монизм образ предметности юридической науки стал конструироваться, как отмечалось выше, на основе позитивизма. Синкретизм юриспруденции вплоть до последней трети XVIII века обуславливался тем, что «за исключением немецкой философской традиции XVIII–XIX веков западная философия не считала область права заслуживавшей отдельного внимания. ... Гораздо больше внимания в классической традиции уделялось проблемам практической философии, под которой понималась философия морали» [3, с. 22–23]. В свете этого синкретизм юриспруденции западного Средневековья, частично Нового времени усиливался тем, что ее «теоретический уровень – учения о праве» и «практический уровень – позитивное право (законодательство)» не были отделены от философии, религии, морали. Решающим для обретения юридической наукой самостоятельного статуса и выхода из синкретичного состояния в XIX веке стало развитие ее в соответствии с принципами позитивистской научно-исследовательской программы. На основе позитивизма был сформирован понятийный аппарат юридической науки, обретен предметность, определен метод познания. Однако основные проблемы позитивистской программы юридической науки (базовые принципы позитивизма сильны в отраслевых юридических науках и сегодня) проявились в XX веке. В связи с тем, что «позитивистская эпистема – это ориентация на внешние признаки права» [2, с. 182] она постулировала узкоюридическое «безсубъектное» понимание предмета юридической науки, утверждая объективную природу государства как творца права (предмет) и закрепляя право как «наиндивидуальную» реальность (объект). В указанных границах право не имеет «человеческого измерения», исторической и цивилизационной специфики, на передний план разработки выводится юридическая догматика и формируется соответствующий тип юридического мышления, объект и предмет юридической науки составляют своеобразный синкретизм (в силу объективации предмета он становился мало различим с объектом).

Вступление юридической науки в эпоху постклассики обусловило развитие методологических установок к различению объекта и предмета науки. В первую очередь это явилось показателем степени зрелости науки в целом, в частности юридической. В свете этого классическое представление о праве и государстве (главных объектно-предметных «акторов» классической юридической науки), как находящихся вне контекста многообразной деятельности человека и не являющихся ее продуктами, становится не соответствующим постклассическим установкам. Осознание того, что «право – лишь момент общества, реально существующий как элемент (сторона) социально-экономической формации ... не имеет собственной истории, отдельной от истории социальной» [1, с. 11], обусловило системное переосмысление философско-методологических оснований юридической науки, переориентацию в определе-

нии ее предметности от изолированного рассмотрения предмета к учету внешних социокультурных условий, антропологического фактора. Указанные изменения соотносятся с постклассическими вопросами относительно «объективности объективного, в частности, объекта науки».

Объект современной юридической науки понятийно обозначается как правовая реальность, однако в сравнении с классикой существенно изменяется понимание его содержания. Утверждается, что «правовая реальность, право, как социальное явление – это люди, конструирующие господствующие сегодня социальные представления о праве, включая знаковое их воплощение в законодательстве и других формах нормативности права, и их реализацию в юридически значимых практиках» [2, с. 179].

Учитывая то, что предмет науки определяется не только объектом познания, но и конструируется субъектом познания в рамках объекта, на его определение влияют многообразные социокультурные и культурно-антропологические факторы, типы правопонимания. Правовые явления, вопреки интерпретациям аналитической юриспруденции, невозможно рассматривать как «очищенные» от социальных, культурных, политических, экономических феноменов. Признавая антропологическую природу права, В.М. Сырых утверждает, что к предмету современной юридической науки необходимо относить и внеправовые явления, так как невозможно познать ее предмет «без системного и целенаправленного вторжения в сферу неюридического (*культуры, демографии, экономики, политики и т.д.*)» [4, с. 75]. Вместе с тем важнейшей проблемой юридической науки после признания человеческого измерения права становится поиск интегративных методологических оснований, позволяющих консолидировать усилия различных концепций методологии юридической науки в условиях деконструкции и инверсии правовой реальности.

Условия преодоления «методологического кризиса» юридической науки на пересечении классических и постклассических парадигм находятся в плоскости определения междисциплинарно-интегративных методологических феноменов научно-юридического познания. В частности, с учетом специфики новейших вызовов и угроз речь может идти о развитии антропологической научно-исследовательской программы, которая способна обеспечить адаптивное понимание предметности и методологии юридической науки, преодолевая как узость позитивистского подхода, так и плюрализм постмодернизма, методологически деконструирующий юридическую науку. Включение человека в предмет юридической науки (развитие антропологии права и антропологии государства как органических частей юридической антропологии) становится насущной задачей ее дальнейшего развития в соответствии с вектором постнеклассического типа научной рациональности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Денисов Ю.А., Спиридонов Л.И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. – Ленинград: Наука, 1987. – 205 с.

2. История и методология юридической науки: учебник для вузов / И.Ю. Алексеева, Ю.А. Денисов, И.И. Еремина, М.К. Ивина, А.Б. Сапельников, А.Э. Чернооков, И.Л. Честнов; под ред. Ю.А. Денисова, И.Л. Честнова. – Санкт-Петербург: ИВЭСЭП, 2014. 560 с.

3. Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – 528 с.

4. Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1: Элементарный состав. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Юстицинформ, 2004. – 528 с.

ДОРОЖНАЯ КАРТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БОЛЬШИХ ДАННЫХ В ОБРАЗОВАНИИ КАК СТРАТЕГИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Толстых М.Ю.,

кандидат технических наук, доцент

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя;
Московский государственный лингвистический университет)

Аннотация: в статье описана концепция разработки и структура дорожной карты интеграции технологии больших данных в образовательный процесс как стратегии цифровизации и эволюции правовой культуры. Описаны этапы ее создания от планирования до масштабирования с акцентом на этику и безопасность.

Ключевые слова: большие данные; дорожная карта; цифровая трансформация; правовая культура

ROADMAP FOR THE APPLICATION OF BIG DATA IN EDUCATION AS A STRATEGY FOR DIGITALIZATION AND THE EVOLUTION OF LEGAL CULTURE

Tolstykh M.Y.,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

(Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Moscow State Linguistic University)

Abstract: the article describes the concept of development and the structure of the roadmap for integrating big data technology into the educational process as a strategy for digitalization and the evolution of legal culture. The stages of its creation from planning to scaling, with an emphasis on ethics and security, are described.

Keywords: big data, roadmap; digital transformation; legal culture

Процессы цифровизации общества неразрывно связаны с эволюцией правовой культуры [1, с. 602], поскольку они порождают новые вызовы в регулировании цифровых прав, защите данных и этических нормах использования технологий. Требуется адаптация правовых механизмов к виртуальной среде: от традиционных норм к специализированным, где эволюция проявляется в переходе к формированию этических стандартов и цифровой грамотности на систематической основе.

В данном контексте цифровизация образования [2, с. 12] играет ключевую роль, поскольку интегрирует в образовательные программы знания о цифровом праве и кибербезопасности, что способствует формированию осознанной правовой культуры среди подрастающего поколения и повышает общую грамотность населения. Среди множества технологий цифровизации большие данные (Big Data) в педагогической деятельности выступают основой цифровой трансформации, поскольку позволяют перейти от массового обучения к индивидуализированному через синтез рекомендаций на базе аналитики и превращение образования в проактивную систему, где данные являются основой для принятия решений.

Актуальность разработки дорожной карты использования Big Data в образовательном процессе обусловлена необходимостью структурированного подхода к анализу данных для персонализации обучения, оптимизации стратегий и соответствия правовым стандартам. Процесс позволяет минимизировать риски обработки информации (с соблюдением принципов защиты и этичности) и ускоряет интеграцию инноваций, способствует устойчивому развитию цифрового общества, где правовая культура эволюционирует как фундамент технологического прогресса: от статичных норм к динамичным, учитывающим широкий спектр различного рода и вида информационных активов.

Дорожная карта как стратегический план [3, с. 453] представляет концептуальный сценарий интеграции Big Data в образование: от планирования и подготовки кадров до применения, оценки изменений и обеспечения безопасности. Ниже представлена ее структура в форме последовательности этапов и критериев описания (см. рис. 1).

Рисунок 1. Структура и критерии разработки дорожной карты

Этап 1. Стратегическое планирование и оценка готовности

Содержание: фокус на осмыслении роли Big Data в образовании, определении целей трансформации (персонализация, снижение отчислений, сокращение цифрового разрыва) для перехода к data-driven модели [4, с. 28].

Ключевые действия: аудит инфраструктуры; формулировка целей и задач трансформации, определение KPI (например, рост успеваемости на 10–15% за год); формирование междисциплинарной команды.

Место Big Data: предварительный анализ данных для расчета показателя рентабельности инвестиций ROI и базовой статистики (среднее, отклонение).

Кейс-стади: анализ отчетов о посещаемости и опросов для выявления барьеров цифровизации.

Ожидаемые результаты: четкий план с измеримыми KPI; мотивированная команда; обоснование инвестиций.

Этап 2. Построение инфраструктуры и сбор данных

Содержание: создание экосистемы для сбора данных с акцентом на этику и безопасность, способствующей эволюции правовой культуры через интеграцию норм конфиденциальности.

Ключевые действия: внедрение платформ (LMS, облачные хранилища, датчики); разработка политики сбора данных с анонимизацией и согласием на обработку; интеграция источников; реализация мер информационной безопасности (обучение основам кибербезопасности, шифрование, разграничение доступа и др.). Происходит эволюция правовой культуры, при которой нормы адаптируются к данным (например, от общих законов к специальным протоколам обработки).

Место Big Data: сбор данных с оценкой объема и скорости, интеграция мер безопасности (анонимизация).

Кейс-стади: сбор кликов в онлайн-курсах и данных с физических датчиков.

Ожидаемые результаты: готовая инфраструктура; политика обработки данных, соответствующая правовым стандартам; минимизация рисков утечек.

Этап 3. анализ данных и генерация инсайтов

Содержание: преобразование данных в знания для педагогической практики, выявление паттернов для инклюзивности.

Ключевые действия: обработка данных специальным инструментарием (Python, Spark); проведение аналитики для сегментации; вовлечение преподавателей.

Место Big Data: анализ и обработка данных на базе стандартного математического аппарата (корреляция Пирсона, регрессионный анализ для инсайтов и рекомендаций).

Кейс-стади: корреляционный анализ неуспеваемости и предсказание отчислений.

Ожидаемые результаты: получение достоверных инсайтов; построение моделей с высокой точностью; понимание нужд обучающихся.

Этап 4. применение в педагогическом процессе и трансформация деятельности

Содержание: переход от анализа к действию для персонализированных методов и data-driven моделей обучения.

Ключевые действия: разработка образовательных траекторий с персональными рекомендациями.

Место Big Data: трансформация инсайтов в практические инструменты для замкнутого цикла без предвзятости.

Кейс-стади: динамическая оценка контента на основе вовлеченности.

Ожидаемые результаты: персонализированные программы обучения; рост успеваемости и мотивации; снижение отчислений.

Этап 5. Оценка результатов и оптимизация

Содержание: цикл обратной связи для устойчивости с учетом эволюции правовой культуры через аудит этики и рисков.

Ключевые действия: измерение KPI; анализ рисков; оптимизация моделей; аудит безопасности (пентесты). Эволюция правовой культуры на базе интеграции правовых норм в оценку (от выявления нарушений к профилактике).

Место Big Data: оценка с ROI, корреляциями и отклонениями для итеративной оптимизации.

Кейс-стади: A/B-тестирование удовлетворенности с оптимизацией по отклонению.

Ожидаемые результаты: достижение KPI; устранение рисков.

Этап 6. Масштабирование и обеспечение устойчивости

Содержание: расширение на экосистему с культурными изменениями и партнерствами, где Big Data воспримется как априорная норма.

Ключевые действия: распространение моделей; обучение персонала; отслеживание трендов; актуализация протоколов безопасности. На этапе ускоряется эволюция правовой культуры посредством формирования парадигмы data-driven моделей обучения через межинституциональные политики.

Место Big Data: прогнозирование (регрессия) и мониторинг для масштабирования без рисков.

Кейс-стади: масштабирование от пилотной версии к полноценной программе с регрессионным прогнозированием.

Ожидаемые результаты: полный охват аудитории; рост эффективности; восприятие Big Data как стандарта с адаптацией к правовой культуре.

Таким образом, структура дорожной карты обеспечивает переход к data-driven модели, минимизируя риски и способствуя персонализации с акцентом на безопасность, этику и популяризацию правовой культуры в образовании.

Гармоничное сочетание информационных технологий и права способствует устойчивому развитию общества, где правовая культура является одной из основополагающих составляющих прогресса [5]. В контексте развития информационных технологий в процессах цифровизации общества и правовой культуры предложенная в работе дорожная карта демонстрирует Big Data как катализатор трансформации образования. Интеграция данных оптимизирует педагогические процессы и способствует эволюции правовой культуры: от традиционно-

го регулирования (реактивного, фокусированного на санкциях) к проактивному, где нормы адаптируются к цифровым вызовам (защита данных по федеральному закону «О персональных данных», этические стандарты использования технологий цифровизации). Так формируется цифровая грамотность, снижается цифровой разрыв и повышается устойчивость к актуальным угрозам безопасности.

Направления для дальнейших исследований могут заключаться в эмпирической валидации предложенного решения в организациях с учетом региональных норм, при проведении анализа влияния разработки на глобальную эволюцию права (например, через сравнение с международными кейсами), что усилит вклад в цифровизацию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Leksin I.V. Law and Digitalization: Some Academic Illusions and Practical Issues // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2021. – Vol. 14, № 5. – P. 602–610.

2. Трансформация общего образования: персонифицированное обучение: монография / А.Ю. Аксенова, И.Ю. Гутник, Ю.В. Егорова [и др.]; науч. ред. А.П. Тряпицына. – Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2023. – 176 с.

3. Березной, А.В. Операционализация стратегий компаний в области инновационного развития: возможности использования технологических дорожных карт / А.В. Березной, А.Ю. Снегирев // Российский журнал менеджмента. – 2023. – Т. 21, № 4. – С. 453–480.

4. Приоритеты цифровой трансформации в сфере образования: монография / Ю.В. Рагулина, Т.В. Братарчук, К.О. Крошков [и др.]. – Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2024. – 164 с.

5. Правовое воспитание сотрудников органов внутренних дел / А.Н. Александров, К.В. Буняева, В.В. Васильев [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. – 165 с.

СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ В XXI ВЕКЕ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ТРАДИЦИОННОЙ ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Тумин А.Ю.,

кандидат юридических наук

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя);

Зайцев Р.Б.,

кандидат педагогических наук

(Главное управление МВД России по Московской области);

Лукичев М.В.

(Главное управление МВД России по городу Москве)

Аннотация: в статье проводится междисциплинарный анализ трансформации традиционной для российской государственности ценности «служения Отечеству» в условиях доминирования процессов глобализации и цифровизации. Актуальность исследования обусловлена обострением идеологической конкуренции в мировом масштабе и поиском новых оснований для гражданской консолидации и национальной идентичности. Цель работы – выявить и охарактеризовать ключевые вызовы, которые глобализация и цифровизация бросают традиционному пониманию патриотического служения, и наметить контуры его возможной адаптации к реалиям XXI века. Методологическую основу составляют сравнительно-исторический, структурно-функциональный и дискурс-анализ, а также методы политико-философской рефлексии. Научная новизна заключается в рассмотрении цифрового пространства не как нейтрального инструмента, а как новой среды формирования патриотического сознания, порождающей уникальные идеологические коллизии.

Ключевые слова: служение Отечеству; патриотизм; национальная идентичность; глобализация; цифровизация; идеология; гражданственность; суверенитет; традиционные ценности

SERVICE TO THE FATHERLAND IN THE 21ST CENTURY: IDEOLOGICAL CHALLENGES TO TRADITIONAL VALUES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND GLOBALIZATION

Tumin A.Yu.,

Candidate of Law Sciences

(Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia);

Zaitsev R.B.,

Candidate of Pedagogical Sciences

(Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Moscow Region);

Lukichev M.V.

(Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the City of Moscow)

Abstract: this article provides an interdisciplinary analysis of the transformation of the traditional Russian statehood value of «service to the Fatherland» in the context of the dominance of globalization and digitalization. The relevance of this study stems from the intensification of ideological competition on a global scale and the search for new foundations for civic consolidation and national identity. The aim of this work is to identify and characterize the key challenges that globalization and digitalization pose to the traditional understanding of patriotic service and to outline its possible adaptation to the realities of the 21st century. The methodological basis is based on comparative historical, structural-functional, and discourse analysis, as well as methods of political and philosophical reflection. The scientific novelty lies in examining the digital space not as a neutral tool, but as a new environment for the formation of patriotic consciousness, generating unique ideological conflicts.

Keywords: service to the Fatherland; patriotism, national identity; globalization; digitalization; ideology; civic responsibility; sovereignty; traditional values

Ценность служения Отечеству на протяжении столетий являлась стержневой для российской государственности и общественной морали. Восходя к идее «Святой Руси» и имперскому лозунгу «За Веру, Царя и Отечество», трансформировавшись в советскую парадигму служения народу и социалистической Родине, эта ценность обеспечивала легитимность власти, мотивацию для элит и смысловой фундамент для массовых мобилизаций [1, с. 78]. Однако распад СССР и переход к либеральной модели общества в 1990-е годы нанесли по этой традиции серьезный удар, поставив под сомнение ее актуальность в «открытом мире».

В XXI веке на фоне усиления геополитической турбулентности и возрождения России как одного из центров многополярного мира ценность служения Отечеству вновь оказалась востребована на официальном уровне. Однако попытка ее простой реставрации сталкивается с двумя мощнейшими вызовами, радикально изменившими социальный ландшафт: глобализацией и цифровизацией.

Глобализация, понимаемая не только как экономическая, но и как культурно-информационная интеграция, предлагает индивиду идентичности, конкурирующие с национальной: «гражданин мира», «профессионал global skills», «участник транснациональных сообществ по интересам». Цифровизация же, создав гибридное онлайн-офлайн пространство существования, трансформировала саму природу социальных связей, гражданского участия и восприятия реальности, породив феномен «дигитального этоса» [2, p. 15].

В этих условиях традиционное понимание служения, основанное на жертвенности, иерархии и долге перед государством как главным институтом, испытывает глубочайший кризис. Возникает вопрос: что означает «служить Отечеству» сегодня, когда границы становятся проницаемыми, а значительная часть жизни граждан протекает в децентрализованном цифровом пространстве, не знающем национальных юрисдикций?

Целью настоящей статьи является выявление и комплексный анализ идеологических вызовов, которые глобализация и цифровизация бросают тра-

диционной ценности служения Отечеству, и определение возможных путей адаптации этой ценности к реалиям XXI века.

В Российской империи ценность служения была тесно связана с идеей соборности и религиозного долга, а позднее – с концепцией «официальной народности» С.С. Уварова («Православие, Самодержавие, Народность»). Служение понималось как верность Государю и империи как богоустановленному порядку. Ключевыми чертами этой модели были:

1. Сословность – понятие служения было дифференцированным. «Подвиг служения» дворянина (на военной или гражданской службе) отличался от служения купца (через предпринимательство и меценатство) и крестьянина (через труд на земле).

2. Иерархичность – служение было встроено в жесткую вертикаль власти, где инициатива снизу была минимизирована.

3. Государствоцентричность – «именно государство в лице монарха выступало главным объектом и бенефициаром служения» [3, с. 112].

Эта модель обеспечивала стабильность империи на протяжении столетий, но была сильно ослаблена модернизационными процессами и кризисом самодержавия в начале XX века.

С приходом к власти большевиков произошла кардинальная перезагрузка идеи служения. На смену «верности Царю и Отечеству» пришел советский патриотизм, сплавивший в себе классовую солидарность, национальную гордость и лояльность социалистическому государству.

4. Коллективизм: служение понималось как участие в общем деле строительства коммунистического будущего для всего человечества. Лозунг «Прежде думай о Родине, а потом о себе» стал моральной максимой.

5. Партийное руководство: КПСС выступала как коллективный разум, определявший цели и формы служения для каждого гражданина – от рабочего до ученого.

6. Героизация труда: на первый план вышли не военные, а трудовые подвиги (стахановское движение, освоение целины, стройки века). Служение могло быть ежедневным и «негероическим» на обычном рабочем месте [4, с. 89].

Советская модель продемонстрировала высочайшую эффективность в мобилизации населения на прорывные проекты и в годы Великой Отечественной войны, но ее идеологическая ригидность и отрыв от быстро меняющихся запросов общества стали одной из причин кризиса системы.

Современная глобализация создала среду, в которой традиционная модель служения Отечеству сталкивается с системной конкуренцией. Глобализация породила новый социальный тип – «транснационального профессионала», чья карьера, круг общения и культурные ориентиры не привязаны к одной стране. Для него понятие «служения» смещается в плоскость корпоративной лояльности или этики глобальной ответственности (например, защита окружающей среды, прав человека). Возникает мощный идеологический нарратив глобализма, который:

– пропагандирует примат «общечеловеческих ценностей» над национальными интересами;

– рассматривает национальное государство как устаревший институт, препятствующий прогрессу;

– предлагает модель «служения Отечеству», которая зачастую противопоставляется «узкому» служению своей стране [5, с. 45].

В этих условиях патриотизм рискует быть дискредитированным как «ксенофобия» или «национализм», что создает идеологическое давление прежде всего на образованные городские слои.

Глобальные медиагиганты и платформы социальных сетей стали мощнейшими инструментами влияния на общественное сознание, обходя традиционные государственные каналы коммуникации. Они формируют глобальный культурный мейнстрим, в котором национальные герои, символы и нарративы служения могут либо маргинализироваться, либо подвергаться деконструкции и пересмотру.

«Мягкая сила» западных стран, действуя через культурный экспорт, образовательные обмены и продвижение определенного образа жизни, создает альтернативные системы символического капитала, притягательные для молодежи. Служение такому «глобальному Отечеству-бренду» (например, через потребление его продуктов или эмиграцию) может восприниматься как более престижное, чем служение национальному государству [6, р. 102].

Цифровизация не просто ускоряет коммуникацию, но и трансформирует саму природу социальной реальности, в которой существует ценность служения. Интернет породил новые, сетевые формы патриотической активности, совокупность которых можно обозначить как «цифровой патриотизм». Его проявления многообразны – от участия в патриотических флешмобах и граффити в соцсетях до волонтерской деятельности, организованной через онлайн-платформы, и кибервойн с идеологическими оппонентами. В цифровизации есть положительные и отрицательные аспекты, рассмотрим их подробнее.

Положительные аспекты:

1. Демократизация – возможность для каждого гражданина напрямую участвовать в публичном обсуждении и поддержке национальных ценностей.

2. Горизонтальность – создание сетевых сообществ, не зависящих от вертикали государственных институтов.

3. Оперативность – быстрая мобилизация общественного мнения и ресурсов в кризисных ситуациях.

Отрицательные аспекты:

1. Ритуализация и «кликерный активизм» – лайк под патриотическим постом начинает восприниматься как достаточная форма служения, подменяя реальные действия. Служение превращается в перформанс.

2. Эмоционализация и радикализация – алгоритмы соцсетей поощряют эмоционально заряженный контент, что ведет к поляризации и росту агрессивного, «троллингового» патриотизма.

3. Уязвимость для манипуляций – цифровое пространство становится полем для информационных войн, где патриотические чувства легко направляются в нужное русло внешними или внутренними факторами [7, с. 167].

Цифровая среда фрагментирует единое публичное пространство на множество изолированных «пузырей фильтров» и «эхо-камер». В этих условиях общенациональный нарратив служения, транслируемый государством, перестает быть монопольным. Он вынужден конкурировать с альтернативными трактовками, конспирологическими теориями и критическими дискурсами.

Авторитет традиционных институтов (армия, государственная служба, наука), которые были живым воплощением служения, подвергается в цифровой среде постоянной проверке и часто – десакрализации. Это подрывает саму основу для подражания и следования примеру.

Ответом на эти вызовы не может быть ни консервативно-охранительный изоляционизм, ни капитуляция перед глобалистскими трендами. Требуется новая, синтетическая идеология, которая переосмыслит ценность служения на языке современности.

В обществе, состоящем из образованных и критически мыслящих индивидов, служение не может навязываться сверху в качестве безусловного долга. Оно должно быть переформулировано как личная миссия, как осознанный выбор свободной личности. Эта миссия заключается в том, чтобы, реализуя свой профессиональный и творческий потенциал, вносить вклад в укрепление суверенитета и конкурентоспособности страны в глобальном мире [13, с. 123].

Таким образом, служение Отечеству сегодня – это не только служба в армии или на госслужбе. Это работа инженера, создающего передовые технологии, деятельность ученого, совершающего прорывные открытия, успех предпринимателя, строящего бизнес, который конкурирует на мировом рынке, творчество художника, писателя, режиссера, формирующего привлекательный образ России.

Новая идеология должна не отрицать цифровую реальность, а использовать ее потенциал. Служение должно пониматься как «гибридная» активность, сочетающая реальные действия с их цифровым сопровождением и усилением. Волонтерская помощь, например, может организовываться через мессенджеры, а ее результаты – освещаться в соцсетях, вдохновляя других.

Государству необходимо не бороться с «цифровым патриотизмом», а направлять его в конструктивное русло, создавая платформы для краудсорсинга гражданских инициатив, поддерживая позитивный негосударственный патриотический контент и ведя честный диалог с цифровым сообществом.

В условиях глобальной конкуренции объединяющей национальной идеей может стать идея «суверенитета развития». Служение Отечеству в этой парадигме – это активное участие в построении России как уникальной, самодостаточной цивилизации, способной не просто защититься от внешних угроз, но и предлагать миру собственные технологические, культурные и мировоззренческие альтернативы [8, с. 134]. Эта идея позволяет синтезировать традиционную ценность служения с современными вызовами, сделав ее актуальной для новых поколений.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что традиционная ценность служения Отечеству переживает глубокую трансформацию, вызванную объективными процессами глобализации и цифровизации. Эти процессы ставят

под сомнение монополию национального государства на формирование идентичности, фрагментируют публичную сферу и порождают новые, зачастую противоречивые формы гражданской активности.

Однако было бы ошибкой говорить о смерти этой ценности. Речь идет о ее сложной и болезненной, но необходимой эволюции. Ключевыми вызовами для традиционной модели служения являются конкуренция с транснациональными идентичностями, ритуализация патриотизма в цифровой среде и кризис авторитета традиционных институтов.

В конечном счете, служение Отечеству в XXI веке – это не оглядка на прошлое, а ответственный и смелый проект будущего, в котором национальная традиция становится ресурсом для инновационного рывка, а не барьером на пути к нему.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кара-Мурза А.А. «Русское северянство» князей Вяземских (к вопросу о национальной идентичности) // Вопросы философии. – 2018. – № 3. – С. 7–13.
2. Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 248 p.
3. Цимбаев Н.И. История России XIX – начала XX вв. – Москва: АСТ, 2010. – 446 с.
4. Сениянская Е.С. Психология войн XX века: исторический опыт России. – Москва: РОССПЭН, 1999. – 383 с.
5. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – Москва: Логос, 2001. – 254 с.
6. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: PublicAffairs, 2004. – 191 p.
7. Стычинский М.С. Патриотизм в условиях цифровой культуры // Культура и цивилизация. – 2025. – Т. 15, № 4А. – С. 166–176.
8. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. – Москва: Евразийское движение, 2013. – 512 с.
9. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – Москва: Эксмо, 2003. – 416 с.
10. Кастельс М. Власть коммуникации / Пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
11. Федотова В.Г. Хорошее общество. – Москва: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
12. Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – 232 с.
13. Лысенко В.А. Историография формирования нормативных правовых актов / Российский конституционализм: история, теория и практика: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию принятия Конституции Российской Федерации, Белгород, 16 декабря 2023 года. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. – С. 70–74.

ВОЙНА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВА: ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ВЫЗОВА

Усова Г.М.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина);

Цуриков И.М.,

аспирант

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Аннотация: статья представляет междисциплинарное исследование войны как социокультурного феномена и ее трансформирующего воздействия на онтологические основания права. На стыке философии права, социальной антропологии и экзистенциальной философии анализируется, как экстремальные условия военного противостояния обнажают фундаментальные основы правовой реальности, заставляя пересматривать традиционные правовые категории и принципы. Исследуется парадоксальная природа войны, которая, являясь состоянием предельного беззакония и насилия, одновременно выступает как мощный катализатор формирования новых правовых норм и институтов. Особое внимание уделяется роли традиционных ценностей как стабилизирующего онтологического фундамента в условиях, когда рутинные правовые механизмы оказываются девальвированы или разрушены. Рассматривается, как война актуализирует базовые экзистенциальные вопросы о жизни и смерти, справедливости и жертве, суверенитете и сопротивлении, переводя их из сферы абстрактной философии в плоскость конкретного правового регулирования. Делается вывод о том, что именно в «пограничных ситуациях» войны с особой силой проявляется глубинная связь права с метафизическими и культурными основаниями общества, а традиционные ценности выступают не как архаичный пережиток, а как жизненно важный ресурс правовой адаптации и выживания социума.

Ключевые слова: онтология права; война; социокультурный феномен; традиционные ценности; экзистенциальный вызов; правовая реальность; суверенитет; чрезвычайное положение; коллективная идентичность; философия насилия

WAR AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON AND ITS IMPACT ON THE ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF LAW: TRADITIONAL VALUES IN THE CONTEXT OF AN EXISTENTIAL CHALLENGE

Usova G.M.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia);

Tsurikov I.M.,

Postgraduate

(Belgorod State National Research University)

Abstract: the article presents an interdisciplinary study of war as a sociocultural phenomenon and its transformative impact on the ontological foundations of law. At the junction of the philosophy of law, social anthropology and existential philosophy, the author analyzes how the extreme conditions of military confrontation expose the fundamental foundations of legal reality, forcing the revision of traditional legal categories and principles. The article examines the paradoxical nature of war, which, being a state of extreme lawlessness and violence, simultaneously acts as a powerful catalyst for the formation of new legal norms and institutions. Special attention is paid to the role of traditional values as a stabilizing ontological foundation in conditions when routine legal mechanisms are devalued or destroyed. The article examines how war actualizes basic existential questions about life and death, justice and sacrifice, sovereignty and resistance, transferring them from the sphere of abstract philosophy to the plane of concrete legal regulation. It is concluded that it is precisely in the "borderline situations" of war that the deep connection of law with the metaphysical and cultural foundations of society is manifested with particular force, and traditional values act not as an archaic relic, but as a vital resource for legal adaptation and survival of society.

Keywords: ontology of law; war; socio-cultural phenomenon; traditional values; existential challenge; legal reality; sovereignty; state of emergency; collective identity; philosophy of violence

Война – это древнейшее и наиболее трагическое проявление человеческой социальности, которое на протяжении тысячелетий остается не только предметом исторического или политического анализа, но и фундаментальной философско-правовой проблемой. Двадцатилетний опыт исследований в области философии права и социальной антропологии позволяет утверждать, что война представляет собой уникальный социокультурный феномен, выступающий в качестве мощного онтологического вызова для права. Она не просто разрушает существующие правовые нормы, но и ставит под вопрос сами их основания, обнажая изначальную связь права с вопросами жизни и смерти, суверенитета и насилия, справедливости и жертвенности. Война, по выражению Карла Шмитта, является «пограничной ситуацией», которая раскрывает истинную природу политического и, расширяя это утверждение, – истинную природу правового [1, с. 67]. По мнению К. Ясперса, в условиях экзистенциального вызова, когда само существование социума оказывается под угрозой, на первый

план выходят не процедурные или позитивистские аспекты права, а его глубинные, укорененные в традиции и коллективном опыте онтологические основания [2, с. 136].

Актуальность данного исследования обусловлена не только перманентным присутствием военных конфликтов в современном мире, но и необходимостью осмысления того, как экстремальные условия меняют саму ткань правовой реальности и какую роль в ее сохранении или трансформации играют традиционные ценности. В эпоху, когда международное право демонстрирует свою уязвимость перед лицом возрождения «права сильного», а внутреннее право вынуждено адаптироваться к режимам чрезвычайного положения, понимание войны как социокультурного и онтологического феномена становится ключевым для юридической теории и практики [3, с. 231].

Чтобы понять влияние войны на право, необходимо прежде всего осмыслить ее собственную онтологическую природу. Война – это не просто политический инструмент или масштабное насилие; это особое состояние социального бытия, «чрезвычайное положение» (*Ausnahmezustand*) в чистом виде, при котором обнажаются скрытые в мирное время структуры власти, солидарности и легитимности. Мартин Хайдеггер отмечал, что «война представляет собой событие, которое раскрывает сущностные возможности и пределы человеческого бытия, в том числе и в его политико-правовом измерении» [4, с. 112].

С онтологической точки зрения война осуществляет двойное движение: разрушение и созидание. Она разрушает сложившийся правопорядок, приостанавливает действие нормативных кодексов, девальвирует индивидуальные права перед лицом коллективного выживания. Однако одновременно она выступает как мощный генератор нового права. Право военного времени, право победителя, право на сопротивление оккупации – все эти феномены рождаются в горниле конфликта. Война обнажает тот факт, что в основе любого правопорядка лежит не консенсус или договор, а изначальное решение о друге и враге, о границах своего сообщества, о том, что подлежит защите ценой жизни. В этом смысле право не противостоит войне как порядок хаосу, но оказывается внутренне связанным с ней: право оформляет и легитимизирует тот порядок, который устанавливается в результате или даже в процессе насильственного противостояния.

Этот парадокс ярко проявляется в концепции «справедливой войны», уходящей корнями в античную и средневековую мысль. Данная концепция пыталась подчинить войну этико-правовым критериям (справедливая причина, правое намерение, пропорциональность), тем самым включая ее в поле права, а не выводя за его пределы [5, с. 89]. Онтологически это означает признание войны не как абсолютного антиправа, а как особой, экстремальной модальности правового бытия, где действуют иные, но все же права.

В условиях войны ключевые категории классического права подвергаются радикальной трансформации, обнажая свой условный и ситуативный характер.

Субъект права, мирный гражданин, носитель абстрактных прав и свобод, в условиях войны трансформируется прежде всего в солдата, защитника или жертву. Его правовой статус определяется его отношением к коллективному

телу нации, его способностью и обязанностью жертвовать частным интересом (вплоть до жизни) ради общего блага [6, с. 45]. Право на жизнь, краеугольный камень современного гуманитарного права, сталкивается с легитимацией права на убийство врага и обязанностью умереть за родину. Индивид как автономный правовой субъект отступает на второй план перед фигурой гражданина-воина, чье существование и права детерминированы экзистенциальной борьбой коллектива.

Если в мирное время суверенитет часто представляется как юридический атрибут государства, то война раскрывает его изначальную связь с монополией на легитимное насилие и способность принимать окончательное решение в условиях исключения [1, с. 45]. Суверен – это тот, кто решает о начале войны и объявляет чрезвычайное положение, приостанавливая обычное право. Война становится высшим испытанием суверенитета: он либо подтверждается в способности мобилизовать общество и вести борьбу, либо терпит крах [7, с. 124]. В этом контексте право предстает не как ограничитель суверена, а как инструмент и выражение его воли к существованию.

Справедливость, абстрактные формулы справедливости замещаются суровой арифметикой военного времени: справедливым считается все, что способствует победе и выживанию своего коллектива. Распределительная справедливость уступает место жертвенной: справедливым становится неравное распределение тягот, ограничений и риска. Понятие справедливого воздаяния трансформируется в логику возмездия и репараций, где правовые аргументы тесно переплетаются с моральными императивами мести или восстановления исторической правды.

Нормальное функционирование права приостанавливается, его место занимает упрощенное, жесткое и часто ретроактивное чрезвычайное законодательство. Процессуальные гарантии ослабляются, полномочия исполнительной власти резко расширяются. Война демонстрирует, что нормальное состояние права – это лишь одна из его возможных модальностей, покоящаяся на скрытом фундаменте готовности к чрезвычайным мерам [8, с. 124].

В ситуации, когда позитивное право дестабилизировано, а его институты могут рухнуть, именно традиционные ценности часто берут на себя роль стабилизирующего онтологического фундамента. Они выступают не как система конкретных норм, а как глубинный культурный код, смысловая матрица, которая позволяет интерпретировать происходящее, мобилизовать общество и сохранить идентичность перед лицом небытия.

Функции традиционных ценностей в военное время:

1. Ценности патриотизма, жертвенности, долга перед предками и потомками придают высший смысл страданиям и лишениям, превращая вынужденную мобилизацию в осознанный моральный выбор. Они обеспечивают легитимность власти, требующей жертв и правовых ограничений, налагаемых военным положением.

2. Обращение к общим корням, исторической памяти, языку, религии или культурным символам создает мощное чувство коллективной солидарности, преодолевающее социальные, политические и экономические разломы. Право в

таких условиях начинает работать не столько как регулятор индивидуального поведения, сколько как инструмент оформления и защиты этого воссозданного единства.

3. Традиционные ценности предоставляют нарратив, в рамках которого хаос войны обретает значение борьбы Добра со Злом, защиты своего мира от чуждого и враждебного. Этот нарратив становится основой для нового правового дискурса, оправдывающего чрезвычайные меры и формирующего представление о «справедливом» послевоенном порядке.

4. Глубоко укорененные культурные паттерны и модели поведения, передаваемые через традицию, могут оказаться более эффективными для выживания в экстремальных условиях, чем абстрактные правовые предписания. Обычай взаимопомощи, почитание старших, семейные связи зачастую обеспечивают социальную поддержку там, где государственные институты не справляются.

Война, таким образом, становится своего рода горнилом, в котором проверяется подлинность и жизнеспособность традиционных ценностей. Ценности, бывшие в мирное время предметом дискуссий или декоративным элементом публичной риторики, в условиях экзистенциальной угрозы либо оживают, становясь реальной силой, сплачивающей общество, либо обнаруживают свою несостоятельность, что ведет к глубокому культурному и правовому кризису [9, с. 124].

Война ставит право перед рядом экзистенциальных дилемм, для которых в мирной юридической теории часто нет готовых ответов.

Право и этика выживания. Высший императив выживания коллектива может вступать в противоречие с фундаментальными правовыми принципами (например, запретом пыток, защитой гражданского населения). Возникает трагический конфликт, где право вынуждено либо искать компромиссы (легитимизируя некоторые нарушения во имя высшей цели), либо рискует быть отброшенным как непозволительная роскошь. Этот конфликт обнажает хрупкость гуманистического фундамента современного права перед лицом до-правовой реальности борьбы за существование.

Право на сопротивление. Война против внешнего врага часто переплетается с вопросом о сопротивлении внутренней тирании или несправедливой власти. Философско-правовая проблема права на сопротивление (*jus resistendi*) приобретает предельную остроту: когда и при каких условиях насильственное свержение власти или саботаж ее решений становятся не преступлением, а моральным и правовым долгом? Война может служить катализатором для актуализации этого права, размывая границы между законностью и легитимностью.

Право памяти и правда. Война порождает не только физические, но и смысловые разрушения. Послевоенное право сталкивается с колоссальной задачей – не просто восстановить порядок, но и установить правду о произошедшем, обеспечить справедливость (через трибуналы, репарации) и сформировать коллективную память. Законодательство о запрете нацистской символики, о признании геноцида, о статусе ветеранов – все это попытки правовыми средствами зафиксировать онтологический урок войны, интегрировать травматический опыт в ткань национальной идентичности и не допустить его повторения.

Война, являясь страшным экзистенциальным вызовом, выступает как мощный рефлексор, обнажающий онтологические основы права. Она демонстрирует, что право покоится не только на рациональном договоре или воле законодателя, но и на более глубоких пластах человеческого существования: на воле к жизни коллектива, на границе между своим и чужим, на способности к жертве и на укорененных в традиции ценностях, которые в мирное время могут казаться архаичными.

Традиционные ценности в условиях войны перестают быть просто элементом культурного наследия. Они становятся жизненно важным онтологическим ресурсом – источником легитимности, матрицей для консолидации, нарративом, придающим смысл страданиям, и адаптивным механизмом выживания. Их сила заключается в способности отвечать на фундаментальные вопросы о жизни и смерти, справедливости и долге, тогда как позитивное право часто оказывается слишком абстрактным и хрупким для такой задачи.

Анализ войны как социокультурного феномена заставляет пересмотреть само понимание права. Оно предстает не как статичная система норм, а как динамичная и драматическая форма бытия общества, постоянно балансирующая между порядком и хаосом, нормальностью и чрезвычайным положением, гуманизмом и суровой необходимостью выживания. Изучение того, как право трансформируется, адаптируется, а иногда и ломается под давлением экзистенциального вызова войны, является ключом к пониманию не только его пределов, но и его самой сокровенной, часто трагической сущности. В конечном счете война напоминает, что право – это не только о том, как жить, но и, в предельном случае, о том, за что стоит умереть и что должно сохраниться после битвы. В этом – его глубочайшая онтологическая связь с традицией, культурой и самой жизнью народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шмитт К. Понятие политического. – Москва: Наука, 2016. – 564 с.
2. Ясперс К. Духовная ситуация времени. – Москва: Академический проект, 2019. – 352 с.
3. Тункин Г.И. Теория международного права. – Москва, 2019. – 416 с.
4. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – Москва: Высшая школа, 2001. – 128 с.
5. Августин Аврелий. О граде Божьем. – Москва: Академический проект, 2019. – 576 с.
6. Михайлов И.А. Философия права в эпоху глобализации. – Москва: ИФ РАН, 2019. – 289 с.
7. Каспэ С.И. Проблема суверенитета в современной политической философии // Полис. – 2020. – № 4. – С. 123–138.
8. Смирнов А.В. Правовые и этические аспекты войны в современном мире // Государство и право. – 2022. – № 3. – С. 67–78.
9. Клименко А.В. Трансформация общественных ценностей в условиях кризиса // Общество и право. – 2021. – № 5. – С. 89–102.

РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СОХРАНЕНИИ И УКРЕПЛЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Хужина О.Н.,

кандидат юридических наук
(Нижегородская академия МВД России)

Аннотация: исследуя положения правовых актов, автор приходит к выводу, что органы внутренних дел активно участвуют в реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей на двух уровнях. На внешнем уровне речь идет о борьбе с правонарушениями, посягающими на традиционные ценности, в том числе, с проявлениями деструктивной идеологии, запрещенными законом. Внутренний уровень представлен работой с личным составом с целью формирования у сотрудников уважительного отношения к традиционным ценностям, готовности их охранять.

Ключевые слова: традиционные ценности; органы внутренних дел; морально-психологическое обеспечение

THE ROLE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN PRESERVING AND STRENGTHENING TRADITIONAL VALUES

Khuzhina O.N.,

Candidate of Law
(Nizhny Novgorod academy of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: by examining the provisions of legal acts, the author concludes that the internal affairs bodies are actively involved in implementing the state policy aimed at preserving and strengthening traditional values at two levels. At the external level, this involves combating offenses that infringe upon traditional values, including manifestations of destructive ideology that are prohibited by law. At the internal level, it involves working with personnel to foster a respectful attitude towards traditional values and a willingness to protect them.

Keywords: traditional values; internal affairs agencies; moral and psychological support

Утверждение в 2022 году Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей стало мощным толчком к активизации деятельности органов публичной власти в данном направлении, что явилось закономерным следствием содержания данного акта, в частности указания на то, что органы публичной власти в пределах своих полномочий участвуют в реализации такой государственной политики. В их числе особо выделены федеральные органы исполнительной власти, ведающие вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, общественной безопасности [2] – по сути правоохранительный блок в механизме российского государства.

Правоохранительные органы и вне реализации мер названной государственной политики уже выступают субъектом сохранения и укрепления традиционных ценностей, т.к. охраняют отдельные традиционные мировоззренческие ориентиры, посягательства на которые прямо либо косвенно запрещены под угрозой наступления юридической ответственности. Например, противодействие деструктивному идеологическому воздействию находится в числе актуальных направлений работы правоохранительных органов в контексте охраны и защиты традиционных ценностей.

В связи с тем, что органы внутренних дел (далее – ОВД) названы в числе субъектов реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей, представляет интерес, как это отразилось на деятельности таковых. Ведь обособление идеи сохранения и укрепления традиционных ценностей в разряд государственной политики требует трансформации деятельности публичных органов с тем, чтобы обеспечить эффективное, результативное взаимодействие в этой сфере. Кроме того, в 2024 г. Правительством Российской Федерации утвержден План мероприятий по реализации в 2024–2026 гг. Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей [2] (далее – План), что дало начало активной деятельности различных ведомств в этом направлении. Отдельные органы публичной власти внесли изменения в базовые нормативные правовые акты, закрепив указание на связь их деятельности с сохранением и укреплением традиционных ценностей, например, Министерство культуры Российской Федерации, Министерство юстиции Российской Федерации.

МВД России инициировало в 2024 г. изменения в документ, определяющий его функционирование с тем, чтобы акцентировать внимание на участии ведомства в сохранении и укреплении традиционных ценностей посредством расширения задач ведомства за счет включения задач по осуществлению деятельности, направленной на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей [3]. Появление данного проекта породило весьма неоднозначные оценки, публикации в средствах массовой информации с яркими заголовками, словно кричащих о том, что ОВД, и прежде всего полицию, наделяют новыми полномочиями [4]. Однако так и осталось большим вопросом, что же должно было существенно измениться в деятельности ОВД, так как данный проект в июле 2025 г. снят с рассмотрения, что, на взгляд автора, видится вполне логичным, ведь имеющегося инструментария, облеченного в правовую форму, у ОВД более чем достаточно. Как минимум, должны найти воплощение организационно-технические мероприятия, предусмотренные к реализации названным выше Планом.

С одной стороны, это общие для всех органов публичной власти мероприятия, такие как планирование деятельности в данном направлении; организация учета и рассмотрения обращений по вопросам реализации государственной политики, включая противодействие деструктивной идеологии; анализ соответствующих обращений и эффективности мер реагирования на таковые [2]. С другой стороны, на основании данного Плана обособляются специальные мероприятия, где ОВД фигурируют в качестве исполнителя в лице МВД России.

В соответствии с Планом деятельность ОВД в целях реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей должна включать следующее: представлять информацию о пресечении противоправных действий, связанных с распространением деструктивной идеологии, привлечении к установленной ответственности лиц, их совершивших; анализировать собственную деятельность по противодействию распространению деструктивной идеологии; готовить предложения по совершенствованию мер защиты российского общества от внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия; разрабатывать (совместно с ФСБ России и Следственным Комитетом) единые методические рекомендации по взаимодействию в рамках реализации государственной политики; проводить в образовательных организациях среднего общего образования Российской Федерации уроки мужества с приглашением ветеранов боевых действий и участников специальной военной операции; разрабатывать проекты, направленные на военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения; проводить мероприятия по профилактике рисков причинения вреда охраняемым законодательством Российской Федерации культурным ценностям [2].

В числе организационных мероприятий запланировано определение заместителя руководителя данного органа власти, ответственного за координацию деятельности по реализации целей и задач государственной политики, а также соответствующие структурные подразделения, которые будут нести ответственность за обеспечение реализации проектов, мероприятий, направленных на достижение целей и решение задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей. Также в качестве планового мероприятия названо образование совета по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти при МВД России либо как альтернатива внесение положений в нормативные акты, регулирующие деятельность уже существующих общественных советов в части наделения таковых необходимыми функциями и полномочиями. Изучение официального сайта МВД России, где изложена структура органа, основных нормативных правовых актов, показало, что к настоящему времени такие организационные мероприятия пока не проведены. Хотя видится возможным внести изменения в правовой акт, определяющий деятельность Общественного Совета при МВД России, расширив, например, перечень его основных задач указанием на содействие ОВД в реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей.

Другой инструмент, который есть уже в руках ОВД, это механизм морально-психологического обеспечения деятельности, направленный на «формирование у сотрудников профессионально значимых морально-политических, нравственных и психологических качеств, достижение и поддержание их морально-психологического состояния на уровне, позволяющем успешно выполнять оперативно-служебные задачи в любых условиях обстановки» [5]. Изучив соответствующий нормативный правовой акт, удалось выявить в нем положения, появление которых обусловлено включением ОВД в реализацию государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей.

В настоящее время морально-психологическое обеспечение деятельности ОВД основывается не только на принципах законности, целенаправленности, научности, системности, но и с опорой на традиционные ценности. В числе целей указывается на «формирование у сотрудников государственно-патриотического мировоззрения, их воспитание в духе преданности Отечеству, личной ответственности за его историческую судьбу, обеспечение глубокого понимания и поддержки личным составом политики, проводимой государством; а также закрепление в сознании сотрудников традиционных российских духовно-нравственных ценностей, общероссийской гражданской идентичности» [5]. Каждое из направлений работы в рамках морально-психологического обеспечения в настоящее время пронизано идеей сохранения и укрепления традиционных ценностей в рядах сотрудников ОВД. Проводятся мероприятия, направленные на развитие у сотрудников не просто знаний о традиционных ценностях, их частных проявлениях, но и на привитие их личности, как например, возвращение чувств патриотизма, общероссийской гражданской идентичности, личной ответственности за судьбу Отечества; формирование устойчивости к негативному информационно-психологическому воздействию, развитие критического мышления и культуры работы с информацией; обеспечение участия личного состава в соответствующих проектах в области сохранения и укрепления традиционных ценностей [7]. Кроме того, ставится задача по «сплочению служебных коллективов на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, этических норм, отношений дружбы, товарищества, взаимопомощи, взаимной доброжелательной требовательности, ответственности и чести» [5].

Оценка организации и состояния подготовки кадров в территориальных органах и образовательных организациях МВД России в настоящее время предполагает анализ применения форм и методов воспитания и образования в соответствии с целями государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей [6]. Таким образом, осуществляется внутриведомственный контроль за деятельностью в данном направлении.

На основании изложенного роль ОВД в сохранении и укреплении традиционных ценностей видится, как минимум, двухуровневой. На внешнем уровне речь идет о борьбе с правонарушениями, объективная сторона которых связана с посягательством на традиционные ценности, а также деструктивной идеологией, проявления которой запрещены действующим законодательством. Внутренний уровень предполагает работу непосредственно с личным составом с целью формирования не просто профессионалов своего дела, но и лиц, разделяющих традиционные ценности, понимающих их и готовых их отстаивать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Официальный

интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2025).

2. Распоряжение Правительства РФ от 1 июля 2024 г. № 1734-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2024–2026 годах Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2025).

3. Проект Указа Президента Российской Федерации от 7 ноября 2024 г. «О внесении изменения в Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699» ID проекта 01/03/11-24/00152260 [Электронный ресурс] // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. – URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/> (дата обращения: 15.09.2025).

4. Полицейских могут наделить полномочиями по защите традиционных ценностей [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/> (дата обращения: 15.09.2025).

5. Как полицейские будут защищать традиционные ценности в России: отвечают юристы и политологи [Электронный ресурс]. – URL: <https://fedpress.ru/article/3347524> (дата обращения: 15.09.2025).

6. Россиянам объяснили, как полиция будет укреплять традиционные ценности [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/> (дата обращения: 15.09.2025).

7. Приказ МВД России от 27.08.2024 № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2025).

8. Приказ МВД России от 02.02.2024 № 44 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2025).

9. Лысенко В.А., Вородюхин С.Е. Историческая ретроспектива правового воспитания // Вестник Воронежского института ФСИИ России. – 2023. – № 2. – С. 217–222.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОХРАНЕНИЯ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Чернегова В.В.,

адъюнкт

(Восточно-Сибирский институт МВД России)

Аннотация: в условиях стремительной цифровизации право сталкивается с новыми вызовами, требующими адаптации методов правотворчества и правоприменения. В статье анализируется связь между правовыми ценностями как основополагающими ориентирами права и юридико-техническими средствами как инструментами их реализации. Особое внимание уделяется перспективным возможностям и рискам, обусловленным инновационными технологиями в сфере юридической техники.

Ключевые слова: юридическая техника; правовые ценности; цифровизация; технологии в праве

IMPROVING LEGAL TECHNIQUES IN THE CONTEXT OF PRESERVING LEGAL VALUES

Chernegova V.V.,

Postgraduate

(East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: in the context of rapid digitalization, law is facing new challenges that require the adaptation of law-making and law enforcement methods. The article analyzes the relationship between legal values as fundamental legal guidelines and legal and technical means as tools for their implementation. Special attention is paid to promising opportunities and risks caused by innovative technologies in the field of legal technology.

Keywords: legal technology; legal values; digitalization; technologies in law

В современном правовом пространстве можно наблюдать такое развитие общественных отношений, при котором требуется применение гибких и эффективных юридико-технических решений. В-первую очередь речь идет о цифровизации общества и права, использовании современных технологий в праве, появлении машиночитаемого права, автоматизации юридической деятельности [1; 2; 3]. Одновременно с этим устоявшиеся фундаментальные правовые ценности подвергаются трансформации, источником которой не всегда является естественный ход общественных преобразований, а зачастую навязанное целенаправленное воздействие, в том числе, связанное с внешнеполитической обстановкой.

Все чаще в своих трудах представители гуманитарных наук поднимают вопросы о проблематике ценностей в целом [4; 5; 6]. А с учетом исторически обусловленной значимости правовых ценностей внимание к ним современного

научного сообщества как к особым материальным и духовным объектам и явлениям общественной жизни неуклонно возрастает, что подчеркивает роль правовых ценностей в поддержании правопорядка, определении вектора его развития в ответ на вызовы времени.

С одной стороны, развитие цифровизации и необходимость совершенствования законодательства требуют постоянного обновления юридической техники, ее приемов и способов закрепления норм права. С другой стороны, существует риск, что при чрезмерном акценте на инновации и технологический прогресс может быть утрачен ценностный стержень права.

Таким образом, актуальность темы обусловлена возрастающими требованиями к качеству юридической техники, эффективности принимаемых законодательных актов и сохранению фундаментальных правовых ценностей.

Вопросы правовых ценностей в своих трудах затрагивали многие специалисты по общей теории права. Например, С.С. Алексеевым отмечено, что с тех пор как в России в начале 1990-х годов была провозглашена незыблемость строгого правового порядка, с той поры не найдется ни одного важного государственного документа, речи или выступления российского государственного деятеля, в котором бы не прозвучали громкие слова о приверженности новой России идеалам и ценностям права, требованиям правопорядка и законности [11, с. 12]. Однако при декларируемом уважении к праву и демократическим идеалам зачастую современные реалии показывают иную картину, когда правовые нормы игнорируются, нарушаются, а их применение становится избирательным.

«Значение термина «ценность» многовариативно, его можно определять как нужность, преимущество, важность, достоинство, многозначительность. Ценность – это убеждения или суждения людей о жизни и соответствующем поведении, влекущие за собой важные последствия» [12, с. 133].

«Правовые ценности включают в себя принципы, идеалы и убеждения, которые формируют правовую систему и образуют цели, направления и приоритеты» [13, с. 386]. К фундаментальным правовым ценностям относят свободу, справедливость, равенство, безопасность, защищенность, общественное благо, ответственность и др. [14, с. 17]. Юридическая техника, в свою очередь, понимаемая как «область знаний, изучающая правила и методы ведения юридической работы, а также создания различных юридических документов» [15, с. 19], является инструментом реализации этих ценностей.

Обосновывая неразрывную связь между правовыми ценностями и юридической техникой, необходимо подчеркнуть, что юридико-технические средства используются не только как средства воплощения правовых ценностей в нормах права, но и как средства их формализации. Абстрактные ценности становятся осязаемыми и применимыми только через конкретные правовые нормы, сформулированные с помощью юридико-технических инструментов. Кроме того, систематизация законодательства как вид юридической техники позволяет организовать множество разрозненных правовых норм так, чтобы они образовывали стройную взаимосвязанную систему.

Проблемы юридической техники на современном этапе характеризуются влиянием как позитивных, так и негативных процессов, обусловленных следующими факторами. Во-первых, исследователи и правоприменители продолжают отмечать экспоненциальный рост количества нормативных правовых актов [7; 8; 9]. Во-вторых, юридическая деятельность не стала исключением влияния, которое оказывает цифровизация на общество и право. Как отмечает Е.Ю. Курышев, инновации в праве играют важную роль в совершенствовании правового пространства, способствуя повышению его эффективности и качества. Однако алгоритмизация юридической техники имеет свои плюсы и минусы, возможности и пределы, которые необходимо учитывать при принятии решений о внедрении подобных систем [16, с. 47].

В связи с вышеизложенным полагается, что перспективными для применения технических инновационных разработок могут быть сферы правотворчества и правоприменения. Вопросы, которые можно решить, например, при помощи искусственного интеллекта, не ограничиваются оптимизацией документооборота и выявлением противоречий в законодательстве, его функциональные возможности гораздо шире [10]. Одновременно это открывает одну из неблагоприятных тенденций цифровизации, которая заключается в ее быстром развитии, претендующем на вытеснение творческого потенциала в решении технических задач людьми, замещение человеческого участия в ключевых правотворческих и правоприменительных процессах и, как следствие, вытеснение этических, ценностных соображений из права.

Поэтому одним из самых значимых аспектов рассматриваемого вопроса является необходимость сохранения баланса развития юридической техники в цифровом контексте и его негативного влияния на правовые ценности [17].

Таким образом, устойчивость правовых ценностей может рассматриваться в качестве условия стабильности правовой системы в целом, а перспективы совершенствования юридической техники в контексте сохранения правовых ценностей могут включать следующие направления.

Во-первых, систематизация законодательства, реализуемая через упорядочивание и структурирование правовых норм, устранение коллизий и пробелов, избыточности нормативного регулирования, обеспечение внутренней согласованности нормативных правовых актов, что способствует установлению правовой определенности и укреплению верховенства закона. Во-вторых, умеренное и обоснованно использование современных технологий в юридической деятельности может обеспечить доступность правовой информации, справедливое и равное использование предоставленных гражданских прав.

Совершенствование юридической техники в условиях сохранения правовых ценностей предполагает гармоничное развитие ее инструментов, которые улучшают правовую систему и сохраняют ее основу – защиту прав и свобод человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Головкин Р.Б., Кузьмин И.М. Машиночитаемое право в механизме развития правоприменения // Вестник Владимирского юридического института. – 2024. – № 1(70). – С. 120–125.
2. Котов А.А. Автоматизация обработки юридических документов на примере правового сопровождения издательской деятельности: задачи и перспективные технологии // Экономика. Информатика. – 2022. – Т. 49, № 2. – С. 394–402.
3. Новицкая Л.Ю. Актуальные проблемы развития трудового права в России: защита прав работника при цифровизации трудовых отношений // Российский научный вестник. – 2025. – № 2. – С. 31–37.
4. Атаян В.В. Ценности как факторы глобального социокультурного изменения: содержание и перспективы: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2024. – 62 с.
5. Бурла В.М. Система ценностей в конституциях государств-членов Содружества Независимых Государств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2022. – 30 с.
6. Исаев Э.Е. Цели и ценности правовой процессуальной политики России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2024. – 24 с.
7. Винокуров В.А. Проблемы чрезмерного законотворчества в современной России // Вестник Костромского государственного университета. – 2021. – Т. 27, № 4. – С. 174–180.
8. Панова А.М. Влияние повышения законотворческой активности на качество современного законодательства // Молодой ученый. – 2023. – № 46 (493). – С. 270–273.
9. Кохман Д.В. О современном российском парламентаризме // Закон. Право. Государство. – 2024. – № 3(43). – С. 36–40.
10. Балалаева Ю.С. Теоретические проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в юридической сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2024. – 37 с.
11. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху: монография. – 2-е изд., доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 448 с.
12. Петрова Т.В. Ценности права и правовые ценности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 4 (104). – С. 131–140.
13. Винниченко Д.О. Правовые традиции и ценности как предмет конституционно-правового исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 384–393.
14. Балаянц М.С. Фундаментальные правовые ценности современного общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2007. – 25 с.
15. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. – 2-е изд., пересм. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 496 с.

16. Курышев Е.Ю. Алгоритмизация юридической техники как составная часть механизма инноваций в праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2024. – № 4 (159). – С. 42–47.

17. Правовое воспитание сотрудников органов внутренних дел // А.Н. Александров, К.В. Буняева, В.В. Васильев [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Черных С.С.,

доктор философских наук, доцент

(Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности влияния традиционных ценностей на структуру отечественной правовой культуры, показана их роль в поддержании стабильности российского общества. Отмечается, что изучение традиционных ценностей зачастую оказывается не свободным от различного рода идеологических коннотаций, которые пронизывают собой исследовательское поле. В статье акцентируется внимание, на том, что интерес представляет изучение традиционных ценностей, которые лежат в основе российской правовой культуры и, следовательно, способствуют лучшему пониманию специфики отечественного опыта справедливости.

Ключевые слова: традиционные ценности; социальное действие; правовая культура; ценностная структура общества; российское общество; справедливость

TRADITIONAL VALUES IN THE STRUCTURE OF DOMESTIC LEGAL CULTURE

Chernykh S.S.,

Doctor of Philosophy, Associate Professor

(M.I. Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI))

Abstract: this article examines the influence of traditional values on the structure of Russian legal culture and demonstrates their role in maintaining the stability of Russian society. It is noted that the study of traditional values is often not free from various ideological connotations that permeate the research field. The article emphasizes the interest of studying the traditional values that underlie Russian legal culture and, therefore, contribute to a better understanding of the specifics of the domestic experience of justice.

Keywords: traditional values; social action; legal culture; value structure of society; Russian society; justice

Ценности играют важную роль в процессе развития и трансформации современного российского общества, оказывая значительное воздействие на поведение входящих в него индивидов. Но, исходя главным образом из веберовской концепции социального действия, стоит признать, что именно ценностно-рациональное действие доступно человеку в качестве особой этики долга, которой стоит следовать даже в самых сложных жизненных обстоятельствах [1]. Таким образом, универсальный характер многих традиционных ценностей (например, разнополой семьи, определяющей роли мужчины в достижении материальных благ и т.д.) обладает собственным рациональным содержанием для социума и культуры.

При этом ясно, что далеко не все традиционные действия, которые можно интерпретировать как привычку, обладают высокой ценностью этического порядка. Кроме того, традиционные ценности могут быть достигнуты и интериоризированы в современном социуме не в результате действий, которые М. Вебер рассматривал как «традиционные», а скорее на основе ценностно-рационального типа поведения [7]. Таким образом, не каждый тип традиционного поведения может рассматриваться как объективная ценность. Ведь часто даже преступное (откровенно делинквентное) поведение может носить традиционный характер и быть обусловлено «обычаями» преступного мира. Вместе с тем в рассуждениях о философском содержании ценностей, а не только и не столько об их социально-экономическом и социально-психологическом значении, необходимо отметить их идеальный компонент, который не может быть полностью редуцирован к вещи или тем более конкретной материальной выгоде.

Итак, под традиционными ценностями следует в первую очередь понимать ценности, которые определяются наследием предков, которое в целом известно и не является предметом чрезмерной фантазии. Поэтому стоит обращать внимание на ценности, в большей степени характерные для относительно недавнего прошлого, а не архаичных времен, к наследию которых пытаются обратиться радикальные традиционалисты. В последнее время изучение связи ценностей, а в особенности ценностей, которые признаются традиционными, с правовой культурой того или иного общества представляется исследованием крайне актуальным. К тому же не является секретом, что традиционные ценности в России во многом ассоциируются с военно-патриотическим воспитанием, которое должно укрепить культурную безопасность страны.

Кризис так называемых «западных ценностей» также сильно переживается в России последних лет, что в свою очередь приводит к поиску самобытного пути правового развития, в том числе достигаемого в результате возвращения к собственным духовным корням. Речь также может идти об элементарном консерватизме и стремлении оставаться собой даже в условиях массовой идеологической обработки и пропаганды «ценностей», не соответствующих отечественной культуре, но при этом выдаваемые за универсальные. В данной связи традиционные ценности в определенном смысле противопоставляются

ценностям «коллективного Запада», которые несомненно привели к значительным изменениям правовой культуры многих стран. В первую очередь кризис «западных ценностей» наблюдается в области правового регулирования семейных и гендерных отношений, где девиация становится не просто нормой, но и преподносится в качестве особого рода привилегии.

Вместе с тем, исследователи пытаются эксплицировать особенности российского «цивилизационного кода», например, связав его с персонализмом, а также господством этического сознания над формально-юридическим. Так, например, по мнению А.В. Костиной, получается, что внутри «российского цивилизационного кода доминирует установка не на всеобщее и рационально-универсальное, не на индивидуальное и прагматически-утилитарное, а на специфическое, на то, что открывается в полноте самоосуществления человека во всей его глубине и цельности, на то, что связано с возможностью воплощения личности в ее идеях и идеалах и проявляется в соответствии с характером культуры и человека из области имманентной трансцендентности, к которой относится индивидуальное и неповторимое душевно-духовное ядро личности» [4, с. 48-49]. По данной проблеме (обнаруживаемой в вышеприведенной цитате) нет однозначного ответа, особенно если погружаться в дискуссию о коллективных («общинных») ценностях современных россиян, а также об универсализме, который бесспорно характерен для высокой российской культуры. Другое дело, что можно в принципе уточнить, что универсализм, в целом присущий отечественной культуре, носит скорее образно-художественный, чем рационально-универсальный характер, в определенной степени испытывая дефицит в сфере формального права.

Пожалуй, что ценность для отдельного индивида обладает субъективными аспектами восприятия, интерпретации и переживания. На первое место человек обычно ставит приятность совершаемых действий или получение удовольствия от совершенного результата, который подкрепляет ранее выбранный способ поведения. Однако индивидуальный, причем даже самый благоприятный для отдельного человека результат может вступать в явное противоречие со всеобщей идеей блага. Поэтому необходимо учитывать интересы и ценности других людей, при условии, если они не наносят ущерб всем остальным участникам общества и не мешают реальной коммуникации.

Таким образом, приятность и чувственное удовольствие вряд ли могут считаться фундаментом для построения ценностно-правовой модели человека, действующего в качестве социального и культурного существа. Поэтому стоит акцентировать внимание на объективном характере предлагаемых индивиду ценностей и соответствующих ценностных ориентаций, способных фундировать его стремление к счастью. В данной связи, например, немецкий философ И. Кант писал: «Приятным каждый называет то, что доставляет ему наивысшее наслаждение, прекрасным – то, что ему только нравится, хорошим – то, что ценит он, одобряет, т.е. то, в чем усматривает объективную ценность» [2, с. 211]. При этом ясно, что именно этические (а не эстетические) ценности обладают всеобщим значением для всех членов социума (шире всей вселенной).

Традиционные ценности в структуре правовой культуры во многом поддерживают исполнение законов, которые не противоречат естественным склонностям самого человека и его природе. Ясно, что сами законы не только должны ограничивать свободу отдельного человека, не давая ей стать произволом, но и напротив всячески должны способствовать ее развитию. Поэтому не стоит забывать, что и сами законы могут не всегда быть согласованы с природой человека, а также могут быть далеки от самой справедливости. Так, например, в данной связи еще М.М. Сперанский писал о том, что законы «общежительные недействительны, когда они противны законам естественным; они, по самому существу их, не что иное должны быть, как приложение законов естественных, приложение, укрепленное действием верховной власти, внешними наградами и понуждениями» [5, с. 39–40]. К тому же там, где законы исполняются должным образом, человек может ощутить себя более свободным, по крайней мере, в отношении собственной безопасности.

Правовая культура во много определяет то, каким образом в обществе исполняются законы, а также то, какие способы неформального контроля в нем являются приемлемыми и допустимыми. В случае трансформации традиционных ценностей изменения в первую очередь затрагивают правовую культуру общества, которая может подвергаться атакам со стороны крайних форм легализма. Так, по мнению американского юриста Л. Фридмэна: «Правовая культура – это барометр жизни, являющийся и общественной силой, который определяет, как часто тот или иной закон применяется или нарушается на практике, как его избегают или как им злоупотребляют. Правовая система без правовой культуры не действует» [6, с. 117]. По сути дела, правовая культура выступает своего рода (причем не всегда декларируемой) составляющей коллективных установок людей в отношении справедливости [8]. Поэтому правовой культуре не всегда хватает формализации или собственной юридической однозначности.

Интересно, что в отечественной правовой культуре сама справедливость далеко не во всех случаях отождествляется с официальными законами, а иногда и вовсе противопоставляется последним. В данной связи легистский подход, в котором сам закон понимается как главная ценность, не может быть полностью применен к отечественной правовой действительности. Таким образом, в рамках легистского подхода, в котором фактически происходит отождествление права и закона, довольно затруднительно говорить о правовой оценке самого закона, а также отчетливо разграничить право от произвола [3]. Напротив, в контексте изучения отечественной правовой культуры можно обнаружить законы, исполнение которых если и не считается актом явной несправедливости, то по крайней мере считывается как деятельность, индифферентная в отношении самой справедливости. При этом даже коррупционное поведение и соответствующие установки могут быть представлены в качестве компонентов правовой культуры.

Исторически вышеописанное противоречие (обнаруживаемое в сердцеvine отечественной правовой культуры) можно объяснить тем, что Российская империя строилась, несомненно, как правовое государство, но как правовое государство именно «сверху», то есть в первую очередь оно являлось таковым

для высшего аристократического класса, а не для простого народа или средних слоев населения. Поэтому представители народа (того же крестьянства) в большей степени ориентировались на собственные коллективные представления о справедливости, восходящие к старине и евангельской традиции. При этом из народной среды всегда выделялись различного рода странники, которые фактически выбирали путь духовно-религиозного эскапизма и индивидуально-нравственного преображения, зачастую отказываясь от борьбы в поле официального права. Отчасти похожая ситуация сохранялась в период существования Советского Союза, в котором отсутствовала полноценная частная собственность, что затрудняло формирование стабильных средних классов, но при этом также вело к противопоставлению между официальным правом и переживанием реальной справедливости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. — Москва; Санкт-Петербург: Центра гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. — 656 с.
2. Кант И. Сочинения: в 6 т. — Москва: Мысль, 1966. Т. 5. — 560 с.
3. Кельзен Г. Чистое учение о праве. — Санкт-Петербург: ИД «Алеф-Пресс», 2015. — 542 с.
4. Костина А.В. Общество потребления и ценности российской цивилизации // Знание. Понимание. Умение. — 2016. — № 4. — С. 45–55.
5. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. — Санкт-Петербург: Наука, 2002. — 680 с.
6. Фридмэн Л. Введение в американское право. — Москва: Прогресс, 1992. — 288 с.
7. Черных С.С. Традиционные ценности в структуре социокультурной регуляции российского общества: проблемы идентификации и перспективы трансформации / Ценности в праве в условиях модернизации общества: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 31 октября 2024 г. — Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2025. С. 206–212.
8. Правовое воспитание сотрудников органов внутренних дел / А.Н. Александров, К.В. Буняева, В.В. Васильев [и др.]. — Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. — 165 с.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Чистюхина М.В.,

кандидат юридических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье проводится анализ конституционных положений различных государств, закрепляющих семью как важнейшую ценность для государства и общества. В работе анализируются конституционно-правовые гарантии семейных прав, свобод и обязанностей, а также меры государственной поддержки семейных институтов.

Ключевые слова: институт семьи; брак; конституционно-правовые гарантии; семья; конституционная защита семьи

CONSTITUTIONAL AND LEGAL GUARANTEES OF THE FAMILY INSTITUTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Chistyukhina M.V.,

Candidate of Law

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article analyzes the constitutional provisions of various states that establish the family as the most important value for the state and society. The article analyzes the constitutional and legal guarantees of family rights, freedoms, and obligations, as well as the measures of state support for family institutions.

Keywords: institution of family; marriage; constitutional and legal guarantees; family; constitutional protection of the family

Семья – одна из первостепенных ценностей для каждого человека, которая выполняет множество различных функций, начиная от репродуктивной и заканчивая формированием новой личности и социализации ее в обществе. Из всех общественно значимых институтов именно семья неизменно остается главным регулятором социальных отношений, несмотря на то, что в настоящее время мы видим ослабление института семьи, увеличение количества разводов, демографический кризис, развитие альтернативных форм семьи и т.д. Все эти факторы, безусловно, негативно влияют на престиж семьи и брака. Значение семьи для общества и государства, несомненно, велико. Для многих государств институт семьи обозначен в качестве объекта государственной защиты и поддержки [1].

Прежде чем мы приступим к характеристике конституционно-правовых гарантий института семьи в Российской Федерации необходимо, рассмотреть само понятие «семья». По мнению С.Л. Франка, «семья... есть основная неустраиваемая ячейка, из которой складывается общество и в которой сохраняется и передается из поколения в поколение внутреннее, духовно-культурное единст-

во исторической жизни» [2]. Отдельно хотелось бы выделить мнение В.С. Нерсисянца, который приводил в своих трудах убедительные аргументы противоположного содержания этого определения. По его мнению, семья – это особая общность, основанная на родственных связях и специфических отношениях, которые существенно отличаются от межличностных отношений чуждых друг другу членов гражданского общества [3].

Интересны рассуждения о соотношении семьи и общества, семьи и государства американского социолога А. Карлсона. Ссылаясь на известного писателя Дж. Честертона, он утверждает: «Институт семьи является «истинно анархическим» институтом – он старше, чем любой закон, и располагается вне государства. Идеал, который отстаивает семья в государстве, – свобода. Это уникальная форма контроля над государством, стремящаяся к самообновлению столь же неизменно, но более естественно, чем государство» [4].

Мы разделяем позицию С.В. Дармодехина, который дал довольно развернутую характеристику семьи как социального института: по его мнению, «семья – это общность людей, связанных отношениями супружества, родительства, родства, совместного домохозяйства, как основная ячейка общества, выполняет важнейшие социальные функции, играет особую роль в жизни человека, его защите, формировании личности, удовлетворении духовных потребностей, обеспечении первичной социализации» [6].

Конституционно-правовое регулирование института семьи, как и правового статуса человека и гражданина в странах с англосаксонской и континентальной системой права, различно. Так, например, ст. 57 Конституции Венесуэлы формализует семейные отношения, как основанные на равенстве обязанностей членов семьи (не только супругов) [7]. В Конституции Бразилии также были выявлены нормы, адресованные семье, обществу и государству:

– обязанность семьи, общества и государства по обеспечению в абсолютно приоритетном порядке детям и юношеству прав на жизнь, здоровье, питание, образование, досуг, профессиональное обучение, освоение культуры, достоинство, уважение, свободу и сосуществование в семье и обществе; в равной мере они должны их защищать от любых форм недосмотра, дискриминации, эксплуатации, насилия, жестокости и угнетения (ст. 227);

– обязанность семьи, общества и государства покровительствовать лицам пожилого возраста, обеспечивая их участие в делах общества, защищая их достоинство и благополучие и гарантируя им право на жизнь (ст. 230) [8].

В ч. 1 ст. 47 Конституции Болгарии уход за детьми и их воспитание до совершеннолетия является правом и обязанностью родителей. Аналогичны нормы ч. 2 ст. 6 Конституции Федеративной Республики Германия, ст. 38 Конституции Литвы, ст. 40 Конституции Македонии, ст. 27 Конституции Эстонии. В последней обязанность заботы также адресована семье [8].

В основном законе нашего государства ряд статей посвящен гарантиям института семьи, хотя самого понятия «семья» Конституция Российской Федерации не содержит. Так, в частности речь идет о ч. 2 ст. 7, которая закрепляет, что в России обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства. Отдельно хотелось бы обратить внимание на статью 38

Конституции Российской Федерации, в которой задекларировано, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства. Забота о детях и их воспитание – равное право и обязанность родителей. Положение данной статьи заключается еще и в том, что воспитательная функция семьи не опосредована наличием или отсутствием брака между родителями ребенка. Несмотря на то, что супружеская семья может прекратить свое существование, с позиции ребенка семья – это наличие матери и отца независимо от их совместного проживания. Обязанность по воспитанию ребенка несет каждый родитель [9].

В соответствии с ч. 3 ст. 38 Конституции Российской Федерации трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях. С этим положением Конституции корреспондируют соответствующие нормы российского Семейного кодекса: обязанность трудоспособных совершеннолетних детей содержать своих нетрудоспособных, нуждающихся в помощи родителей (ч. 1 ст. 87); аналогичная обязанность трудоспособных совершеннолетних внуков в отношении нетрудоспособных нуждающихся в помощи бабушки и дедушки (ст. 95) и т.д. Если обязанные лица добровольно материальную помощь нетрудоспособным нуждающимся в помощи членам семьи не оказывают, то они могут быть принуждены к ее исполнению в судебном порядке (ч. 2 ст. 87 и др.).

Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ была введена новая статья 67.1. В ней указано, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.

Таким образом, проведенный анализ конституционных норм позволяет сделать нам вывод о том, что вопросы, касающиеся семьи, находят в них достаточно большое отражение, при этом более детальная регламентация этих вопросов закреплена в отраслевом законодательстве. Вместе с тем, несмотря на многообразие конституционных норм о семье, они носят, по сути, декларативный характер. Укрепление института семьи должно стать первоочередной задачей государства. Для этого требуются новые методы взаимодействия гражданского общества и государства в интересах семей, повышения престижа брака, ответственного родительства и многодетности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Боготова И.Б., Спиридонова Е.О. Конституционно-правовые основы семьи и семейных ценностей в республике Узбекистан / Приоритеты конституционного развития России и стран Содружества независимых государств: сборник научных трудов, к 30-летию Конституции Российской Федерации. – Москва, 2023. – С. 81–88.
2. Франк С.Л. Духовная основа общества: Введение в социальную психологию. – Москва, 1992.
3. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. – Москва, 1999.

4. Карлсон А. Общество – Семья – Личность: Социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход. – Москва, 2003.
5. Конституция Венесуэлы [Электронный ресурс]. – URL: <https://constitutions.ru/?p=29429&ysclid=mjr5zibh6p981771138> (дата обращения: 20.09.2025).
6. Дармодехин С.В. Семья в системе социальных отношений современного общества // Мир психологии. – 2008. – № 3. – С. 159–164.
7. Конституция Бразилии [Электронный ресурс]. – URL: <https://constitutions.ru/?p=8282&ysclid=mjr664fvt689492274> (дата обращения: 20.09.2025).
8. Чистюхина М.В. Конституционные обязанности человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2019. – 161 с.
9. Итяшева И.А., Стражевич Ю.Н., Слепко Т.Е. Правовые проблемы реализации конституционной обязанности родителей по воспитанию детей в случае расторжения брака // Вопросы ювенальной юстиции. – 2012. – № 5. – С. 16–18.

ДИСЦИПЛИНА КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Шаповал Н.А.,

кандидат юридических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу категории «дисциплина» в контексте ее роли как фундаментального инструмента сохранения и укрепления традиционных ценностей в современном российском обществе. Автор рассматривает дисциплину не только как правовую или социальную норму, но и как многогранный феномен, связывающий абстрактные ценности с повседневной практикой на индивидуальном, семейном и общественных уровнях. Доказывается, что без дисциплинарного начала традиционные ценности рискуют остаться декларативными лозунгами, лишенными реальной силы. В статье также освещается роль стратегических документов государственного планирования в формировании правового и ценностного поля, способствующего укреплению дисциплины.

Ключевые слова: дисциплина; право; правомерность; ценности; ценности в праве; личность, семья; общество; государственная политика

DISCIPLINE AS THE BASIS FOR PRESERVING AND STRENGTHENING TRADITIONAL VALUES

Shapoval N.A.,

Candidate of Law

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article is devoted to a comprehensive analysis of the category of discipline in the context of its role as a fundamental instrument for preserving and strengthening traditional values in modern Russian society. The author considers discipline not only as a legal or social norm, but also as a multifaceted phenomenon that links abstract value systems with everyday practice at the individual, family, and societal levels. It is argued that without a disciplinary foundation, traditional values risk remaining mere declarative slogans, devoid of real force. The paper also highlights the role of strategic government planning documents in shaping a legal and value framework conducive to strengthening discipline.

Keywords: discipline; law; legality; values; values in law; personality; family; society; public policy

Сложные социокультурные трансформации, происходящие в современном обществе, сопровождаются деформацией традиционных устоев и поиском новых духовных и нравственных ориентиров. В этом контексте категория «дисциплины» приобретает новое звучание, выходящее за рамки сугубо правового или административного понимания. Однако в современной интерпретации ее роль гораздо шире – она выступает ключевым механизмом, обеспечивающим переход от провозглашения традиционных ценностей на различных уровнях социальной организации.

Категория «дисциплина» в переводе с латинского языка означает «наставление, учение, воспитание». В современном понимании категория «дисциплина» раскрывается и в других смыслах, в частности, повиновение, подчинение [6, с. 946], следование трудовому распорядку [4, с. 255], учебный предмет [1, с. 262], иерархия, соподчиненность [2, с. 437] и др. Эта многогранность указывает на то, что дисциплина пронизывает все сферы человеческого бытия – от повседневного поведения до сложных социальных институтов. Она является не просто внешним принуждением, но и внутренним регулятором, основанным на сознательном усвоении норм и правил [5, с. 24].

Ценность и дисциплина соотносятся как идея и идеал. В указанном аспекте дисциплина рассматривается как некая связь между идеалом и реальностью. Если ценность задает желаемую модель поведения или мироощущения, то дисциплина представляет собой тот практический инструментарий, тот ежедневный труд, который позволяет приблизить реальное поведение индивида или общества к этому идеалу. Без дисциплины традиционные ценности превращаются в пустые лозунги, лишенные действенной силы и неспособные оказать реальное влияние на социальные процессы.

Рассмотрим эту связь на нескольких уровнях:

1. Индивидуальный уровень, в рамках которого дисциплина выступает основой личной добродетели. Именно на этом уровне происходит первичное усвоение ценностных ориентиров. В указанном аспекте особое значение приобретают такие традиционные ценности, как уважение к старшим, трудолюбие, ответственность, честность, забота о здоровье и др., то есть дисциплина выступает в качестве инструмента трансформации абстрактной ценности в привычку (образ жизни).

2. Семейный уровень, в рамках которого дисциплина выступает как каркас семейных устоев, транслятор традиционных ценностей (соблюдение ритуалов и традиций, воспитание детей, ведение быта). Дисциплина создает порядок в семье и способствует передаче ценностей из поколения в поколение.

3. Общественный уровень проявляется в следовании нормам, правилам, заповедям (не укради, не убей), которые составляют основу традиционной культуры. Общественная дисциплина является показателем зрелости гражданского общества и его способности к самоорганизации на основе разделения традиционных ценностей. Она является антиподом хаоса и произвола, создавая ту здоровую среду, в которой традиционные ценности могут не только сохраняться, но и получать дальнейшее развитие. С субъективной точки зрения дисциплина сводится к принятию решения о выборе поведения конкретным лицом. При объединении данных подходов дисциплина может рассматриваться как следование конкретным лицом установленному нормами права и морали общественному порядку [3, с. 22].

Без дисциплины традиционные ценности превращаются в пустые лозунги.

Указами Президента Российской Федерации и распоряжениями Правительства Российской Федерации утверждается большое количество документов стратегического планирования, которые ориентированы на сохранение, защиту и поддержку духовно-нравственных ценностей современного российского общества.

Государственная политика в указанной сфере создает нормативно-правовой фундамент для укрепления дисциплины на всех уровнях. Правовые акты задают ценностные ориентиры и определяют границы допустимого поведения, тем самым формируя внешние рамки для дисциплины. Однако их эффективность напрямую зависит от того, насколько провозглашенные в них ценности будут подкреплены внутренней дисциплиной граждан. Государство, таким образом, выступает не только как гарант прав, но и как субъект, заинтересованный в воспитании дисциплинированного гражданина, который сознательно следует традиционным ценностям, видя в них не ограничение, а условия для личного и общественного развития.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что дисциплина представляет собой комплексный социально-правовой феномен, без которого невозможно эффективное функционирование и развитие системы традиционных ценностей. Она является тем практическим механизмом, который обеспечивает переход от декларации ценностей к их реальному воплощению в повседневной жизни человека, семьи и общества в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург, 2003. – 1536 с.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Москва, 1998. – Т. 1. – 699 с.
3. Комнатная Ю.А., Шаповал Н.А. Дисциплина – основа правомерности в условиях правовой неопределенности // *Advances in Law Studies*. – 2025. – Т. 13, № 1. – С. 21–25.
4. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1: А–Пантомима. – Москва, 1999. – 624 с.
5. Шаповал Н.А., Комнатная Ю.А. Правомерность в юридической деятельности: учебное пособие. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2025. – 100 с.
6. Энциклопедия государства и права / под ред. П. Стучка. – Москва, 1925–1926. – Т. 1. – 1240 с.

«ПОЛИЦЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО»: ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИЦЕЙСКО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ

Школьный А.М.,
аспирант

(Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Аннотация: в статье проводится историко-правовой анализ становления и эволюции концепции «полицейского государства» (*Polizeistaat*) в европейской политико-правовой мысли XVII–XVIII вв. Особое внимание уделяется первоначальному значению данного понятия в трудах представителей камералистики и ранней полицейской науки, где полицейское государство рассматривалось как рациональная административная модель, ориентированная на обеспечение общественного порядка, безопасности и благосостояния населения в условиях абсолютизма и просвещенного абсолютизма. Сделан вывод о необходимости уточнения научного содержания понятия «полицейское государство» и восстановления его историко-доктринального смысла как рациональной модели государственного управления.

Ключевые слова: полицейское государство; *Polizeistaat*; камерализм; государственное управление; абсолютизм; административное право; полиция; государственный интерес

“POLICE STATE”: FORMATION OF THE CONCEPT IN WESTERN EUROPEAN POLICE LAW THEORY

Shkolny A.M.,

Postgraduate

(Herzen State Pedagogical University of Russia)

Abstract: the article provides a historical-legal analysis of the formation and evolution of the concept of the “police state” (Polizeistaat) in European political and legal thought of the seventeenth and eighteenth centuries. Particular attention is devoted to the original meaning of this concept in the works of representatives of cameralism and early police science, where the police state was understood as a rational administrative model aimed at ensuring public order, security, and the welfare of the population under conditions of absolutism and enlightened absolutism. The study concludes that it is necessary to clarify the scholarly content of the concept of the “police state” and to restore its historical and doctrinal meaning as a rational model of public governance.

Keywords: police state; Polizeistaat; cameralism; public administration; absolutism; administrative law; police; state interest

Представления о феномене полицейского государства, закрепленные в европейской и отечественной политико-правовой мысли [2; 4], в последние десятилетия претерпели значительную трансформацию. В XX в. термин «полицейское государство» приобрел преимущественно отрицательные коннотации, обусловленные прежде всего контекстом восприятия нацистской Германии как эталоном воплощения идеи государства всеобщей регламентации.

При этом полицейско-правовая теория, формировавшаяся в Западной Европе и России с XVII в. [7; 17], наделяла полицейское государство иными характеристиками. Французский автор Николя Деламар, заложивший основы науки о полиции [11], немецкие камералисты Христиан фон Вольф [21], Иоганн Генрих Готфрид фон Юсти [14], Иоганн Филипп фон Зонненфельс [19], а позднее Роберт фон Мольте [16] разрабатывали модель «полицейского государства» (Polizeistaat, буквально в переводе с немецкого – полицейское государство), воспринимая ее как рациональную административную систему, ответственную за общественный порядок, безопасность и благосостояние подданных в эпоху абсолютизма и просвещенного абсолютизма. Их труды были направлены на систематизацию знаний о полицейской деятельности как отдельной отрасли управления и разграничение административной и судебной власти. Впоследствии их труды легли в основу формирования науки административного права.

В указанном контексте и с учетом новых значений особенно актуальным становится изучение полицейского государства в его историко-традиционной форме, погружение в саму сущность данного понятия с целью разобраться в самой его сути.

Приступая к изучению данного вопроса, важно отметить, что термин «полицейское государство» вошел в научный обиход именно как прямая транслитерация немецкого *Polizeistaat*, изначально не ассоциируясь с современными репрессивно-ориентированными интерпретациями. В немецкой правовой мысли XIX в. *Polizeistaat* выступало одной из трех категорий типологии государства наряду с *Rechtsstaat* (правовое государство) и *Justizstaat* (государство правосудия). Иными словами, речь шла о вполне определенной модели государственного устройства, сложившейся исторически [20]. В дальнейшем, с развитием идей правового государства и конституционализма, концепция *Polizeistaat* стала восприниматься как противоположность правовому государству и обрела оттенок авторитаризма. Однако в исходном смысле *Polizeistaat* означало абсолютистское административное государство, все силы которого направлены на поддержание общественного благосостояния, порядка и безопасности.

Обратившись к этимологии понятия, возможно обратить внимание на заимствование рассматриваемого термина от др.-греч. термина *πολιτεία* (*politeia*, или искусство управления городом), а впоследствии получившем свое развитие при устройстве и эволюции Древнеримского государства – термин, сегодня известный как *politia*.

Вплоть до XVI в. говорить о существовании полноценной полицейской системы в систематизированном виде, а тем более современном ее понимании, нельзя. Французский король Франциск I (1515–1547) создал военизированные отряды для охраны общественного порядка – прообразы жандармерии (*gens d'armes* – при буквальном переводе люди оружия). Они предназначались для силового подавления разбоя и беспорядков, но еще не представляли собой административного органа с особыми «полицейскими» полномочиями в римском смысле [15].

Юристы того времени уже настаивали на необходимости разграничения функций государства. К концу XVII в. в большинстве развитых стран Европы явно выделялись отдельные сферы государственной деятельности: финансовое управление, судебная власть, военное дело, внешние сношения и др.

В этом контексте слово «полиция» получает специфическое значение: оно начинает ассоциироваться прежде всего с внутренним управлением и обеспечением общественного благосостояния и порядка. К понятию *police* постепенно прикрепляются смыслы попечения о благосостоянии подданных, защиты общества изнутри, а также надзора за населением.

Эволюция института полиции прослеживается, в первую очередь, во французской истории: так, одним из таких шагов становится учреждение специальной полиции в Париже.

В 1667 г. король Франции Людовик XIV создает должность генерального лейтенанта полиции в Париже [12]. Это был первый в Европе пример самостоятельного городского административно-полицейского органа. Парижский лейтенант полиции получил обширные полномочия по управлению столицей и ближайшим округом. В его ведении находилась организация постоянных патрулей и дозоров, регулирование продовольственного снабжения города, освещения улиц и вывоза мусора, контроль за уличным движением и противопожарными

мерами. Он же заведовал учреждением и надзором за работой городских рынков и биржи, лицензированием трактиров и ярмарок. Ему была поручена организация борьбы с проституцией и назначение квартальных смотрителей (консьержей) в домах. Полиция получила негласную задачу тотального надзора за всеми слоями общества – разветвленная сеть осведомителей и шпионов должна была проникнуть во все уровни городской жизни. Такая модель вскоре стала образцом для подражания и в других государствах Европы.

Комплекс французских новшеств в вопросах управления государством оказал существенное влияние и на Германию. Идеи новой полиции получили свое существенное преобразование и развитие именно в Пруссии, что и привело к рождению того самого феномена, который историки права и исследователи политической науки называют традиционным полицейским государством (*Polizeistaat*).

Полноценная концепция *Polizeistaat* сформировалась в Пруссии в XVII–XVIII вв. Условия для возникновения первого в Европе полицейского государства в традиционной форме сложились после опустошительной Тридцатилетней войны (1618–1648). Крупные потрясения усилили запрос европейских обществ на сильную власть, способную обеспечить безопасность и восстановление разрушенных экономик, даже если ради этого пришлось бы пожертвовать частью своих прав и свобод. Прусским правителям одним из первых удалось создать сильное, дисциплинированное и устойчивое государство, способное выдержать постоянную угрозу внешних и внутренних конфликтов.

Перед прусскими правителями, по существу, стояло три основополагающие цели для создания такого государства, которое впоследствии стало известно как традиционное *Polizeistaat*:

- 1) защита населения от внешних и внутренних угроз;
- 2) повышение общего благополучия государства и подданных;
- 3) моральное и социальное совершенствование сознания народа.

Реализация этих задач потребовала коренных преобразований в государстве. Прусский правитель Фридрих Вильгельм I (1620–1688) и его преемники активно преобразовывали модель управления государством. Краткий обзор произошедших изменений государственного управления: феодальные привилегии местных князей и земской аристократии были ограничены, взамен возник централизованный бюрократический аппарат (в состав которого вошли образованные люди буржуазного происхождения), подчиненный воле монарха. Регулярная армия была сформирована по строгим иерархическим принципам и поставлена на службу защите интересов правящей династии и государства [15].

Внутренняя структура реформированной администрации имела строго иерархический характер. Управление разделялось на специализированные департаменты по функциональному признаку. На местах, в провинциях и округах учреждались правительственные должности, через которые центр осуществлял свою политику на местах. Каждый нижестоящий орган или чиновник находился под строгим контролем вышестоящего начальства. На вершине системы управления находился монарх, который координировал деятельность и ставил цели сформированному комплексному бюрократическому аппарату [15].

Прусская система государственного управления превратилась в прообраз современного разветвленного государственного аппарата. Были разработаны подробные правила, регламентирующие управление экономикой, поддержание внутренней безопасности, снабжение населения продовольствием и сырьем, ведение учета населения и хозяйства, а также решены прочие вопросы, связанные с управлением государством. По сути, государство взяло под контроль основные аспекты жизни общества, стремясь реализовать идею опеки государства над благом своих граждан в контексте восстановления государства после разрушительно-опустошающей Тридцатилетней войны.

Нельзя не упомянуть, что идеологической основой этой системы были принципы, разработанные камералистами. Камералистика, будучи административной наукой о государственном управлении, в то время исходила из позиций, что государство должно быть всемогущим в пределах своих границ: общее благо ставилось выше частных интересов, поскольку благосостояние и безопасность государства, на взгляд камералистов, перевешивает любые индивидуальные свободы и выгоды отдельных граждан. Отсюда следовало, что монарх как носитель верховной власти имел право требовать от подданных подчинения ради высшей цели.

Более того, в доктрине *raison d'État* (фр. государственный интерес) монарх и сам считается «первым слугой государства»: он обязан действовать не для личной прихоти, а во имя государства и народа. Правитель связан моральным долгом служения общему благу, даже если лично стоит над всеми. Его решения должны определяться конечными интересами государства – и в этом смысле монарх тоже подчинен некоему высшему закону пользы, а не свободен от любых ограничений.

Такой подход имел различные последствия. В Пруссии рассматриваемого периода законодательная и исполнительная власть практически сливались: король и его администрация издавали указы и регламенты, имевшие силу закона, минуя какие-либо представительные органы. Это означало отсутствие принципа разделения властей в государственном управлении, который на тот период лишь проходил этап становления – нормативные акты рождались внутри исполнительного аппарата. Вторым следствием такого подхода к государственному управлению было практически полное отсутствие юридических средств защиты частных прав против действий государства. Суды не обладали юрисдикцией, чтобы пересматривать решения администрации по существу – предполагалось, что судьи некомпетентны судить о государственных приоритетах и потребностях. Тем самым гражданин, если его права нарушались государственным распоряжением, не имел независимого пути обжаловать принятое решение, поскольку высшая мудрость того, что полезно государству, находилась вне компетенции судебной власти.

В этом смысле, следует подчеркнуть, некоторые идеи, зародившиеся в *Polizeistaat*, получили свое развитие уже в основополагающих принципах правового государства – так, например, изъятие частной собственности для нужд государства в правовом государстве возможно, но лишь по решению суда. В этом смысле воля и полномочия государства не безграничны и подлежат

оценке в суде исходя из всех обстоятельств конкретно взятого дела. Такие ограничения воли правителя (в лице государства) являются одним из проявлений развитой в XVIII–XIX вв. идеи разделения властей с целью недопущения злоупотреблений со стороны государства.

Тем не менее, не следует отождествлять *Polizeistaat* с произволом или деспотией. Полицейское государство ограничивало возможности для произвола, поскольку многие действия чиновников ограничивались законами и регламентами, и они были обязаны действовать в соответствии с ними. За нарушения управленец мог понести ответственность в рамках выстроенной административной вертикали. Внутри органов по факту обнаружения нарушений (нередко – по информации, полученной от подданных, чьи права были нарушены) могла быть проведена внутренняя проверка, а чиновники, при подтверждении факта нарушения установленных правил – привлечены к ответственности [20]. Несмотря на отсутствие формальных регламентов рассмотрения жалоб, фактическое существование таких механизмов доказывает, что *Polizeistaat* нельзя приравнять к безграничной, ничем не ограниченной власти чиновников – их, как минимум, связывали существующие правила и регламенты, дисциплина и интересы государства, которому, по соображениям идей *Polizeistaat*, они служили.

По сути, личные права подданных действительно были подчинены интересам государства, однако в то же время предполагалось, что государственный интерес включает в себя и благо самих граждан. Полиция и администрация действовали во имя общего блага, каким его понимали представители просвещенного правительства. Идеи *Polizeistaat* в том числе, строятся на том, что подданные жертвуют частью свободы ради порядка и процветания, а государство берет на себя заботу об их благополучии.

Здесь же следует отметить, что такое мнение нередко слышится и сегодня – известно немало сторонников профессионального подхода к управлению государством. На наш взгляд, демократия в чистом ее виде имеет определенные риски, связанные с отсутствием у народа (в широком смысле этого слова) полноценных представлений о науке управления государством. Так, далеко не всегда результатом демократических выборов является выбор компетентного правителя, которому известно, какие именно принципы необходимо использовать при управлении государством, не говоря уже о том, какие конкретно меры необходимо предпринимать, каких людей назначать для обеспечения эффективного управления государством. Профессиональные управленцы государством при должном участии экспертов в различных областях (таких, как медицина, инженерное дело и пр.) во многом могут превосходить тех кандидатов, которые были выбраны широкими массами. По некоторым вопросам профессиональные управленцы способны существенно эффективнее управлять государством, хотя, конечно, свои риски есть и у такого подхода, самым очевидным из которых видится злоупотребление полномочиями и коррупция.

Таким образом, исходные представления о полицейском государстве существенно отличались от того, что подразумевают под этим термином сегодня: если в XVIII в. сформировавшаяся концепция *Polizeistaat* олицетворяла просвещенную монархию, в основу которой были положены наилучшие достиже-

ния науки камералистики, которая ставила своей целью попытку государственного возрождения после опустошающей длительной войны, то к середине XX в. выражение «полицейское государство» стало нарицательным для описания диктаторских и тоталитарных режимов, таких как нацистская Германия.

Приведенный историко-аналитический анализ и исследования основных этапов формирования и развития полицейско-правовой теории современными учеными преследуют цель уточнения значения термина «полицейское государство» и демонстрируют, что полицейское государство исходно означало не произвол полиции, а рациональную модель государственного управления и общественной опеки в контексте восстановления государства после разрушительных военных действий с последующим развитием данной модели.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дергилева С.Ю. Институализация знаний о государственном управлении в немецкой политической мысли в XIX–XX веках / Проблемы юриспруденции и педагогики высшей школы в работах молодых ученых: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Белгород, 28 ноября 2024 года. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России, 2025. – С. 64–69.

2. Дергилева С.Ю. Сущность полицейского государства как предмет осмысления полицейстов второй половины XIX – начала XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 3 (51). – С. 15–20.

3. Дергилева С.Ю. Цели и задачи государственного управления в теоретическом наследии полицейстов // *Advances in Law Studies*. – 2023. – Т. 11, № 1. – С. 31–35.

4. Нижник Н.С. Полицейское государство – социоюридический феномен: характеристика сущностных черт в отечественной полицейско-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 6. – С. 123–130.

5. Нижник Н.С. Полицейское государство как средство достижения всеобщего счастья (по страницам работ полицейстов) / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы Международной научно-практической конференции, Новороссийск, 22–23 сентября 2016 года / под общ. ред. В.А. Сосова. – Новороссийск: ИД «Юг», 2017. – С. 30–34.

6. Нижник Н.С. Полицейско-правовая теория об институционализации государственного управления и месте полиции в механизме государства / Современные проблемы общей теории права: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 60-летию Алматинской академии МВД Республики Казахстан, Алмата, 7 июля 2016 года. – Алмата: Алматинская академия МВД Республики Казахстан, 2016. – С. 13–27.

7. Нижник Н.С. Полицейстика: основные этапы развития полицейско-правовой теории в России / Российская полиция: три века служения Отечеству: сборник статей Юбилейной международной научной конференции: в 2-х час-

тях, Москва, 21 декабря 2018 г. / под ред. В.Л. Кубышко. – Москва: Академия управления МВД России, 2019. Ч. 1. С. 220–240.

8. Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. А.И. Елистратов: программа перехода от административного права к общей теории государственного управления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. – № 1 (69). – С. 58–62.

9. Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Полицейско-правовая теория конца XIX – начала XX века о личности – субъекте публично-правовых отношений в полицейском государстве // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2020. – Т. 45, № 4. – С. 750–760.

10. Нижник Н.С., Дергилева С.Ю., Геворкян Д.С. Философия эвдемонизма как концептуальная основа теории и практики полицейского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 3 (63). С. 236–242.

11. de La Mare N. Traité de la police: ou l'on trouvera l'histoire de son etablissement, les fonctions et les prerogatives de ses magistrats; toutes les loix et tous les reglemens qui la concernent // Google Books. – Aux dépens de la compagnie, 1729. – Vol. 3 [Электронный ресурс]. – URL: <https://books.google.co.uk/books/> (дата обращения: 10.01.2026).

12. Édit de création de l'office de Lieutenant de Police de Paris (15 mars 1667) // Museum of the History of justice, crime and punishment [Электронный ресурс]. – URL: <https://criminocorpus.org/fr/legislation/textes-juridiques-lois-decre/> (дата обращения: 15.01.2026).

13. Erdmannsdörffer B. Friedrich Wilhelm (Kurfürst von Brandenburg) // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). – Bd. 7. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1878 [Электронный ресурс]. – URL: <https://de.wikisource.org/> (дата обращения: 17.01.2026).

14. Justi J.H.G., von. Die Natur und das Wesen der Staaten // The Munich Digitization Center. – Berlin, 1760 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/> (дата обращения: 10.01.2026).

15. L'édit de Nantes et ses antécédents (1562–1598) // École nationale des chartes [Электронный ресурс]. – URL: <http://elec.enc.sorbonne.fr/> (дата обращения: 12.01.2026).

16. Mohl R., von. System der Präventiv-Justiz oder Rechts-Polizei // Google Books. – H. Laupp, 1834 [Электронный ресурс]. – URL: <https://books.google.de/books?> (дата обращения: 10.01.2026).

17. Nizhnik N.S. Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State // Man. Society. Communication, Veliky Novgorod, 23–24 апреля 2020 года. ISO LONDON LIMITED – European Publisher, 2021. – P. 1826–1835.

18. Paul P. Bernard The limits of enlightenment. // Wayback Machine. Internet Archive. – Urbana: University of Illinois Press, 1979 [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/thelimitsofenlightenment/mode/2up> (дата обращения: 20.01.2026).

19. Sonnenfels J., von. Grundsätze der Polizey, Handlung und Finanzwissenschaft // Google Books. – Kurzböck, 1770 [Электронный ресурс]. – URL: <https://books.google.co.uk/books?id> (дата обращения: 10.01.2026).

20. The Annals of the American Academy of Political and Social Science, Vol. 7 (Mar., 1896) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jstor.org/> (дата обращения: 05.02.2026).

21. Wolff C., von. Vernünfftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt // Wayback Machine. Internet Archive. – Franckfurt am Mayn, 1751 [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/> (дата обращения: 10.01.2026).

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Яловенко Т.В.,

кандидат юридических наук, доцент
(Волгоградская академия МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности правовой культуры современного российского общества. Отмечается недостаточный уровень правосознания и правовой культуры значительной части населения, сопровождающийся распространением правового нигилизма, что выражается в неуважении к закону, в пренебрежительном отношении к правовым институтам и в неверии в эффективность права как социального регулятора. Автором рассмотрены основные причины и факторы, оказывающие негативное влияние на уровень правовой культуры, предложены основные направления и меры по формированию правовой культуры граждан.

Ключевые слова: правовая культура; право; правосознание; нигилизм

FEATURES OF THE LEGAL CULTURE OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Yalovenko T.V.,

Candidate Law, Associate Professor
(Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the features of the legal culture of modern Russian society. It notes the insufficient level of legal awareness and legal culture among a significant part of the population, which is accompanied by the spread of legal nihilism, which is expressed in a lack of respect for the law, a disregard for legal institutions, and a lack of faith in the effectiveness of law as a social regulator. The author examines the main causes and factors that have a negative impact on the level of legal

culture, and proposes the main directions and measures for the formation of legal culture among citizens.

Keywords: legal culture; law; legal awareness; nihilism

Правовая культура современного российского общества занимает одно из центральных мест в системе общественных отношений, поскольку именно от уровня ее развития во многом зависит устойчивость, стабильность и поступательное развитие как общества в целом, так и государства. Правовая культура служит индикатором зрелости общественного сознания и мерилom цивилизованности нации.

Правовая культура представляет собой сложное, многогранное и многоуровневое явление, включающее в себя как духовные, так и материальные элементы правовой жизни общества. Правовая культура формируется и развивается под воздействием общественно-экономического строя, уровня демократии и гражданской активности населения, состояния правовой системы и традиций правоприменения.

Анализ научной литературы, посвященной данной теме, показал, что существующие в юридической науке подходы к определению понятия «правовая культура» в целом отражают суть рассматриваемого феномена. Вместе с тем в них недостаточно внимания уделяется содержательной стороне правовой культуры, не все ее проявления оказываются в поле зрения исследователей, в частности, проблемы уважительного отношения к праву, убежденности в справедливости права.

Правовая культура может быть охарактеризована как система духовных и институциональных ценностей, отражающих качественное состояние правовой жизни общества, степень развития правосознания, юридической практики и уровня гуманизации общественных отношений. В своей сущности она выступает как единство права, его реализации и восприятия в обществе.

Элементами структуры правовой культуры выступает право как нормативный регулятор общественных отношений. Как верно отмечают С.А. Жинкин, А.С. Кашлакова, А.В. Иванченко, право не только аккумулирует ее базовые, основополагающие идеи и ценности, «но и, как следствие, воплощает в реальную социально-правовую жизнь базовые требования и социокультурные достижения человеческой цивилизации» [2, с. 11].

Элементами структуры правовой культуры выступает также правосознание, выражающее отношение человека к праву. По мнению Т.Т. Велиханова, «отношение к праву, государству (признание или пренебрежение), различия в идеалах, установках, а также несовпадение правовых эмоций предопределяют разночтения и в поведении субъектов права» [1, с. 103].

Законность и правопорядок как практическая реализация правовых норм, деятельность субъектов, отражающая степень их правовой зрелости и гражданской ответственности, также являются неотъемлемыми элементами структуры правовой культуры.

Особенности российской правовой культуры, как отмечает И.Н. Правкина, определяются чувствами, взглядами, эмоциями, представлениями о праве,

правовых явлениях общественной жизни и правовой действительности, и с этой точки зрения российская правовая культура выступает результатом длительного исторического и культурного развития народа. В то же время она представляет собой важный элемент национальной правовой системы, на формирование и трансформацию которой заметное влияние оказывает идеологический фактор, определяющий направление и характер правового сознания общества. «Несмотря на значимость последнего, правосознание современного российского общества воспроизводит те ценности и установки, которые органично сочетаются с архетипами правовой культуры» [3, с. 41].

Одной из характерных особенностей современной российской действительности является недостаточный уровень правосознания и правовой культуры значительной части населения, сопровождающийся распространением правового нигилизма, что выражается в неуважении к закону, в пренебрежительном отношении к правовым институтам и в неверии в эффективность права как социального регулятора. Н.Э. Тимербулатова отмечает основные проблемы правосознания молодежи – «правовой нигилизм, инфантилизм, субъективизм и правовой идеализм. Они проявляются в безразличии к политической жизни, нарушении законов или участии в неформальных группировках с радикальными взглядами. Такое поведение обусловлено, в том числе, недостатком правового воспитания, которое должно формировать уважение к праву и закону» [4, с. 98].

На современное состояние правовой культуры оказывают негативные факторы, в частности, кризисные явления в политической и экономической сферах; несоблюдение правовых предписаний должностными лицами; высокий уровень коррупции; недостаточная правовая информированность граждан; деформация правосознания; а также устойчивые нигилистические стереотипы восприятия государства, права и деятельности правоохранительных органов.

Для повышения уровня правовой культуры граждан необходима системная и целенаправленная работа в области правового воспитания личности. Безусловно, правовое воспитание должно начинаться с раннего возраста и продолжаться на протяжении всей жизни человека.

Первостепенное значение имеет применение различных форм правового воспитания – правовое информирование, направленное на расширение знаний о законодательстве; правовое обучение, формирующее навыки применения норм права; правовая пропаганда, создающая положительное отношение к закону; юридическое образование как фундаментальная подготовка специалистов; оказание бесплатной юридической помощи гражданам; а также самовоспитание и участие в общественных обсуждениях законопроектов. Важнейшим направлением правового воспитания выступает развитие патриотизма, гражданской ответственности и осознание национальных интересов, что способствует укреплению правопорядка и общественного согласия.

Для повышения уровня правовой культуры общества необходимо проведение целого комплекса взаимосвязанных мер, направленных на формирование правового сознания и укрепление законности [5]. Среди таких мер можно выделить:

– проведение широкомасштабного правового просвещения граждан, государственных и муниципальных служащих, а также должностных лиц;

– развитие институтов правового воспитания, повышение социальной и гражданской ответственности населения, формирование уважения к закону и нормам коллективного сосуществования как основополагающих принципов правового государства;

– активное использование средств массовой информации, направленное на формирование положительного образа законопослушного гражданина и популяризацию правовых знаний;

– привлечение молодежи к активной общественной жизни;

– проведение решительных мер по борьбе с коррупцией и укреплению принципа неотвратимости ответственности за правонарушения.

Таким образом, реализация предложенного комплекса мер позволит существенно повысить уровень правовой культуры населения, изменить отношение граждан и должностных лиц к праву, укрепить доверие к правовым институтам и нейтрализовать проявления правового нигилизма. В долгосрочной перспективе это создаст прочную основу для укрепления законности, стабильности правопорядка и устойчивого развития общества и государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Велиханов Т.Т. Правовая культура как основа социальной ценности и правового порядка // Правовая культура. – 2025. – № 2(61). – С. 102–103.

2. Жинкин С.А., Кашлакова А.С., Иванченко А.В. О реализации правового воздействия на личность в ракурсе особенностей развития российской правовой культуры // Правовая культура. – 2022. – № 1 (48). – С. 7–16.

3. Правкина И.Н. Особенности и тенденции изменения российской правовой культуры в современных условиях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 3 (152). – С. 37–43.

4. Тимербулатова Н.Э. Правосознание современной молодежи // Правовая культура. – 2025. – № 1(60). – С. 97–100.

5. Правовое воспитание сотрудников органов внутренних дел / А.Н. Александров, К.В. Буняева, В.В. Васильев [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. – 165 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеева Л.А., Лысак М.В.	Трансформация правосознания общества в современных условиях	3
Апальков А.В., Козырева М.К.	Трансформация консюмеризма в современном обществе потребления	7
Бобков А.И.	Неолиберальная идеология внутренней русофобии как демонтаж преемственности русской идеи	10
Богачева М.В.	Некоторые вопросы информационной деятельности органов внутренних дел в сфере охраны общественно- го порядка	17
Божко Е.А.	Соотношение понятий «право» и «закон» в позитивистско- правовом наследии В.Д. Каткова	25
Буняева К.В.	Влияние экстремистских организаций на миграционные потoki	32
Вородюхин С.Е.	Коррупция как аксиологическая угроза современной России	35
Воронцова Ю.А.	Социально-ориентированный аспект деятельности полиции	39
Галиуллина А.И., Латыпов В.С.	Методологические аспекты превенции и расследования преступлений с использованием дипфейков в отечественном уголовном процессе: вызовы для теории и практики	42
Гарина О.В., Бурлакова С.М.	Искусственный интеллект на страже правопорядка	48
Гончарова Д.А.	Влияние модернизации общества на правовые ценности: основные вызовы и трансформации	52
Долин В.А.	Секуляризм как принцип государственно- конфессиональных отношений: постсекулярный контекст	57

Дудченко Л.В.	Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне в сознании обучающихся образовательных организаций системы МВД России (на примере Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова)	64
Дурнева Н.С.	Теократическая государственность в современном мире	71
Ерыгина В.И.	Народное представительство как конституционно-правовая ценность	75
Залюбовская В.В.	Конституция победившего социализма 1936 года	81
Зверева А.В.	О нравственных аспектах деятельности сотрудников органов внутренних дел при проверке сообщения о преступлении в сфере экономической деятельности	84
Зубкова И.А.	Историческое развитие презумпции невиновности в административном законодательстве России	88
Каменев М.А.	Административная ответственность за пропаганду отказа от деторождения: комплексный анализ в контексте защиты традиционных ценностей	92
Киреев М.Н., Коренева Е.Н.	Духовно-нравственные ценности аксиологической составляющей правовой культуры	97
Ковган Е.Ю.	Традиционные ценности в контексте национальной безопасности: оценка рисков и перспективы сохранения в Российской Федерации	101
Козлова А.А.	Роль правовых стратегий в защите духовно-нравственных ценностей современного общества	105
Корчагина К.А.	Методология права в российской юриспруденции: актуальные проблемы	109
Котарева О.В.	Демография – 2030: с опорой на традиционные ценности	113
Кудовба О.Н.	Методологические вызовы современной юриспруденции: поиск путей развития отечественного правоведения	117

Курилова Н.В.	Миграция иностранных несовершеннолетних: принцип соразмерности	121
Лановая Г.М.	Моральные ценности как объект правового мышления	125
Коськова Е.Д., Липич Т.И.	Справедливость как главная ценность права: философско-правовой анализ	129
Лысенко В.А.	Нравственность как фактор, определяющий содержание и направленность современного законодательства	134
Макеев В.А.	Роль сотрудника органов внутренних дел как носителя традиционных ценностей в эпоху информационного противоборства	138
Меняйло Д.В., Кузнецов А.В., Славко В.А.	О ценности информации в условиях цифровизации общества в России	142
Миронов Д.Ю., Дудченко Л.В.	Трансформация традиционных ценностей и ее влияние на устойчивость национального менталитета	147
Оксененко И.В.	Антропологический проект русского космизма как философско-правовой ответ на вызовы дегуманизации в условиях цифровой трансформации	153
Омелина О.С.	Социальные ценности современной молодежи	160
Пономарева О.М.	Роль национальной идеи в формировании идеологии российского государства в современных условиях	163
Попов В.В.	Субъективные права как ценностные модальные суждения: проблемы теории	167
Приходько В.С.	Правовое обеспечение культурно-цивилизационного суверенитета России в условиях становления многополярного мира	171
Радченко М.Л.	Проблема формирования новой концепции «государственного патриотизма» в условиях вызовов и угроз (исторический аспект)	178

Римский А.В.	Ценностные основания права в условиях современной социокультурной трансформации: пути формирования нового аксиологического консенсуса	181
Роматова Ю.К.	Роль ответственности за организацию привлечения денежных средств и имущества в укреплении социально-экономических прав граждан в условиях модернизации российского общества	184
Рязанцева Е.Г., Комнатная Ю.А.	Вопросы правового регулирования статуса органов прокуратуры Российской Федерации в системе обеспечения национальной безопасности России	188
Скандаков И.П., Киданова Н.Л.	Ключевые аспекты контрпропаганды в контексте информационного противодействия	192
Сорокопуд М.С.	Идеология цифрового общества и ее влияние на духовно-нравственные ориентиры личности: философско-правовая интерпретация	195
Таранова А.Е., Антонов Е.А.	Трансформация предметности юридической науки через смену типов научной рациональности и связь с философией права	202
Толстых М.Ю.	Дорожная карта использования больших данных в образовании как стратегия цифровизации и эволюции правовой культуры	208
Тумин А.Ю., Зайцев Р.Б., Лукичев М.В.	Служение отечеству в XXI веке: идеологические вызовы для традиционной ценности в условиях цифровизации и глобализации	213
Усова Г.М., Цуриков И.М.	Война как социокультурный феномен и ее влияние на онтологические основы права: традиционные ценности в условиях экзистенциального вызова	219
Хужина О.Н.	Роль органов внутренних дел в сохранении и укреплении традиционных ценностей	225
Чернегова В.В.	Совершенствование юридической техники в контексте обеспечения сохранения правовых ценностей	230

Черных С.С.	Традиционные ценности в структуре отечественной правовой культуры	234
Чистюхина М.В.	Конституционно-правовые гарантии института семьи в Российской Федерации	239
Шаповал Н.А.	Дисциплина как основа сохранения и укрепления традиционных ценностей	242
Школьный А.М.	«Полицейское государство»: формирование понятия в западноевропейской полицейско-правовой теории	245
Яловенко Т.В.	Особенности правовой культуры современного российского общества	253

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЦЕННОСТИ В ПРАВЕ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

**Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции
31 октября 2025 г.**

Выпуск 2

Редактор
Комп. верстка

*М.К. Козырева
И.Ю. Чернышева*

Подписано в печать 2026 Формат 60х90/16
Усл. печ. л. 12. Тираж 27 экз. Заказ 19

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
г. Белгород, ул. Горького, 71

ISBN 978-5-91776-682-9

